

Густова Л. И.

«СЛАВЛЮ СЕЛЬСКУ ЖИЗНЬ НА ЛИРЕ...»

**УСАДЬБА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ
XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКОВ**

Санкт-Петербург
ИД «Петрополис»
2013

УДК 82-1

ББК 84-5

Г 96

Густова Л. И.

«Славлю сельскую жизнь на лире...» Усадьба в русской поэзии XVIII – первой трети XIX веков. — Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2013. — 215 с.

Рецензенты:

Вершинина Н. Л., доктор филологических наук, профессор Псковского государственного педагогического университета;

Старк В. П., доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ Пушкинский Дом РАН.

Книга посвящена исследованию усадебной поэзии XVIII–XIX веков как литературного и культурного феномена. Актуальность темы обусловлена усилившимся в последние годы интересом к усадебной культуре. Не в последнюю очередь это связано с ностальгической грустью по дворянским усадьбам, в которых веками создавались культурные и национальные ценности. Вместе с тем, представление о русской усадьбе будет не полным, если не определить ее поэтический образ, созданный в творчествах таких поэтов как Г. Р. Державин, В. В. Капнист, Н. М. Языков, Е. А. Баратынский, А. С. Пушкин и многих других.

Воспоминания об отечественной истории, о людях, чьи имена священны для России, приводят именно в старинную русскую усадьбу. Историческая, поэтическая память делает ее источником вечных, непреходящих ценностей.

В книге впервые типологически осмыслено понятие «усадебная поэзия», обобщены материалы по наполнению этого понятия историко-литературным и теоретическим содержанием.

ISBN 978-5-9676-0447-8

© Густова Л. И., 2013.

© ИД «Петрополис», 2013.

Благодарю моих друзей за любовь и поддержку:

Саськову Татьяну Викторовну ~ доктора филологических наук, профессора МГУ;

Забабурову Нину Владимировну ~ доктора филологических наук, профессора Государственного университета Ростова-на-Дону;

а также Павлову Елену Геннадьевну ~ генерального директора ИД «Петрополис».

*Моей любимой семье ~
дочери Елизавете и мужу Евгению Анатольевичу ~
посвящаю с любовью.*

Обращение Л. И. Густовой к теме отражения русской усадьбы в поэзии, безусловно, оправдано тем интересом к истории усадебной культуры, который проявился как в обществе, так и в науке в последние десятилетия. Прошло как раз сто лет с той поры, как деятели культуры «Серебряного века» обратили свое внимание на историю и состояние русской усадьбы. Теперь мы вновь обращаемся к этой своеобразной странице в жизни России. При том, что более изученными оказались аспекты усадебной культуры, связанные с паркостроением, общей ролью усадеб, особенно в провинции, в общественной жизни, и даже картинные галереи русской усадьбы привлекли к себе сосредоточенное внимание, «усадебная поэзия» оказалась недостаточно изученной. И в этом плане книга Л. И. Густовой вносит в эту область научного знания свой несомненный вклад. Впервые тема усадебной поэзии рассмотрена в теоретическом плане в аспекте ее трансформации, а также в контексте основных литературных стилей эпохи — сентиментализма, романтизма — что углубляет историко-типологическую проблематику. Таким образом, книга Л. И. Густовой позволяет говорить о значительной и продуктивной работе, существенно уточняющей современные представления

об образе русской усадьбы в отечественной поэзии XVIII – первой трети XIX веков и являет собой бесспорный вклад в изучение этой серьезной и широкой темы, с точки зрения изучения литературы и истории русского искусства.

*Леняшин В. А., заведующий отделом
живописи второй половины XIX – начала XX
веков Русского музея, доктор искусствоведения,
профессор, заведующий кафедрой русского искусства
Санкт-Петербургской академии живописи,
скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина*

ВВЕДЕНИЕ

«Русская усадьба, ее культура, как — то ни парадоксально, остается еще мало понятой и плохо истолкованной областью русской истории»¹, — отмечается в исследовании по истории усадеб. Представление о русской усадьбе будет неполным, если не определить тот ее поэтический образ, который сложился в русской лирике времени создания и расцвета усадебного строительства, то есть в конце XVIII – первой трети XIX веков.

Насколько нам известно, термин «усадебная поэзия», равно как и «усадебный текст», вводит в научный оборот исследователь В. Щукин². Ссылаясь на работы В. Н. Топорова³, где присутствует понятие «петербургский текст», Щукин пишет: «Доподлинно известно, что в русской литературе существовал по крайней мере один текст, несущий в себе и порождающий в своих недрах информацию мифологического типа, связанную с определенным геокультурным локусом. Это

---

¹ Турчин В. С. Аллегория будней и празднеств в сословной иерархии XVIII–XIX веков: от усадебной культуры прошлого до культуры наших дней / В. С. Турчин // Русская усадьба. — М., 1996. Вып. 2 (18). С. 16.

² Щукин В. Усадебный текст русской литературы: основные параметры / В. Щукин // Studia Rossica. VI. — Warszawa, 1998. С. 87–100.

³ Например: Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы. (Введение в тему) / В. Н. Топоров // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 64. Семиотика города и городской культуры. — Петербург-Тарту, 1984. С. 4–29.

петербургский текст. Однако высокая частотность произведений, построенных по образцу усадебной повести, продуктивность этой структурной и мифологической модели, наличие в ней устойчивых семантических комплексов, сюжетно-композиционных, предметно-образных и стилистико-поэтических шаблонов — все это позволяет утверждать, что существует и усадебный текст русской литературы»⁴. Развивая модель, предложенную Топоровым, Щукин строит свое исследование «усадебного текста», опираясь в основном на прозаические произведения писателей XIX – начала XX веков.

Настоящая работа посвящена исследованию феномена «усадебной поэзии» в русской лирике 1740-х – 1830-х гг.

Автором впервые был предпринят опыт составления поэтической антологии, посвященной теме русской усадьбы XVIII–XX веков⁵. Однако целью данного издания не являлось уяснение теоретического понятия «усадебная поэзия».

Обращение к данной теме обусловлено усилившимся в последние годы интересом к усадебной культуре. Не в последнюю очередь это связано с ностальгической грустью по дворянским усадьбам, в которых веками создавались культурные национальные ценности. Однако в появившихся многочислен-

---

⁴ Щукин В. Усадебный текст русской литературы / В. Щукин. — С. 88.

⁵ Густова Л. И. «В сени пленительных дубрав»: Вступит. ст. / Л. И. Густова // «Дворянских гнезд заветные аллеи»: Усадьба в русской поэзии. — М., 1994. С. 5–16.

ных работах, нацеленных на ее исследование, усадьба, как правило, рассматривается в культурологическом или историко-экономическом аспектах. Следует отметить, что и в обобщающих трудах, посвященных усадьбе XVIII – начала XIX вв., осмысливались в основном отдельные ее составляющие: архитектура, садово-парковое искусство, театр, собрание живописи и т. д.⁶

Целью работы является — раскрыть содержание литературного комплекса «*усадебная поэзия*» и проследить его трансформацию от 40-х годов XVIII к первой трети XIX века, исследовать влияние усадьбы

---

⁶ См., например: «...в окрестностях Москвы». Из истории русской усадебной культуры XVII–XIX вв. / Сост. М. А. Аникст, В. С. Турчин. — М., 1979; Байбутова Р. М. Русская усадьба XVIII века как отражение внутреннего мира современников / Р. М. Байбутова // Русская усадьба. — М., 1994. — Вып. 1(17). С. 96–97; Долгополова С., Лаевская Э. Душа и Дом. Русская усадьба как выражение софийной культуры / С. Долгополова, Э. Лаевская // Наше наследие. — 1994. — № 29–30. С. 146–158; Каждан Т. П. Художественный мир русской усадьбы / Т. П. Каждан. — М., 1997; Коваленко Т. А. Менталитет дворянской культуры XVIII в. / Т. А. Коваленко // Общественные науки и современность. — 1975. — № 5. С. 108–117; Мир русской усадьбы. Памятники отечества. — М., 1993; Мир русской усадьбы. — М.: Наука, 1995; Михайловская пушкиниана. По материалам конференции «Столица и усадьба: два дома русской культуры». Пушкинские Горы. — М., 2003. — Вып. 23; Русская провинциальная культура XVIII–XX вв. — М., 1993; Сборник статей: Серийное издание «Русская усадьба». — Вып. 1–6. — М., 1994–1999; Стернин Г. Ю. Усадьба в поэтике русской культуры / Г. Ю. Стернин // Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы. — Вып. 1(17). — М., 1994. С. 46–52; Усадьба в русской культуре. — М., 1996; Швидковский Д. Усадьбы старые таинственной Руси / Д. Швидковский // Наше наследие. — 1994. — № 29–30. С. 3–19.

на внутреннее бытие поэта и преобразование этого влияния в поэтический образ.

В работе впервые предпринято исследование феномена «усадебная поэзия». Прослеживаются закономерности его сущностного становления на уровне поэтологических изменений; осмысливается многогранность усадебного топоса посредством синхронного и диахронного подходов к материалу.

Впервые типологически осмыслены понятия «усадебный топос», «усадебная поэзия», обобщены материалы по наполнению этих понятий историко-литературным и теоретическим содержанием.

Важно подчеркнуть, что внимание сосредоточено не на поэтике образа усадьбы в его цельном монографическом выражении применительно к отдельно взятому автору, а на том содержательном и эстетическом вкладе, который данный автор внес в создание образа усадьбы, как типологического и универсального: в поэтической оригинальности каждого из поэтов всегда «просвечивает» общее. Целью исследования является выявление общего в частном и осмысление характера изменений этого общего, модального наполнения образа усадьбы, зависящего от времени, обстоятельств жизни, от эстетической позиции автора, обособленности «дворянского гнезда». Таким образом акцент делается на трансформации образа усадьбы в пределах усадебного топоса.

Следует отметить, что термин «усадебная поэзия» в усадебной лирике XVIII – начала XIX веков почти не

встречается⁷. Вместо него употребляется соотносимое и более распространенное в то время понятие «деревня». В. И. Даль называет усадьбой «господский дом на селе, со всеми ухажаями, садом, огородом»⁸. В Словаре языка Пушкина понятие «деревня» определяется так же, как «усадьба» в словаре Даля, — «Помещичий дом с примыкающими к нему строениями и угодьями»⁹. Таким образом, обнаруживается, что в середине XVIII – первой половине XIX веков понятия «деревня» и «усадьба» являются фактически равноценными и равноправными. Их дифференциация и локализация произойдет лишь во второй половине XIX века, когда слово «усадьба» войдет в поэзию и культуру в своем буквальном значении; например, у И. Бунина: «...гром за *усадьбой* грохотал», «...Еще *усадьба* спит». Или у Н. Гумилева: «Усадьбы старые разбросаны...», или у В. Набокова: «...бледное пятно усадьбы дальней...».

Возможно, поэтому Василий Щукин относит возникновение термина «усадебная поэзия» именно ко второй половине XIX века. Феномен «усадебной поэзии», как нам представляется, необходимо исследовать исходя как из филологических (жанр и

---

⁷ Исключением в данном случае является стихотворение Г. Р. Державина «...Иль в стекла оптики картинные места / Смотрю моих усадьб...» // «Евгению. Жизнь Званская»/ Державин Г. Р. Стихотворения. Вступ. ст. Д. Д. Благого. — Л., 1957. С. 330. («Библиотека поэта». Большая серия.)

⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. — М., 1980. Т. IV. С. 510.

⁹ Словарь языка Пушкина: В 4 т. — М., 1961. Т. 4. С. 730.

мотив), так и культурологических категорий (реалии культуры усадебного быта). Мы считаем, что «усадебная поэзия» возникает не в середине XIX века, как полагает В. Щукин¹⁰, а уже в 40-е годы XVIII века в поэзии Кантемира. В XVIII веке в «усадебной поэзии» еще нет того ярко выраженного рефлексивного начала, которое очень сложно будет представлено у Пушкина и поэтов его круга. В XVIII веке четко разделяются литературная традиция (горацианской и описательной поэзии) и буквальное, эмпирическое воспроизведение деталей усадебного быта.

В начале XIX века поэты уже стремятся привести эти два начала к единству, выбирая смежные формы идиллии и антиидиллии (у Пушкина — «Деревня», «Зима. Что делать нам в деревне...» и др.). С этой точки зрения в работе рассматриваются отдельные произведения Пушкина, а также Языкова, Вяземского, Баратынского, Гнедича и других поэтов, исследуется та грань их творчества, которая обнаруживает в себе усадебный топос.

В центре внимания поэтов — «овечья мифическая ореолом поэзия дворянских гнезд»¹¹. Лирический герой усадебной поэзии — частный человек в его разнообразных модификациях, а ее эстетические приоритеты — в творениях поэтов и философов древности: Феокрита, Горация, Вергилия,

---

¹⁰ См.: Щукин В. Усадебный текст русской литературы / В. Щукин. С. 95: «...существовала не только усадебная проза, но и усадебная поэзия. Ее вершиной, без всякого сомнения, следует считать творчество Фета...»

¹¹ Там же. С. 91.

Эпикура, авторов русской и английской пасторали XVIII века¹².

Процесс изучения «усадебной поэзии» с точки зрения культурологической парадигмы и в филологии выявил несколько главных аспектов, которые не могут быть затронуты в данной работе. В первую очередь следует обозначить проблему пасторально-идиллического комплекса применительно к «усадебной поэзии». В последние годы ей уделено особое внимание в специальной литературе. Отдельные аспекты «усадебной поэзии», обозначенные как «идеальный топос» русской поэзии в контексте тургеневской прозы, рассматриваются в диссертационной работе Н. С. Мовниной. «Возникновение в русской поэзии идеального топоса, «развернутого» в рамках оппозиций внутреннее — внешнее (дом — мир) и природа — социум (деревня — город), исходно связано с обращением к идиллической традиции»¹³, отмечает автор.

Существенно важным для осмысления нашей темы является исследование Е. Е. Дмитриевой и О. Н. Купцовой «Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай»¹⁴, которое представляет собой

---

¹² См. монографии: Саськова Т. В. Пастораль в русской поэзии XVIII в. / Т. В. Саськова. — М., 1999; Зыкова Е. П. Пастораль в английской литературе XVIII в. / Е. П. Зыкова. — М., 1999.

¹³ Мовнина Н. С. Поэтика тургеневской повести 1850-х годов: К проблеме взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / Н. С. Мовнина. — СПб., 2000.

¹⁴ Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа:

размышление о том, какую роль в отечественном культурном сознании сыграл сам факт существования усадьбы. В монографии предпринята попытка проанализировать и обратный процесс: как определенный ракурс литературы и философии формировал усадебный быт, реальное усадебное пространство. Локализуются отдельные точки пересечения русского «усадебного текста» с жизнью европейской усадьбы.

Следует отметить работы И. О. Шайтанова, Т. В. Саськовой, Е. П. Зыковой, Н. О. Осиповой, Н. В. Забабуровой, Н. Т. Пахсарьян, которые в целом развивают идею *двуединства* образа усадьбы. С бытовой точки зрения усадьба — это комплекс изысканных строений, окруженный преобразенной человеком природой. Философское понятие усадьбы предполагает своеобразный макрокосмос, Вселенную, воплощенный «золотой век». Идеалы «усадебной поэзии» в полной мере созвучны пасторально-идиллическому мироощущению.

От пасторали «усадебная поэзия» впитала в себя способность поэтического изображения простоты и мирного течения сельской жизни с точки зрения городского жителя, воспринимающего ее как идеал, которого он лишен. По мысли Е. П. Зыковой: «Пастораль, вероятно, первый из литературных жанров, который начинает изображать бытовую сторону жизни частного человека, но одновременно она стремится

опоэтизировать этот быт, представить его под знаком идеала, показать его как наиболее благоприятный для частного человека способ существования»¹⁵. Усадебная поэзия, ориентируясь на пастораль, «создает идеализированную картину жизни, противопоставляя ее порочной наличной действительности»¹⁶. Представляется важным для темы нашего исследования замечание о парадоксальном сочетании в пасторали «реалистической конкретики и идеализирующего начала»¹⁷. Эти пасторальные особенности характерны и для «усадебной поэзии».

Пастораль исследуется в монографии Е. П. Зыковой как общекультурный идеал сельской жизни в гармонии с природой, который реализуется в ряде литературных жанров (эклога, георгика, поэма о сельской усадьбе) и в каждую эпоху видоизменяется в зависимости от социально-исторической ситуации. В исследовании «Поэма о сельской усадьбе в русской идиллической традиции»¹⁸ Е. П. Зыкова проследивает процесс становления поэмы о сельской усадьбе в русской литературе XVIII века, отмечая тот факт, что первостепенную роль в этом сыграли подражания второму эподу Горация, прозаические письма Сенеки и Плиния. Важна ее мысль о том, что в поэме

---

¹⁵ Зыкова Е. П. Пастораль в английской литературе XVIII века / Е. П. Зыкова. — М., 1999. С. 11.

¹⁶ Там же. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 11.

¹⁸ Зыкова Е. П. Поэма о сельской усадьбе в русской идиллической традиции / Е. П. Зыкова. // Миф. Пастораль. Утопия. — М., 1999. С. 59.

о сельской усадьбе «литература наиболее непосредственным образом соприкасается с реальностью, формируя представления об определенном стиле и образе жизни в сельской усадьбе»¹⁹.

Исследователь И. О. Шайтанов особенно выделил идею о том, что «пастораль — это не только литературный жанр, но и “мировоззрение”, “пасторальность” — особая точка зрения на действительность и, прежде всего, на то, что мы называем сельской жизнью»²⁰. Именно такого рода «мировоззрение» отличает поэтов-авторов усадебной лирики.

Т. В. Саськова на материале русской литературы исследует пастораль XVIII в. В монографии, посвященной данной теме, она заостряет внимание на одной из наиболее сложных проблем изучения этого жанра в аспекте направлений и литературных стилей. Автор указывает на то, что «...пастораль... легко вступает в контакт с иными жанрами. А в русской литературе особенно сильны тенденции полифонизма»²¹. Для нашей работы эта мысль представляется особенно продуктивной в связи с тем, что «усадебная поэзия» реализуется в различных жанрах: дружеского послания, элегии и т. д. Мысль о том, что без пасторальной поэзии «невозможно адекватно представить себе эпоху и менталитет живших в то время

---

¹⁹ Зыкова Е. П. Поэма о сельской усадьбе в русской идиллической традиции ... С. 60.

²⁰ Шайтанов И. О. Мыслящая муза. «Открытие природы» в поэзии XVIII века / И. О. Шайтанов. — М., 1989. С. 47.

²¹ Саськова Т. В. Пастораль в русской поэзии XVIII века / Т. В. Саськова. С. 8.

(XVIII век) людей»²², применима и к роли «усадебной поэзии» в историко-литературном процессе XVIII – начала XIX веков.

Существенный вклад в изучение феномена «усадебной поэзии» внесла подготовленная Е. П. Зыковой антология «Сельская усадьба в русской поэзии XVIII – начала XIX века»²³. Особо следует отметить, что поэтические тексты в сборнике расположены по жанрово-тематическому принципу, и это дает возможность проследить тенденции, эволюцию тем, мотивов и образов усадебной поэзии, представить соответствующие ей жанровые разновидности. При этом Е. П. Зыкова показывает, что «усадебная поэзия» существовала как особая жанровая разновидность пасторали, со своим литературным этикетом, набором традиционных тем, образов и способов их осмысления.

Идиллия вносит в «усадебную поэзию» «известное настроение ума»²⁴, «особый строй чувств»²⁵. Идиллическое мироощущение — устойчивая черта, содержательная основа «усадебной поэзии». Она включает в себя синтез усадебной бытовой реальности и ее эстетизированных форм, восходящих к идиллии и пасторали. В данном случае мы отождествляем

---

²² Там же. С. 149.

²³ Сельская усадьба в русской поэзии XVIII – начала XIX века / Сост., вступ. ст., коммент. Е. П. Зыковой. — М., 2005.

²⁴ Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. — М., 1985. С. 24.

²⁵ Шиллер Ф. О наивной и сентиментальной поэзии / Ф. Шиллер // Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. — М., 1967. Т. 6. С. 440.

понятия «пастораль» и «идиллия», поскольку речь идет не о жанре, а об идиллическом комплексе, имеющем разные формы культурного воплощения.

Как известно, проблеме идиллии посвящены классические исследования Жан-Поля Рихтера, а в отечественном литературоведении XX в. — М. М. Бахтина, В. Э. Вацуро, Н. Л. Вершининой и других ученых. Нужно отметить, что указанная в них идиллическая топика в своих основных проявлениях соединяется с усадебной. Применяя формулу идиллии в эстетике Жан-Поля Рихтера как «...изображение полноты счастья в ограничении»²⁶, Н. Л. Вершинина выделяет идиллию *наивную и сентиментальную*²⁷, характеристические признаки которых адекватны усадебной поэзии первой трети XIX века (например, поэтике стихотворения «Вновь я посетил...» А. С. Пушкина).

При том, что теория вопроса сегодня уже достаточно исследована, мощный пласт идиллической традиции в истории русской поэзии еще не вполне оценен. Объектом нашего исследования является не идиллия как жанр, а *усадебный топос*²⁸ в идилличе-

---

²⁶ Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики / Жан-Поль. — М., 1981. С. 263.

²⁷ Вершинина Н. Л. К вопросу об «идиллической основе» повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» / Н. Л. Вершинина // Карамзинский сборник. — Ульяновск, 1999. С. 3–11.

²⁸ В современном литературоведении достаточно полно разработано понятие топоса. См.: Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. — М., 1983; Панченко А. М. Топика и культурная дистанция / А. М. Панченко // Историческая поэтика: итоги и перспективы. — М., 1988, С. 236–240; Марцинкевич Н. Понятие топоса как литературоведческая

ской традиции. Вместе с тем, в «усадебной поэзии» обнаруживается целый *комплекс мотивов*²⁹, связывающих усадебное пространство с идиллическим комплексом в мировой поэзии.

В жизни русской усадьбы *сад*³⁰ — это важнейшая реалия. Однако «усадебная поэзия» придает ей идеальный смысл, пользуясь средствами идиллической топики. При этом, как заметила И. И. Свирида: «Сад просветителей реализовывал многоаспектную, имеющую дидактическую направленность программу. В ней моделировались отношения человека с природой и обществом, воплощались основные категории

проблема / Н. Марцинкевич // Славянскія літаратуры у сусветным кантэксце. Матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Славянскія літаратуры у кантэксце сусветнай». Мінск, 18–20 лістапада 1997: В 2 ч. Ч. 2. — Мінск БГУ, 1999. С. 104–107; «Основная функция *топосов* и локусов в тексте — формальная: указание на место действия. Однако топос может брать на себя и дополнительные семантические нагрузки в зависимости от функционирования в художественной системе писателя» (Указ. соч. С. 106). Одним из преломлений топоса как «культурно-типологической семиотической единицы» выступает идиллия в качестве наиболее общего выражения однонаправленных онтологических интенций.

²⁹ Принятой нами методологии отвечает определение, предложенное О. В. Васильевой: «Под мотивом, — пишет новейший исследователь, — понимается повторяющаяся минимальная структурно-семантическая единица текста, выраженная словом, обладающая способностью семантически “разворачиваться” в тексте, вращаясь в сложную многоуровневую структуру...». (Васильева О. В. Функция мотива в лирике М. Ю. Лермонтова: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / О. В. Васильева. — Псков, 2004. С. 7.

³⁰ См.: Михайлова Н. И. Сад / Н. И. Михайлова // Онегинская энциклопедия: В 2 т. — М., 2004. Т. 2. С. 451–453.

мышления просветителей, их представления о свободе, личном счастье... Сад должен был обращаться к разуму и чувствам, его стремились сделать приятным и полезным. В целом деятели этой эпохи полагали, что создание парков – дело людей просвещенных, обладающих широкими познаниями и хорошим вкусом»³¹.

Понятие *русский усадебный парк* возникло в середине XVIII века. А. Т. Болотов, переводивший на русский язык английские и немецкие руководства по разведению и разбивке садов и парков, писал о том, что он завел у себя в Богородицке сад. Вблизи дома владельца располагался цветник с его обычно архитектурным построением, связывая архитектуру дома с пейзажной частью парка. Интерес к садово-парковому искусству в конце XVIII в. был чрезвычайно велик и носил не только практический, но и теоретический характер. В эту пору издавались многотомные «Подробные словари для сельских и городских охотников и любителей ботанического увеселительного садоводства», множество журналов: «Сельский житель», «Экономический магазин» и др., в которых печатались всевозможные рекомендации по благоустройству усадеб. Поэты создавали оды и гимны садам и усадьбе в целом.

Идеальность мотиву сада придают сопутствующие ему мотивы, персонифицирующие духовную

---

³¹ Свирида И. И. Поэтика пейзажного парка и культура Просвещения / И. И. Свирида // История культуры и поэтика. — М.: Наука, 1994. С. 91.

жизнь владельцев. Так, мотив воспоминаний о встрече с родной усадьбой после долгой разлуки продуцирует предметный ряд: въездная аллея, усадебный храм, фамильные галереи с портретами предков.

Мотив «*темных аллей*» является знаковым в усадебной поэзии.

Усадебный храм, как почти обязательная принадлежность загородного архитектурного комплекса, — представляет собой не менее значимый поэтический мотив.

Святая церковь — флигель южный,
Где Бог меня благословил
Принять обет любви супружный
И счастьем дни мои скрепил³².

Родовое поместье часто бывало местом упокоения:

Дом уютный меж холмами,
В тени берез вот Божий храм,
И вот погост с его крестами,
Где меж родных он ляжет сам³³.

Фамильные портреты — также обязательная принадлежность усадебного интерьера³⁴. Вспомним

---

³² Бакунин А. М. Осуга / А. М. Бакунин // Наше наследие. — 1994. — № 29–30. С. 56.

³³ Козлов И. И. Стихотворения / И. И. Козлов. — М., 1979. С. 125.

³⁴ См.: Стернин Г. Ю. Усадьба в поэтике русской культуры / Г. Ю. Стернин // Русская усадьба. — М., 1994. — Вып. 1 (17). С. 50–51.

чувства Дубровского, для которого портрет его матери в старом отцовском доме был не только символом детства, дома, но и символом самоутверждения, «самостоянья».

Одним из наиболее значимых мотивов «усадебной» поэзии является мотив сельского уединения³⁵. Поэты XVIII века прославляют свой «побег» из города в усадьбу, где они, освободившись от государственной службы, занялись возделыванием родового гнезда. А. Т. Болотов, создатель русских садов, в своих мемуарах так отмечает тот «наидостопамятнейший» день, когда он получил «абшид», т. е. разрешение выйти в отставку: «...сам себя почти не вспомнив от радости и удовольствия. Ибо минута сия была решительная, и я мог уже считать с самой оной отставленным и от всей службы освобожденным вольным человеком»³⁶.

Идея вольности, столь важная для дворян «осмнадцатого столетия», ощутивших ценность и значение своего «я», для ряда литераторов сочетается в «философии сельской жизни» с темой уединения. Идеал уединения был созвучным с внутренними устремлениями просвещенных представителей рус-

---

³⁵ Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII в. / Ю. В. Стенник. — СПб., 1995. С. 85; Шайтанов И. О. Мыслящая муза / И. О. Шайтанов. С. 97–101; Вершинина Н. Л. Уединение / Н. Л. Вершинина. Онегинская энциклопедия: В 2 т. — М., 2004. Т. 2. С. 614–616.

³⁶ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков / А. Т. Болотов. Вступ. ст. и примеч. А. В. Гулыги. — М., 1986. С. 466.

ского дворянства. А. П. Сумароков, предпочитающий уединенную сельскую жизнь городской, развивает антитезы в виде сравнений: «Какой потолок прекраснее свода небесного? <...> Какие стороны могут быть столь украшены, как рощи и дубравы? Какой пол может быть приятнее зеленых лугов и мягких мурав, по которым извиваются шумящие и прохлаждающиеся источники?» Вывод: «Что делается на свете, я знать не любопытствую, и удалившихся света в простоте и в моем уединении обретаю время златого века»³⁷.

И. О. Шайтанов отмечает, что «в XVIII веке... мотив уединения сопровождает всю просветительскую литературу, прозу и поэзию»³⁸. Уединение «выдвигается в качестве идеальной жизненной программы, в которой сосредоточено культурное сознание»³⁹. В духе Вергилия и Горация слагались гимны уединению. Оппозиция города и сельской местности, природы и цивилизации вошла в сознание, вначале реализуя себя в подражаниях римским поэтам,

---

³⁷ Сумароков А. П. Письма о красоте природы / А. П. Сумароков // Трудлюбивая пчела. — 1759. — Май. С. 312–313. А. П. Сумарокову «вторит» М. Прокудин-Горский: «Блаженное и приятное уединение, не имеющее в себе пороков, вожделения страстей, зарождающих сердце человеческое; напротив того — поселяющее умеренность — причину спокойствия нашего: оно отгоняет все смутные мысли, которые творят в нас желания бесчисленных надобностей, так что человек никогда доволен не бывает живучи в пространном городе, где единая только наружность является» (Прокудин-Горский М. И. Уединенные размышления деревенского жития / М. И. Прокудин-Горский. – Б. м., 1770. С. 72.

³⁸ Шайтанов И. О. Мыслящая муза / И. О. Шайтанов. С. 97.

³⁹ Там же. С. 98.

потом обрета самостоятельность в творчестве поэтов последней трети XVIII – нач. XIX веков: Н. М. Карамзина, М. Н. Муравьева, В. К. Тредиаковского, В. В. Капниста, позднее В. Л. Пушкина, А. С. Пушкина. В стихотворении Н. М. Карамзина «Послание к Дмитриеву» звучит призыв к уединению, уходу от «безумия» современников в мир частной сельской жизни, в мир природы:

А мы, любя дышать свободно,
Себе построим тихий кров
За мрачной сению лесов,
Куда бы злые и невежды
Вовек дороги не нашли,
И где б без страха и надежды,
Мы в мире жить с тобой могли,
Гнушаться издали пороком...⁴⁰

Сельское уединение требует душевных сил, самодисциплины и хорошо продуманного устройства жизни. Поэты первой трети XIX века воспринимают его как возможность творчества. В поэзии этого периода делается акцент на культурном деятельном досуге просвещенного дворянина. Примером этого может служить признание А. С. Пушкина:

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихой труд и жажду размышлений.

---

⁴⁰ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений / Н. М. Карамзин. Вступ. ст., подг. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. — М.–Л., 1966. С. 138. («Библиотека поэта». Большая серия.)

Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать внимание долгих дум⁴¹.

Таким образом, мотив уединения предстает в «усадебной» поэзии как своеобразная онтологическая модель.

Таковы устойчивые магистральные мотивы «усадебной» поэзии. В процессе исследования мы стремимся проследить, как поэтика мотивов будет развиваться и трансформироваться в период с середины 40-х гг. XVIII в. по первую треть XIX в.

В первой главе «“Славлю сельскую жизнь на лире” (Образ русской усадьбы в поэзии XVIII века)» рассматривается процесс зарождения и формирования усадебного топоса в русской поэзии XVIII века. Этому явлению способствовала зарождающаяся культура самой усадебной жизни в России, а также переводы, «подражания» римским классикам (Горацию и Вергилию). Усадебный топос исследуется на примере творчества Кантемира, Тредиаковского, Капниста, Муравьева, Державина и других поэтов.

Вторая глава «“Священный сердцу кров” (Образ усадьбы в русской поэзии начала XIX века)» посвящена исследованию мотивных комплексов, составляющих формально-содержательную доминанту повествовательной структуры усадебной лирики первой трети XIX века, на примере творчества

---

⁴¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. / А. С. Пушкин. — М.–Л., 1937–1949. Т. 2. С. 181. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках римской цифрой — тома, арабской — страницы.

Языкова, Вяземского, Баратынского, Гнедича, Бакунина.

Третья глава «“Наследственная сень” (Образ усадьбы в поэзии А. С. Пушкина)» исследует усадебно-идиллические мотивы в лирике Пушкина и деревенских главах романа «Евгений Онегин».

В заключении подводятся итоги работы и намечаются перспективы для исследования «усадебной поэзии» в позднейшие периоды развития русской литературы.

ГЛАВА I.
«СЛАВЛЮ СЕЛЬСКУ ЖИЗНЬ
НА ЛИРЕ»

(ОБРАЗ РУССКОЙ УСАДЬБЫ
В ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА)

К 40-м годам XVIII века восходит культура русской дворянской усадьбы и, соответственно, начинается складываться усадебный топос в поэзии. Ю. М. Лотман отмечал, что в это время «...литература создала два контрастных этических идеала: идеал деятельного патриотизма, выражавшийся ...в форме служения государству, и идеал частной жизни, дающий личную независимость и свободу от государственных обязательств. В духе времени один облекся в одические одежды, а другой — находил себе выражение в образах, заимствованных из Горация»⁴². Горацианство во многом предопределило развитие усадебного топоса в русской лирике XVIII века. Горацианские идеалы «похвалы сельской жизни» находили живое сочувствие и отражение в русской действительности. Как справедливо заметила Н. Д. Кочеткова: «Горацианские мотивы органично вошли в русскую философскую поэзию, получив в ней новое звучание»⁴³.

---

⁴² Лотман Ю. М. Литература в контексте русской культуры XVIII века / Ю. М. Лотман. // Лотман Ю. М. О русской литературе. — СПб., 1997. С. 129.

⁴³ Кочеткова Н. Д. Русская лирика XVIII века. Вступ. ст. / Н. Д. Кочеткова // Русская литература — Век XVIII. Т. 1. Лирика. — М., 1990. С. 11.

В усадебной поэзии XVIII века обнаруживаются произведения, которые представляют собой не столько индивидуальные самостоятельные организмы, сколько весьма близкие друг другу варианты того или иного мотива. В результате анализа ряда усадебных стихотворений этого периода можно сделать вывод об общности характерных доминирующих мотивов, идущих от Горация и связанных с противопоставлением цивилизации и уединенной жизни «на лоне сладостной природы», жажды чинов и званий и желания самопознания и самореализации. У Державина:

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных!

.....
Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?

У М. Н. Муравьева:

Не слава, о мой друг, не шум оружий бранных,
Жизнь сельская зовет согласия мои...

При этом город и деревня, в данном случае — усадьба, представляют собой два полюса миропонимания и определяются оппозицией: мир гражданских чувств и мир чувств частного человека. На этой оппозиции развивается усадебная линия в русской поэзии XVIII века. Соответственно, антиномия «де-

ревня – город» всего более соответствует поэтике сентиментальной идиллии, «...которая основывается на контрасте поэтизируемой, признаваемой идеальной части мира... и всего окружающего эту часть, возможно величественного и великого, но не столь милого душе, не созвучного избранному сердцем идеалу»⁴⁴.

Впервые признаки усадебного топоса обнаруживаются в творчестве А. Д. Кантемира (1708–1744) в VI сатире «О истинном блаженстве» (1738 г.) и в стихотворении «О жизни спокойной» (1740-е годы). Темой этих произведений становятся, с одной стороны, реальные наблюдения жизни придворных сановников, многочисленные посещения Кантемиром поместья отца «Черная Грязь», а с другой стороны, 2-й эпод Горация и философские произведения Сенеки.

Сатира VI («О истинном блаженстве») посвящена противопоставлению бушующих человеческих страстей «тишине» жизни, «намерение» которой, по мысли автора, — «есть доказать, что тот только блажен в сей жизни, кто малым довольствуется», живет в «тишине и добродетели следует». Как антитеза «общественному служению» в стихотворении Кантемира проявляется мир усадьбы, внутренний мир, созданный поэтом, представляющий собой «идеал морального оазиса среди царящего в мире зла»⁴⁵.

---

⁴⁴ Вершинина Н. Л. К вопросу об «идиллической основе» повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» / Н. Л. Вершинина. С. 5.

⁴⁵ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. — М., 1999. С. 56.

Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен,
В тишине знает прожить, от суетных волен
Мыслей, что мучают других, и топчет надежду
Стезю добродетели к концу неизбежну.
Малой свой дом, на своем построенный поле,
Кое дает нужное умеренной воле.
...где б от шуму отдален, прочее все время
Провожать меж мертвыми греки и латины,
Исследуя всех вещей действы и причины... —
...Желания все мои крайни составляет⁴⁶.

В авторском примечании Кантемир поясняет: «Малый свой дом. Подражание следующих Горациевых стихов (книга II, сатира 6): Вот чего я желаю: небольшое поле, где бы был сад рядом с домом, неиссякаемый источник воды и сверх всего этого небольшой лесок»⁴⁷. Обращает на себя внимание выражение «малый свой дом, на своем построенном поле». Оно вызывает целый комплекс поэтических ассоциаций и понятий, обнаруживающих усадебный тоpos: поле, сад, источник, лесок. Эпитет «малый» применительно к «дому» включается здесь и в глубокий историко-культурологический контекст. В стихотворении Кантемир достаточно точно воссоздает тип русской усадьбы 1740-х годов (до появления «Указа о вольности дворян» 1762 г.). Усадебной жизни была свойственна патриархальность, некая безыскусность, отсутствие строгой архитектурной

---

⁴⁶ Кантемир Антиох. Собрание стихотворений. / Антиох Кантемир. / Вступ. ст. Ф. Я. Приймы. Подг. текста и примеч. З. И. Гершковича. — Л., 1956. С. 147. («Библиотека поэта». Большая серия.)

⁴⁷ Там же. С. 147.

планировки. А. Болотов, современник Кантемира, в своих воспоминаниях отмечает: «...хоромы наши были маленькие», «...в старину было у нас обыкновение такое, чтоб дома (усадебные — Л. Г.) нарочно прятать и ставить их в таких местах, чтоб из них никуда вдаль было не видно, а все зрение простиралось на одни только хижины, конюшни, скотные дворы и сараи. А в точно такое место поставлены были и наши хоромы»⁴⁸.

За «общими местами» просветительской идеологии обнаруживается позиция человека, идеалом которого становится «сельская жизнь», «малый дом», духовное просвещение, ограждение собственной души от мелких человеческих страстей. Лирическому герою стихотворения чужды приоритеты мелких чиновников, узко прагматические ограниченные интересы:

С петухами пробудясь, нужно потащиться
Из дому в дом на поклон, в передних томиться,
Утро все торча в ногах с холопы в беседе,
Ни сморкнуть, ни кашлянуть смея. По обеде
Та же жизнь до вечера; ночь вся беспокойно
Пройдет, думая, к кому поутру пристойно
Еще бежать, перед кем гнуть шею и спину,
Что слуге в подарок, что понести господину...⁴⁹

---

⁴⁸ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: В 3-х т. / А. Т. Болотов. Вступ. ст. С. Ронского. — М., 1999. Т. 1. С. 133, 136.

⁴⁹ Кантемир Антиох. Собрание стихотворений / Антиох Кантемир. С. 148.

В то время, как «...богатство, высокий чин...» «многие печали / Наносит и ищущим и тем, что достали», сельский житель обращается к самопознанию и исследованию «всех вещей действия и причины»⁵⁰. Таким образом, «истинное блаженство», которое лирический герой Кантемира находит или предполагает найти в своем поместье, выступает в сатире VI как основной усадебный мотив.

В стихотворении «О жизни спокойной» Кантемир, обращаясь к философскому наследию Сенеки, продолжает развивать данный мотив и выстраивает свою систему мироздания. Уже в названии стихотворения раскрываются устремления автора. В первых его строках Кантемир заявляет о своей симпатии к Сенеке, утверждая, что именно он, Сенека, «должен быть образ нынешнего века». Кантемир находит очевидные аналогии между собой и римским философом. Волею судьбы удаленный от службы, лирический герой пребывает в деревне: читает Сенеку, встречает восход солнца, наблюдает изменения и законы природы и приходит к главному — к гармонии с самим собой и Творцом, а также к пониманию смысла жизни:

...Сенека!..

Я тебе подобну жизнь хочу провождати.

Пусть клянет кто несчастье, а я им доволен,

И когда мя забыли, так остался волен.

---

⁵⁰ Кантемир Антиох. Собрание стихотворений / Антиох Кантемир. С. 148.

Ах! дражайшая воля, с чем тебя сравняти?
Жизнь, так покойну, можно ль несчастьем зватьи⁵¹?

Выражается желание устроить жизнь в согласии с моральной философией Сенеки, изложенной в трактатах «О счастливой жизни», «О душевном покое». Идеалами ее являются: воля, спокойствие, независимость, довольство малым, возможность посвящать себя любимым занятиям: изучению древних, литературному творчеству. Воплощение этих идеалов автор находит в сельской жизни:

Разны птицы под небом лишь любовь запели —
Отложив свой сон спешно, встаю я с постели.
Коль приятно время, иду гулять в поля,
Сто раз в себе размышляю, коль блаженна воля.
Ниже желание чести и богатства мучит,
Покойны во мне чувства, все мне не наскучит⁵².

Подобно Сенеке, лирический герой Кантемира должен был решать вопрос о сравнительной ценности «государственной жизни», от которой его оторвали, и жизни сельской, усадебной, иначе говоря, долга перед государством и долга перед самим собой. Выполнение долга перед государством ничего не приносит, кроме тревог и волнений, отнимая всякую возможность обратить взгляд на себя.

Сто раз в себе размышляю, коль блаженна воля.
Ниже желание чести и богатства мучит...

---

⁵¹ Там же. С. 270.

⁵² Там же. С. 270.

Мысль Сенеки: «...лишившись обязанностей гражданина, пусть выполняет обязанность человека»⁵³ — в полной мере соотносима с жизненной философией Кантемира.

Сущностная оппозиция: «служба – воля» составляет основу композиции стихотворения. Вынужденная отставка воспринимается как возможность приобретения внутренней и внешней свободы и не является для него «несчастьем»: «волен я живу по своим уставам». Свобода и уединение мыслятся как состояние внесоциальное, в тесной связи с миром природы, которая не только пробуждает душевную чувствительность и утонченность, но и культивирует лучшие свойства души человеческой. Перед лицом природы человек сбрасывает с себя весь налет придворной жизни. В деревне он прост и искренен:

...Когда уже надлежит домой возвратиться,
Где все просто, но чисто, пища мне готова;
Говорю, что попало, нет коварна слова...

В стихотворении «О жизни спокойной» не наблюдается описание усадьбы как таковой, но ее образ опосредованно проступает в бытовой стороне усадебной жизни, с ее занятиями и развлечениями:

По обеде ту или другую забаву
Найду, приличную мне и моему нраву;
Иль, чиня брань животным, оных я стреляю,
Либо при огне книжку покойно читаю.

---

⁵³ Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / Луций Анней Сенека. — Кемерово, 1989. С. 410.

Сохранилось описание усадьбы «Черная Грязь», сделанное в 1722 году Ф. В. Берхольцем: «Дом в Черной Грязи... построен на китайский манер, с отлогими крышами на два ската, с галереями, по которым можно ходить перед окнами вокруг всего строения, и со многими маленькими башнями, со всех сторон открытыми и обтянутыми только парусиною для свежести воздуха и защитой от солнца. Он весь деревянный, но так как раскрашен и стоит на высоком месте, то кажется великолепным»⁵⁴. В новейшем исследовании по истории этой усадьбы Р. М. Байбутова, сопоставив имеющееся описание, убедительно доказала, что описанная Кантемиром «Черная Грязь» являла собой «...типичную богатую усадьбу допетровской эпохи, похожую на сказочное Берендеево царство», которую «...иностранцы приняли за китайскую экзотику на русской почве»⁵⁵.

Значительное внимание Кантемир уделяет описанию дня, проводимого героем в своей усадьбе. Изображение обычного времяпрепровождения лирического героя стихотворения в течение дня, описание окрестностей, философские размышления, навеваемые лицезрением природы, изображение или упоминание сельских трудов, сельских досугов — все эти мотивы станут традиционными в усадебной лирике XVIII века (Г. Р. Державин, И. И. Хемницер,

---

⁵⁴ Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхольца: В 4 ч. — М., 1901–1902. Ч. 2. С. 165–166.

⁵⁵ Байбутова Р. М. Дом 1772 года на «китайский манер» в Черной Грязи / Р. М. Байбутова // Русская усадьба. — М., 1999. Вып. 5(21). С. 282–288.

В. В. Капнист), получают дальнейшее развитие и трансформацию в поэзии XIX века.

Именно в усадьбе находилось пристанище частного человека. Здесь, под защитой закона и обычая, он мог «жить как хочется, не так... как велют» — заметил поэт И. Хемницер⁵⁶.

Уход лирического героя Кантемира в частную, усадебную жизнь способствовал развитию философского отношения к жизни, созерцанию и осмыслению безграничности творения Божьего:

...Ты Творец, от тебе все сие быти стало.
Небесное пространство, купно в нем светилы,
Смертным нашим очам и жизни столь милы,
Движение законы от тебя приемлет,
Всяко тело небесно ум наш не объемлет.

В заглавии стихотворения сконтаминированы названия вышеуказанных трактатов Сенеки, что имеет знаковый характер. В умунастроении Кантемира в целом ощутимо влияние римского философа. По мысли Сенеки, смерть предустановлена мировым законом и поэтому не может быть безусловным злом. Сходно и отношение к смерти самого Кантемира, о чем свидетельствует его, удостоверенное современниками, поведение в последние дни земного бытия.

Безусловно, достижению такого уровня созерцательности, самоуглубления способствовали не только идеи Сенеки, но, прежде всего, та усадебная

---

⁵⁶ Хемницер И. И. Полн. собр. стихотв. / И. И. Хемницер. Вступ. ст. Н. Л. Степанова. — М.-Л., 1963. С. 271–272.

атмосфера, которая располагала к глубокому самопознанию.

Таким образом, в стихотворении А. Кантемира «О жизни спокойной» усадьба предстает как место, наиболее подходящее для философского осмысления жизни, осознается круг жизненных ценностей, сформированных сельской жизнью.

В. К. Тредиаковский вслед за А. Д. Кантемиром развивает усадебный топос применительно к горацянству и философским идеям Сенеки. Он обращается к переводу «Стихов Сенековых о смирении»⁵⁷.

Стихотворение развивает антитезу «скользкой придворной дороги» и «покойной... убогой», но независимой жизни; быть «любимым при царском чертоге» или находиться в «компания с музы», «палаты высоки, ... выше всех при царе сести» и «дом простой, и чин низкий». Второй путь, который, безусловно, выбирает автор, вселяет в него спокойную уверенность: «Простачком и старичком весел приду к гробу». Поэт осознает сиюминутность преимуществ богатства, знатности, «приятелей сильных на жизнь целу». Все это теряет свою значимость перед вечностью, с которой каждый человек встречается на закате жизни:

Тот, кто очень всем знатен в сей жизни бывает,
Часто не знатен себе горько умирает.

Впоследствии эти мысли, изложенные в «Стихах Сенековых о смирении», будут питать воображение

---

⁵⁷ Тредиаковский В. К. Стихи о смирении / В. К. Тредиаковский // Русская литература. Век XVIII. Лирика. — С. 146.

дворян, покинувших после «Манифеста о вольности дворянства» государственную службу и обратившихся к обустройству своих усадеб и своего внутреннего мира.

В. К. Тредиаковский (1703–1769) творчески подошел к переводу эпода Горация: опустил непонятные русскому читателю детали римской жизни, наполнил текст реалиями отечественного деревенского быта и дал свое название «Строфы похвальные поселянскому житию» (1752) (у Горация имелся лишь порядковый номер — Ода II), отвечавшее содержанию созданного им стихотворения, которое он, по его же признанию, «вознес собственным способом... на Горациевом токмо основании... ему подражая своими подобиями...»⁵⁸

Под пером Тредиаковского рождается поэзия домашних радостей и мирного семейного уклада дворянского поместья средней руки. У него появились и зима со снегами, и «избы», и «псовая охота на волка и медведя», и «овин», и «гумно», и «светлица»:

Но зимою нападут как снеги
И от стужи избы станут греть,
Много и тогда ему там неги:
Начнет род другой забав иметь⁵⁹.

Описание яств на столе носит подчеркнуто русские черты:

---

⁵⁸ Тредиаковский В. К. О беспорочности и приятности деревенской жизни // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие / В. К. Тредиаковский. — СПб., 1757. Июль. С. 88.

⁵⁹ Русская поэзия XVIII века. — М., 1972. С. 113–116.

Сытны токмо щи, ломть мягкий хлеба,
Молодой барашек иногда;
Все ж в дому, в чем вся его потреба,
В праздник пиво пьет, а квас всегда.

Идеалом мироустройства Тредиаковского является «златый век» с отсутствием «сует» и с возделыванием полей, садов в гармоническом слиянии с природой.

Лирическому герою Тредиаковского противостоит государственная служба, где «...строй по барабану; Флот и море...»⁶⁰ — «свой дом... лучше для него». В своем саду герой любовно занимается его возделыванием: «Вяжет лозы к тычкам и шестам», «очищает Ветви все негодные с дерев», «Смотрит в хлебе нет ли вредных плев». Известно, что в философской интерпретации понятие «возделывать свой сад» синонимично понятию «возделывать свою душу». И в этом герой находит главный смысл существования. Первая и последняя строфы стихотворения начинаются восклицательным кратким прилагательным «Счастлив!». Стихотворение строится на определении того, что составляет понятие «счастья» для героя. Возделывание сада отзывается обилием плодов: «много яблок, груш и много слив; О! как полным сердцем веселится, Их величину, их зря налив». Это обилие плодов он дарует и «храму», и «гостям», и «сродникам», и «брату». Щедрость природы созвучна щедрости души героя. Медитативное созерцание

---

⁶⁰ Там же.

природы «под старым дубом, Иногда на мягкой там траве» предопределяет духовное очищение («Нет в нем скверных мыслей зле о грубом») и философское осмысление мироздания («Что есть дельно, то все в голове»). Быстротечность времени определяется образом «речки». И в этих несущихся потоках времени автор отмечает «зарницы» счастья. Он находит их в самых простых явлениях — в любящей и любимой жене, в незатейливом деревенском обеде, «насыща-
ясь кушаньем природным», в зимней охоте:

В поле ездит он или с собаки,
Боязливых зайцев в сеть ловя;
То с волками смотрит псовы драки,
То медведя оными травя.

Тредиаковский изменил концовку стихотворения, завершив его, вместо сатиры (на ростовщика Альфия у Горация), воспеванием незамысловатой жизни, призывом к простоте, тем самым изменив акцент и весь замысел эпода, превратив его, по мнению Ю. В. Шеиной, в «чисто буколическое стихотворение»⁶¹:

Счастлив, о! Весьма излишно,
Жить кому так ныне удалось.
Дай Бог, чтоб исчезло все, что пышно,
Всем бы в простоте святой жилось⁶².

---

⁶¹ Шеина Ю. В. Из истории буколических мотивов в русской литературе (Гораций, Тредиаковский, Державин, Пушкин.) / Ю. В. Шеина // Филологические науки — 2001. — № 1. С. 29–35.

⁶² Тредиаковский В. К. Строфы похвальные поселянскому житию / В. К. Тредиаковский // Русская поэзия XVIII века. — М., 1972. С. 116.

Такая модель мира, где «простота святая» противопоставляется «пышности», достойна, по мнению поэта, прославления и утверждения.

Она будет доминирующей в усадебной поэзии XVIII в. и получит развитие в творчестве последующих авторов.

К середине XVIII века в нравоучительных трактатах, литературных и поэтических произведениях русских авторов складывается своеобразная «жизнестроительная теория», которую можно назвать «философией сельской жизни»⁶³. В поэзии этого времени все чаще звучит мысль о бесполезности гражданского служения и апология частной жизни с ее удаленностью «от суеты столицы праздной», с тихим семейным уютом, гармоническим слиянием с природой, философским познанием мира.

В 1760–1770-е годы в России появляется комплекс понятий, связанный с идеалами сентиментализма, с идеализацией жизни на лоне природы.

Сентиментальная оппозиция Города и Деревни могла формироваться в русле руссоизма. Это, прежде всего, относится к поэтам «Полезного увеселения» 1760–1762 гг. (М. М. Херасков, А. А. Ржевский, В. И. Майков). Увлеченные руссоизмом, они находили поэтическое вдохновение в реалиях уединенной усадебной жизни. Своеобразным творческим манифестом их может служить отрывок «Уединенная

---

⁶³ См.: Докучаева О. В. Индивид и общество в русском пейзажном парке второй половины XVIII – начала XIX вв. / О. В. Докучаева // Русская усадьба. — М., 1996. — № 2 (18). С. 172–183.

жизнь», опубликованный в первом номере журнала: «Щастливым я того человека почитаю, который будучи доволен, наслаждается здоровым воздухом в своей деревне, презрев все пышности городские и оставя лестью наполненный свет»⁶⁴.

А. Т. Болотов в своих воспоминаниях обрисовал тот комплекс настроений, который складывался у дворянина-помещика: «Знатным достоинством, чинами и титулами, хотя и не мог я величаться, но спасибо, тем никогда не прельщался, да и не искал того, наслаждался с наидрагоценнейшей свободой, делал что угодно, не имея нужды ни раболепствовать, ни лукавить»⁶⁵.

Таковыми настроениями проникнута и усадебная поэзия середины – конца XVIII века. Поэты, авторы «усадебных» стихов, не только воспевали реалии усадебной жизни, но и во многом мифологизировали ее. Этому способствовали те внутренние идеалы, которые владели умами просвещенных людей, выросших под сенью «Манифеста о вольности дворянства». Как справедливо отмечает Ф. Я. Прийма, «стремление к «тишине» и уединению может быть правильно понято, если мы будем рассматривать его также в соотношении с общественными и эстетическими идеалами представителей западноевропейского Просвещения. Теорию обуздания страстей как средства к достиже-

---

⁶⁴ Цит. по: Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. — М., 1998. С. 172.

⁶⁵ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / А. Т. Болотов. Т. 2. С. 100.

нию общего блага и идеализацию патриархальных общественных отношений и свободной от вмешательства государства жизни частного человека — в том или ином виде мы встречаем у Локка и Шефтсбери, у Вольтера и Руссо»⁶⁶.

Ряд стихотворений 70–90-х гг. XVIII века объединяет мотив прощания, грустного расставания с усадьбой, образ которой наделяется не только самыми возвышенными эпитетами, но идентифицируется с понятием «рая».

Прости, приятное теперь уединенье,
Расстался я с тобой,
В тебе я чувствовал прямое утешенье,
Свободу и покой⁶⁷.
(Ржевский А. А., 1761)

Простите, Лары и Пенаты!
Прости и ты, волшебный край,
В которых гении крылаты
Казали мне и в дебрях рай⁶⁸.
(Дмитриев И. И., 1788)

Простите, добрые друзья!
Простите, милые пастушки!

---

⁶⁶ Прийма Ф. Я. Вступительная статья / Ф. Я. Прийма // Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. С. 32.

⁶⁷ Ржевский А. А. Станс / А. А. Ржевский // Поэты XVIII века: В 2 т. Вступ. ст. Г. П. Макогоненко. — Л., 1972. Т. 1. С. 257. («Библиотека поэта». Большая серия. 2-е изд..)

⁶⁸ Дмитриев И. И. Отъезд / И. И. Дмитриев // Дмитриев И. И. Сочинения. — М., 1986. С. 187.

Уж с вами расстаюся я...⁶⁹

(Николев Н. П., 1798)

При этом каждый из лирических героев обнаруживает свою доминирующую мотивацию в восприятии усадьбы.

Очаково — усадьба поэта И. И. Хераскова, которую покидает А. А. Ржевский (1737–1804), ассоциативна для него со счастливой Аркадией. Поэт находит там «селян незлобливых», «равенство всех», «приятное уединенье»; с ним сопряжены «свобода и покой», «любезна простота...»:

... Там злоба с завистью меж них не обитает

И царствует покой.

Едина истина сердцами обладает,

Там век цветет златой.

.....

Херасков! Разлучась со мной, ты там остался

Где век златой цветет...

Так, впервые в усадебной поэзии возникает *мотив рая*, «века золотого», который станет магистральным на протяжении конца XVIII–XIX веков.

Особенно важно отметить, что идеалы «золотого века» в этом стихотворении представлены не в условных стилизованных образах пастухов и пастушек, сатиров и нимф, а *воспроизведены через конкретные реалии жизни дворянской усадьбы*.

---

⁶⁹ Николев Н. П. Прощанье / Н. П. Николев // Поэты XVIII века. Т. 2. С. 94.

Поэт И. И. Дмитриев (1760–1837), отправляясь на военную службу — «маршировать», в стихотворении «Отъезд» воспевает свою родовую усадьбу — «отеческий мой дом», где протекали «дни мои счастливы». В стихотворении появляется мотив счастливого детства, проведенного в усадьбе, которое для лирического героя предстает как «рай», «волшебный край», «волшебный мир», где будущий поэт предавался мечтам:

...наладя лиру,
Что придет на сердце, бренчу...⁷⁰

Важно также, что Дмитриев первым вводит в усадебную поэзию образы древнеримских богов, охранявших дом и семью, — «Лары и Пенаты». Необходимо отметить, что и «Станс» Ржевского, и «Отъезд» Дмитриева укладываются в рамки «феокритовской» идиллии, которая носит «народный характер, основанный на обращении к обрядам и домашнему быту»⁷¹.

В восприятии поэта Н. П. Николева (1758–1815) образ усадьбы амбивалентен в том смысле, что «идиллия не знает быта» (М. М. Бахтин), а в усадебном топосе стихотворения «Прощание» идеал и быт разведены. Хотя усадьба — это «место спокойствия, простоты», где «все душу утешает», где рождаются поэтические творения —

---

⁷⁰ Дмитриев И. И. Сочинения / И. И. Дмитриев. С. 188.

⁷¹ Вершинина Н. Л. Идиллия / Н. Л. Вершинина // Литературоведческие термины. — Коломна, 1997. С. 11.

...Не ждав бессмертного венца
Пищу стихами воспевая...⁷²,

в то же время она навевает скуку:

...где часто с грустью плачет лира,
А **скука** мне велит зевать.

.....
Я в осень дни мои теряю
И **скукою** теперь дышу.

На фоне своего рода мифологизации усадьбы проявляются реалии быта — «скука!».

В усадьбе круг его общения определяют «добрые друзья», «милые пастушки», в городе — «деньги», «титлы», «тиранка», «вертоголовка», «мирские суеты».

Однако, осознавая все превосходства усадебной жизни, лирический герой стихотворения, вполне светский человек («...любя в морозы шумный свет»), «несется в город», «алкая почести и славы»:

Фортуна лысая, слепая
Пленяет слабый разум мой
И тянет из жилища рая
В жилище горести мирской.

В этом стихотворении Николев выразил мировосприятие просвещенного дворянина конца XVIII века.

---

⁷² Николев Н. П. Прощанье / Н. П. Николев // Поэты XVIII века. Т. 2. С. 95.

Н. П. Николев по-новому осветил усадебную тему в жанре послания: «Послание к князю Николаю Михайловичу Голицыну» (1797), «Послание к князю Николаю Михайловичу Козловскому» (1797) и др.

В отличие от предшествующих поэтов — Кантемира, Тредиаковского, Хераскова, развивающих го-рацианское направление в русской усадебной лирике 40–60-х годов XVIII века, Николев в 1790-е гг. выступил представителем описательной линии поэзии. Впервые, после многочисленных переводов и подражаний Горацию, обнаруживается самостоятельный усадебный топос, проявляющийся в описании реальных подмосковных усадеб: Горки — имения Николева и Вяземы — имения Голицына. Характерно редкое для XVIII века их поэтическое определение «сельцо», «имение», «пустынька». Наряду с описанием хозяйственных забот «...в сем родовом своем именье» доминирующее место в посланиях Николева занимает эстетика сада, которая, как было отмечено, восходит к мифологеме эдема.

...Здесь холю цветники мне милы,
Искусством прибавляю силы
Сокам составленной земли,
И одностебельны цветочки
Преображаются в кусточки,
На коих кудри расцвели;
Там кустари мои цветные
Сажаю в клумбы я густые,
Калину, бузину, синель...⁷³

---

⁷³ Николев Н. П. Послание к князю Н. М. Голицыну / Н. П. Николев // Поэты XVIII века. Т. 2. С. 87.

Сам автор предстает в поэтических посланиях страстным устроителем пейзажных парков, что было характерно для многих знатных вельмож XVIII века, а его усадебные занятия носят сентиментально-идиллический характер. Это еще и знак проявления одного из характерных признаков сентименталистской традиции, в которой происходит сочетание реального и мифологизированного взглядов на вещи.

...А тамо ручейки сребристы
В проводы пропускаю чисты,
Творю из них и глубь и мель.
Или подрезав мшисты кочки,
Исторгнув с репеями терн,
Очистя, укатая дерн,
Являю бархатны лужочки
Или излучиной веду
Мои китайские дорожки...⁷⁴

Особой любовью пользовались восточные китайские сады с обилием цветов⁷⁵, водоемов, многочисленными растениями, которым придавалась карликовая форма, устраивались извилистые дорожки, искусственные ручейки, водопады, рощицы. Именно такой уголок пейзажного парка появляется в описании усадьбы Горки:

...Мне сделались всего милее,
Где маленький Китайский сад

---

⁷⁴ Николев Н. П. Послание к князю Н. М. Голицыну. Т. 2. С. 87.

⁷⁵ См.: Шарафадина К. И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи: Источники. Семантика. Формы / К. И. Шарафадина. — СПб, 2003.

Приносит море мне отрад;
Где тени разные кусточков
И яркие цветы листочков,
Даючи образа цветкам,
Жанкилиям, лилеям, розам,
Яцинтам, мальфам, туберозам,
Цветным горошкам и бобкам...⁷⁶

Зачастую в стихотворениях Николева наблюдается процесс перетекания усадебного мотива в пастораль, при этом наблюдается одна и та же закономерность: реальность и литературность соседствуют.

С моей возлюбленной пастушкой,
С ее шалашиком, избушкой
Я расстаюсь навсегда!⁷⁷

Перед героем-автором встает дилемма: его в равной мере привлекают противостоящие «красоты естества» в усадьбе и круг «шумных городских сует». С одной стороны, он отдает сердечные предпочтения сельской жизни в усадьбе, топика которой в стихотворении представлена многообразно: «сельцо», «плод сердечного рая», «жилище рая», «места, исполненные приятства»; с другой стороны — его манит город — «жилище горести мирской». Эти противоположности обретают единство в характерной для сознания эпохи «неделимости жизни», которая «создает возможность для развития главного принципа изучения

---

⁷⁶ Николев Н. П. Послание к князю Н. М. Козловскому / Н. П. Николев // Поэты XVIII века. Т. 2. С. 86.

⁷⁷ Там же. С. 96.

литературы, близкого эстетическим понятиям столетия: *идти от жизни к образам*⁷⁸.

В стихотворении В. Л. Пушкина (1766–1830) «Суйда» (1797) усадебный топос представлен, прежде всего, в идиллической традиции. Уже вначале намечается характерная для идиллии оппозиция — Деревня–Город:

Прелестна тишина, покой, уединенье,
Желаний всех моих единственный предмет!
Недолго вами я, к несчастью, наслаждался;
Природы красотой недолго любовался;
Опять я в городе, опять среди сует⁷⁹.

Герой из мира идиллического, где «покой», «уединенье», возвратился в город и оказался «среди сует». В его мечтаниях («палаты в воздухе обыкновенно строя...») предстает идиллическое изображение усадебной жизни, наполняемое, однако, конкретными подробностями: с чаем «под липою густой», с «песнями и пляской крестьян», качелями, игрой на лугу. Идилличность усиливается набором узнаваемых топосов: «глас свирели», «стадо тучное», «пастушок». В описании усадьбы «Суйда» встречается почти полный комплекс *locus amoenus*: «там запах ландышей весь воздух наполнял», «там пели соловьи, там ручеек журчал». Все эти элементы составляют идеальный

---

⁷⁸ Вершинина Н. Л. Литература XVIII века / Н. Л. Вершинина // Псковский край в литературе. — Псков, 2003. С. 79–82.

⁷⁹ Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма / В. Л. Пушкин. Сост., вступ. ст. и примеч. Н. И. Михайловой. — М., 1989. С. 104.

ландшафт, куда устремляется герой, — «желаний всех моих единственный предмет». Деревня изображается как счастливая Аркадия, земной рай. Преимущества сельской жизни созвучны действительным движениям сердца и души автора: «И Хлоя тут была..., Со мною милая на лодочке каталась».

Особенно явственно выступает в стихотворении мотив чтения в усадьбе. Описывая утреннее времяпрепровождение героя, В. Л. Пушкин упоминает Гримфельда и Руссо, Боннета, Томсона, Юнга, Гесснера, Циммермана, то есть круг тех авторов, которые воспитывали душу и сердце усадебного человека, формировали круг его эстетических и нравственных ориентиров.

По наблюдению Н. Д. Кочетковой, «чтение как важнейший элемент культуры и быта XVIII века естественно находило постоянное преломление и в самой литературе»⁸⁰. Повествуя об усадебных затеях и развлечениях, В. Л. Пушкин конкретизирует их местонахождение: «Тут в Английском саду»⁸¹. Английские или «пейзажные сады Рококо и Романтизма, — пишет Д. С. Лихачев, — отождествлялись прежде всего со счастливой Аркадией. Корни этих представлений уходили еще в Античность — к идиллиям Феокрита, эклогам Вергилия и Овидия»⁸².

---

⁸⁰ Кочеткова Н. Д. Чтение в жизни «чувствительного» героя / Н. Д. Кочеткова // Литература русского сентиментализма: Эстетические и художественные искания. — СПб., 1994. С. 157.

⁸¹ Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма / В. Л. Пушкин. С. 104.

⁸² Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей / Д. С. Лихачев. — М., 1982. С. 228.

Таким образом, указание на английский сад дополняет идиллический компонент в стихотворении «Суйда». Знания об устройстве подобных садов лирический герой приобретает из сочинений «Гримфельда и Руссо» с «Боннетом и Томсоном». Именно они явились создателями философии пейзажных парков. «Их долг к полезному мой разум поощрять», — заключает В. Л. Пушкин. Автор подчеркивает также нравственное влияние природы, как составляющей части усадьбы, на душу человека, дополненное чтением философских трудов:

И вы, любезные, Юнг, Гесснер, Циммерман,
Собой украсите мое уединенье.
Кому любить добро дар милый небом дан,
Тот в вас найдет всегда для сердца утешенье!⁸³

«Важно, что впервые именно писатели-сентименталисты, — замечает Н. Д. Кочеткова, — ввели в русскую литературу “читающего” героя, способствуя этим сближению словесной и бытовой отечественной культуры»⁸⁴. Сочетая в стихотворении «Суйда» реалии усадебного быта с идиллическим мироощущением героя, В. Л. Пушкин расширяет и обогащает поэтическое пространство усадебной лирики.

«Возможно ли сравнить что с вольностью златой, // С уединением и тишиной на Званке!» — эта поэтическая мысль Г. Р. Державина (1743–1816) опре-

---

⁸³ Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма / В. Л. Пушкин. С. 104.

⁸⁴ Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма / Н. Д. Кочеткова. С. 189.

деляет его мировоззрение на определенном отрезке жизни, а также идеалы и поэтические устремления.

«Державин рисует яркие картины быта эпохи. В его стихах воочию оживает перед нами праздничная, пиршественная сторона жизни XVIII века»⁸⁵. Проследим, как развивается «усадебная тема» в стихах Державина: «Похвала сельской жизни» (1798), «Капнисту» (1799), «Приглашение к обеду» (1795), «Евгению, Жизнь Званская» (1807). Основной мотив, объединяющий их, представлен в «картинах роскошного дворянского поместного быта»⁸⁶.

Г. Р. Державин вслед за своими предшественниками Капнистом и Тредиаковским встал на стезю «творческого соревнования» с Горацием в переложении второго эпода. Его перевод формально ближе, чем стихотворение Тредиаковского, к античному образцу, к обрисовке главного персонажа. У Державина, как и у Горация, весь эпод — мечта горожанина о недоступных ему радостях сельской жизни.

Ю. В. Шеина усматривает значительное влияние Тредиаковского на державинские переводы Горация. Так, название «Похвала сельской жизни» (первоначальное — «Горация похвала сельской жизни соображенная с российскими нравами»⁸⁷), по ее мнению,

---

⁸⁵ Благой Д. Д. Державин / Д. Д. Благой // История русской литературы. — М.-Л., 1947. Т. 4. Ч. 2. С. 408.

⁸⁶ Благой Д. Д. Василий Капнист / Д. Д. Благой // Капнист В. В. Сочинения. — М., 1959. С. 31.

⁸⁷ Державин Г. Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. / Г. Р. Державин. — СПб., 1869. Т. 2. С. 105.

навесно заглавием произведения Тредиаковского — «Строфы похвальные поселянскому житию». «Да и многие образы почерпнуты Державиным именно у Тредиаковского, а не созданы им и не взяты у Горация. Г. Р. Державин не просто заимствует, а использует, дополняя или переосмысливая, оригинальные образы Тредиаковского, которых нет у Горация»⁸⁸.

Обращение Державина к анакреонтике — это и способ отрицания жизненной практики придворного общества, и в то же время попытка вернуться к эпохе гармонического и поэтического существования человека, вернее, оно выражало надежду поэта найти в современной эпохе, в русской жизни, такую область, в которой эта гармония имела бы действительное реальное осуществление, что соответствует задачам сентиментальной идиллии. Деревенская жизнь и свобода в спокойной усадебной обстановке, в удовольствиях и семейном благополучии противостоят утомительной службе при дворе. Пристрастие Державина (как, впрочем, и его современников) к деревенскому уюту становится в его системе ценностей не только фактом биографии, но и формой отношения его ко двору, придворным, к государственной службе. Державинская любовь к сельскому быту, деревенскому уединению не только автобиографична, но и социальна — это форма его своеобразной оппозиции к высшей знати, «супостатам», «вельможам в случае»⁸⁹.

---

⁸⁸ Шеина Ю. В. Из истории буколических мотивов в русской литературе / Ю. В. Шеина // Филологические науки. — № 1. — 2001. С. 30.

⁸⁹ Смирнов А. А. Г. Р. Державин и А. С. Пушкин: Два этапа

Ода Горация была соотнесена с русскими обычаями и нравами. «Вредной роскоши» вельмож Державин противопоставляет гораццианский идеал довольства малым — «умеренности», неприхотливости семейного обихода рядового дворянина, который идет «средней стезей», почитая «всю свою славу» в том, «что карлой он, и великаном, и дивом света не рожден»:

Счастлив тот, у кого на стол,
Хоть не роскошный, но опрятный,
Родительские хлеб и соль
Поставлены, и сон приятный
Когда не отнят у кого

Ни страхом, ни стяжаньем подлым:
Кто малым может быть довольным,
Богаче Креза самого⁹⁰.

(«Капнисту»)

Но между тем он акцентирует внимание читателя и на достатке, довольстве и даже роскоши усадебной жизни. С особой яростью разворачивает Державин «фламандские картины» частного быта русского дворянства, благоденствующего на просторах поместного приволя. По поводу оды Державина «Приглашение к обеду» Белинский замечает: «Как все дышит в этом

русской анакреонтики / А. А. Смирнов // Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции: Научные статьи, доклады, очерки, заметки. — Тамбов, 1993. С. 48.

⁹⁰ Державин Г. Р. Сочинения / Г. Р. Державин. Сост., биогр. очерк и комм. И. И. Подольской. — М., 1985. С. 193.

стихотворении духом того времени — пир для милостивца, и умеренный стол, без вредных здравью приправ, но с золотой шекснинскою стерлядью, с винами, которые “то льдом, то искрами манят”, с благовониями, которые льются с курильниц, с плодами, которые смеются в корзинах, и, — добавляет Белинский, — особенно с слугами, которые не смеют и дохнуть!»⁹¹

В стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» наиболее зримо воплощен усадебный архетип в пределах художественного пространства. Ученые называют его поэмой «жанрово свободной», а также «первой в русской поэзии попыткой создания романа в стихах»⁹². По форме это дружеское послание с полным комплексом усадебной топики, сочетающейся с традиционными мотивами гораціанских посланий. При этом усадебные идеалы, воспетые в стихотворении, носят не отвлеченный, а вполне реальный, конкретно-бытовой характер. Я. К. Грот отмечает: «Это стихотворение до мельчайших подробностей представляет верный и точный очерк жизни Державина в деревне. Многие черты его подтверждают как сохраняющимися там до сих пор в среде сельских жителей преданиями, так и записками, которые вела на Званке молодая племянница его, Прасковья Николаевна Львова»⁹³.

---

⁹¹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3 т. / В. Г. Белинский. — М., 1948. Т. 2. С. 521–522.

⁹² Макогоненко Г. П. Анакреонтика Державина и ее место в поэзии начала XIX века / Г. П. Макогоненко // Державин Г. Р. Анакреонтические песни. — М., 1987. С. 286–287.

⁹³ Грот Я. К. Жизнь Державина / Я. К. Грот // Державин Г. Р.

Провозгласив в начале стиха независимость как идеал, Державин последующим строфам придает характер оппозиции, противопоставления двум системам мироздания, двум полюсам маятника. С одной стороны — «Петрополь», где «теснота» и «затворы», зависимость от людей, «долгов», «хлопот приказных», «бремя роскоши, богатств», «власть сирен», «вельможьи пышны взоры». С другой — усадьба, где — «свобода», «пространство», «довольство», «здравие, согласие с женой», «покой», там человек «не ищет ни злата, ни честей» и «чужд сует разнообразных». Симпатии и предпочтения Державина четко определены. Этими емкими и лаконичными определениями, несущими свою философскую наполненность, поэт рисует образ Званки — конкретно географический и поэтический, милый сердцу. В этом, созданном им мире, жизнь блаженна, все исполнено значимости и даже обычные явления приобретают некий ритуальный, сакральный смысл:

...Восстав от сна взвожу на небо скромный взор;
Мой утренюет дух правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудес, красот позор
Открыл мне в жизни толь блаженной⁹⁴.

Осознание истинности происходящего рождает благодарную мысль:

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Гро-та. Т. 1. С. 980.

⁹⁴ Державин Г. Р. Сочинения / Г. Р. Державин. С. 272.

О! коль доволен я, оставил что людей
И честолюбия избег я жала!

Частный, автобиографический взгляд на собственную усадьбу перерастает в модификацию типического образа русской усадьбы со всеми присущими ей атрибутами: великолепным садом с обилием «лилий и роз», где слышны «рев крав и коней ржанье», с галереей портретов предков, «чи в рамках по стенам золотых блистают лица», с мастерской швей и кружевниц, которые:

...Приносят разные полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфеток, скатертей,
Ковров, и кружев, и вязани,

с натуральным усадебным хозяйством, обилием «скотен, пчельников..., птичников, прудов». Присутствует в описываемой усадьбе и «больница» для бедных. А «врач» приходит «к владельцу усадьбы» не только «доносить о их вреде, здоровье», но и «прося на пищу им». Трудятся в ней и крепостные «художники млады. Работы кажут их на древе, на холстине». Как справедливо заметил Ю. В. Стенник, в стихотворении Г. Р. Державина наблюдается поэтизация деревенского быта и «...превращение быта в предмет поэтического вдохновения»⁹⁵.

Свой усадебный кабинет Державин называет святилищем муз: дом, построенный в стиле класси-

---

⁹⁵ Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века / Ю. В. Стенник. — СПб., 1995. С. 54.

цизма, «с куполом и колоннами и немного похожий на храмик»⁹⁶.

Есть у Державина и картина крестьянского праздника с потешными пушечками-мортирками. Были такие пушечки во многих провинциальных усадьбах, в том числе и у Пушкина в Михайловском.

Из жерл чугунных гром по праздникам ревет;
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками.

Перед нами поэтическое видение бытовой, житейской стороны усадебной жизни. С изысканной эстетической утонченностью описывает он богато уставленный кушаньями стол в своем имении Званка:

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны!

Это действительно своеобразная гастрономическая эстетика, при которой такая обыденно-прозаическая вещь, как закуска за столом, возводится в некий эстетический идеал. С обилием живописных подробностей, материальной ощутимостью изображает Державин быт усадебного дворянства.

---

⁹⁶ Объяснения на сочинения Державина / Г. Р. Державин // Державин Г. Р. Избранная проза. — М., 1984. С. 269.

При внешнем достатке и изобилии не страдает и жизнь души. «В святилище... муз» автор читает древних поэтов, философов, историков, и его философские размышления о роде человеческом приводят к довольно парадоксальному заключению:

На страсти, на дела зрю древних, новых веков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе и драки человеков.

Между тем автору известно и истинное назначение человека:

«...О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бремени?
Творцом содержится вселенна.

Да будет на земли и в небесах Его
Единого во всем вседействующа воля!
Он видит глубину всю сердца моего,
И строится моя Им доля».

Впервые под пером Державина возникает в русской поэзии XVIII века и объективный земной мир — усадебная природа. О нем не раз говорилось как о первооткрывателе природы в русской поэзии: «Открытие природы в русской поэзии Державиным аналогично тому, что сделали в этом направлении на западе Томсон, Грей, Руссо и другие»⁹⁷. Он использует и все преимущества поэзии, позволяющей запечат-

---

⁹⁷ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. С. 45.

леть динамику природы, последовательность и смену явлений во времени, показать мир в переменах.

Иль смотрим, как бежит под черной тучей тень
По копнам, по снопам, коврам желто-зеленым
И сходит солнышко на нижнюю ступень
К холмам и рощам сине-темным.

Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень:
На бреге Волхова разводим огонь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый.

П. А. Вяземский одним из первых подметил: «Державин смотрит на природу быстрым и светозарным взором поэта-живописца»⁹⁸. В цвете и звуке он передавал окружающую жизнь и природу. Строфа, описывающая обеденный стол, — «это ведь торжество совершенно нового для русской поэзии того времени способа видеть и изображать мир. Поэт отказывается от стремления аналитическими определениями указать логическую сущность раскрываемого предмета или, вернее, понятия, — стремления, характерного для классицизма; он определяет предмет его чувственными признаками, прямо, открыто, эмпирически наблюдаемыми признаками цвета, формы, иногда признаками мгновенного впечатления, производимого предметом»⁹⁹.

---

⁹⁸ Вяземский П. А. О Державине / П. А. Вяземский // Вестник Европы — 1816 — № 5. С. 230.

⁹⁹ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. С. 47.

Радостное, чувственно-анакреонтическое восприятие Державиным усадебной жизни омрачается одной роковой мыслью — мыслью о хрупкости, мимолетности, неминуемой преходящности всех этих «нег и прохлад» — мыслью о смерти. Она входит трагической нотой в радостно-торжествующие, мажорные хоры державинской поэзии:

Так самых светлых звезд блеск меркнет от ночей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!

.....

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Невоспомянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дупл огнезеленый взгляд
И разве дым сверкнет с землянки.

В «Жизни Званской» Державин поэтически воспроизвел «вечер» своей собственной жизни.

Стихотворение завершается размышлениями о смерти и бессмертии: поэт умрет, исчезнет Званка, но останутся поэзия и с нею память о том месте:

...где отзывы
От лиры моя шумящею рекой
Неслись чрез холмы, доли, нивы.

Многое в описании Званки Державиным вообще типично для большинства русских усадеб: поэтические занятия, гармоническое слияние с природой, усадебные затеи и развлечения, неспешность бытия, осознание усадебного рая. Нельзя не согласиться с утверждением Е. П. Зыковой о том, что «Жизнь

Званская” — это классический образец поэмы о сельской усадьбе»¹⁰⁰.

Усадебный тоpos, трансформированный сквозь призму гораианства, получил дальнейшее развитие в творчестве В. В. Капниста (1758–1823). По собственным словам поэта, он «стремился перенести Горация в наш век и круг». В результате ему удалось органично соединить гораианские мотивы с национальными традициями, выразить то, что было дорого его поколению, друзьям, самому автору.

В родовой усадьбе Обуховка В. В. Капнист через переводы Горация в полной мере приобщается к его жизненной философии.

«Местоположение Обуховки и окрестные виды самые прекрасные, — писал историк А. И. Ермолаев, посетивший Капниста в Обуховке в начале XIX века. — Меня, как северного жителя, чрезвычайно занимают здешние сады. Куда ни посмотрю, везде или дуб от 12-ти до 15-ти саженей вышиною и в три моих обхвата толщиною, или вяз, или клен, или яблоня или грушевое дерево в 1/2 аршин в диаметре, или сливы разных родов или греческие ореховые деревья, или шелковицы»¹⁰¹.

Таково документальное свидетельство современника — взгляд на усадьбу «извне».

---

¹⁰⁰ Зыкова Е. П. Поэма о сельской усадьбе в русской идиллической традиции / Е. П. Зыкова. С. 66.

¹⁰¹ Цит. по: Бабкин Д. С. Вступительная статья / Д. С. Бабкин // Капнист В. В. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. — М.–Л., 1960. С. 18.

Для Капниста его «Обуховка» являет собой некое подобие рая, гармонию внешнего и внутреннего бытия, обретение слияния с Высшим. В письме к Г. Р. Державину от 20 июля 1786 Капнист признается: «Сказать вам мое житье бытье? Вот оно: душевно отстал я от всяких великосветских замыслов. Сыскав свое истинное счастье в уединении, в содружестве Сашеньки, в воспитании детей, в созерцании прекраснейшей девственной природы, лелеющей обитель мою, в погружении себя иногда в недра души моей и в воспарение оттуда иногда к источнику ее и всей твари. Вот мои упражнения душевные. Руками упражняюсь то в очищении и украшении сада моего, какого прекраснее и редкие цари имеют, в обозрении хозяйства, в построении нового домика, во всех сельских приятных и, можно сказать, покойных трудах. Часто, и лучше сказать каждый день мы ходим с Сашенькой прогуливаться в прекрасных при реке После лежащих рощах, водим с собою Ганюшку, на травке ребячимся с ним, то ляжем под густую и расширевшую тень и ветви грушею, читаем беседуем и прочее... Прямо вам сказать живем счастливо. Ежели бы вы могли оторваться от вашей цепи и приехали видеть нас, то бы удивились и позавидовали верно тишине нашего пустынножития...»¹⁰²

В стихотворении «Обуховка» (1818), где используется основная мифологема усадебной поэзии — уподобление угодий райскому саду, одновременно сделана попытка запечатлеть черты русского быта,

---

¹⁰² Там же. Т. 2. С. 287.

имеющего, по мнению поэта, непреходящее значение, увидеть национальное в вечном. Стихотворению Капнист предпослал эпиграф из Горация: «Потолок моего дома не блещет ни слоновой костью, ни золотом». Этим поэт сразу же поставил очень важный акцент: не в богатстве земном лежит круг его интересов и ценностей. В стихотворении последовательно раскрывается картина усадебного мира. Господский дом, по традиции, располагается на возвышенности:

...На злачном холме он стоит
И в рощи, в дальний луг глядит...

Перед домом — река Псел — «...змеей извилистой / Стремясь на мельницу шумит...» Основное внимание уделено описанию парка и сада. При этом обнаруживается, что усадебный топос в стихотворении представлен полно и многогранно: здесь и «приютный дом», и «рощи», и «мельница», и «водопад», и «ближний остров». Усадебный парк переходит в сад с полянками, фруктовыми деревьями, «с оградой пурпурных кустов». Прогулка совершается в предвечернюю пору:

Уж над эфирной синевой
Меж туч сверкают звезды ясны...

Вместе с тем изображение изобильной самодостаточной жизни усадьбы в сочетании с «умеренностью» подводило к мысли о воплощении в ней идеалов плодородия и довольства, о возвращении на

землю золотого века, таким образом, горацанские идеалы явственно присутствуют в стихотворении Капниста.

Созерцание вращения мельничных колес вызывает у поэта ассоциацию со светской внешней жизнью, лишенной внутренней цели, подчиненной лишь поискам «честей и злата»:

Так призрак счастья движет страсти;
Кружится ими целый свет;
Догадлив, кто от них уйдет:
Они все давят, рвут на части,
Что им под жернов попадет¹⁰³.

По законам высших нравственных идеалов строится жизнь Капниста в усадьбе:

В миру с соседями, с родными
В согласье с совестью моей,
В любви с любезною семьей...

«Знатность» для Капниста является своего рода антиподом его ценностей. Человеческое общение в «Обуховке» происходит лишь по принципу «равенства».

Приютный дом мой под соломой
.....
Для дружбы есть в нем уголок,

---

¹⁰³ Капнист В. В. Собрание сочинений / В. В. Капнист. Т. 1. С. 250.

А к двери, знатным не знакомой,
Забыла лень прибить замок.

Идея единства и равенства всех перед Богом и природой отвечала философскому мироощущению сентименталистов и просвещенных представителей русской культуры XVIII в.¹⁰⁴

Размышления о бренности всего земного вызывает созерцание склоненного над водой дерева, которое «скоро, в бурну непогоду, Вверх корнем ринется ко дну».

Так в мире времени струями
Все рушится средь вечной при;
Так пали древни алтари...

.....
И царства пали и цари.

Но вопреки этому продолжается жизнь «природы вечной» со всеми ее эстетически выявленными в стихотворении нюансами:

Уж солнце скрылось за горой,
Уж над эфирной синевой
Меж туч сверкают звезды ясны
И зыблются в реке волной.
..... луна золотая
На легком облаке всплыла
И верх текущего стекла,
По голубым зыбям мелькая,
Блестящий столп свой провела...

---

¹⁰⁴ См.: Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма / Н. Д. Кочеткова. С. 58-074.

Стихотворение имеет замкнутую композицию. В первых его строках обозначен как бы «остов», фундамент бытия, представляющий искомые нравственные идеалы. Их своеобразным символом является «умеренности скромный храм». Он, как известно, доминанта архитектурно-пространственного построения усадьбы, но храм также и духовная доминанта. Здесь крестили поэта, отсюда, по сути, он сделал первые шаги в мир. Созерцая в потоке жизни и времени «приютный дом... под соломой», «обширный многосенный лес», «покрытый тенью теремок, «равнину С оградой пурпурных кустов», «Вакхов вертоград», — авторская мысль вновь возвращается к храму:

А под навесом древ ветвистых,
Как мрамор, — белые кресты.
«...Ты зришь твоих предтеч;
Священна се господня нива;
Ты должен сам на ней возлечь».

Здесь начало и конец земному бытию. Круг замкнулся. Деревенский покой располагает к раздумьям о вечном покое. Описание родного дома логично завершается мыслями о доме последнем. Подводя итог своей жизни, своим деяниям, которые были связаны именно с Обуховкой, Капнист может утверждать, что жизнь ему дана «не напрасно, не случайно», он оставил в ней свой след, исполнив свою миссию:

«...Друг Муз, друг родины он был;
Отраду в том лишь находил,
Что ей, как мог, служа, трудился...»

В процессе анализа стихотворения «Обуховка» раскрываются духовные ценности и идеалы поэта, связанные именно с усадебной жизнью. Его интересы далеки от радостей и забав обычного помещика, он устремлен к высшему: познанию мира и себя в нем. Именно в Обуховке Капнист в течение многих лет занимался научными исследованиями об истоках и корнях русского народа и отечественной культуры. Этот труд известен под названием «Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении»¹⁰⁵. Из этого следует, что усадьба для Капниста — не только место семейного уюта, философских и поэтических размышлений, но и кабинет ученого. Так, в русскую поэзию входит представление об особом интеллектуальном одухотворенном усадебном быте.

«Жизнь сельская зовет согласия мои» — это и своеобразный эпиграф, и основной лейтмотив усадебной поэзии середины и конца XVIII века. Он в полной мере свойствен творчеству М. Н. Муравьева, идеалы усадебной жизни которого оформились в русле сентименталистского мировосприятия.

Эмоция становится для таких поэтов, как Муравьев, своего рода законодательницей мысли. В процессе зарождения сентиментализма, констатирует Г. А. Гуковский, «...намечается довольно широкое движение ухода от социальных вопросов и вольномыслия в мистику и теорию самосовершенствования.

---

¹⁰⁵ Капнист В. В. Собрание сочинений / В. В. Капнист. Т. 2. С. 165–185.

Это было бегство в мечту, в иррациональное, в углубленное копание в собственной душе — от катастроф общественного бытия»¹⁰⁶. Поиски человеческой души, отводившие от политики, избавлявшие от обязанности решать проблемы государства, и для этого поэта переплетались с усадебной тематикой. Стихотворение «Итак, опять убежище готово...» (1780-е гг.) рисует поэтический образ усадьбы Берново.

В основу поэтического творчества Муравьев ставил «чувствования» и «мечтания», которыми определяется и пафос его лирики. Отдавая дань времени и идеалам, царившим в среде просвещенного дворянства, он прославляет «побег» из Твери «под сень свою, спокойное Берново». Пространство этой усадьбы поэт населяет образами невидимых духов (гури, нимфы, феи, дриады), которые своим присутствием создают атмосферу таинственности, вечности («древние пенаты, Не отягчив морщинами чела...»), радости («младая пляшет гури / И зрителей обворожает круг»). Этот мир невидимый, но безусловно существующий, имеет непосредственное отражение в мире земном. В усадебном доме и в семье царят гармония и любовь. Так, «госпожа» «гостеприимна дома» с «веселостью и лаской на лице»

...гостей своих встречает на крыльце
По древнему российскому поверью
Не из чинов, а прямою души ¹⁰⁷.

---

¹⁰⁶ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. С. 254.

¹⁰⁷ Муравьев М. Н. «Итак, опять убежище готово...» / М. Н. Муравьев // Русская литература. Век XVIII. Т. 1. Лирика. С. 397–399.

Вследствие этих условий и жизнь здесь «безмятежна». Муравьев поэтически воссоздает классический усадебный мир, рисуя целый усадебный комплекс:

И древний дом, и плодоносный сад,
И этот холм, что рощи глыб сосновой,
И мельницы шумящей водопад.
Смиренна Тма, какой своей прослужой
Название ты сие приобрела?
Вияся сей прекрасною округой
Ты льешь струи прозрачнее стекла.

Эту безмятежность и гармоничность усадебной жизни охраняют нимфы и феи, обитающие в «роще сосновой», в «сени густых деревьев, у падающих вод». Своеобразие поэтики Муравьева, который вводит в поэтическое пространство своих стихотворений образы греческой мифологии, отмечает Ю. В. Стенник: «Картины сельского пейзажа сохраняют у него черты *античной идиллии*, где рощи оказываются приютом «сельских нимф», а в лугах стада овец пасомы мирными пастухами... Сохраняя традиционные атрибуты условности жанрового канона, Муравьев органично сочетает их с передачей реального восприятия конкретного пейзажа»¹⁰⁸. Поэт сознательно усиливает значимость невидимого мира в мироощущении обитателей усадьбы:

---

¹⁰⁸ Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века / Ю. В. Стенник. С. 84.

Нам мал тот мир, что видим каждый день,
В невидимый мы любим посещения,
Прелестных снов мы осязаем тень.

Ритуальные прогулки «по аллее» завершаются изысканным, эстетически утонченным обедом «во светлой сей большой оранжерее». В описании яств Муравьев является предтечей Г. Р. Державина. Берново — подобно райскому саду:

Здесь персики румянятся пушисты
И розы здесь теряют позже цвет,
Там птички вокруг порхают голосисты...

Завершается стихотворение прославлением любимой жены Любаши, хозяйки и, по сути, прославлением радости семейного бытия. В данном случае наблюдается процесс перетекания быта (или сельского быта) в литературную образность и обратно. Эту особенность культурного самосознания отметил Ю. М. Лотман в исследовании о русском романе XVIII века, который «призван был породить определенную культурную среду», когда «...быт генерировал текст», а «текст должен был генерировать быт. *Этот принцип вообще очень существенен для литературы XVIII века*»¹⁰⁹.

Стихотворение Муравьева «Итак, опять убежище готово...» можно рассматривать с точки зрения ценного исторического документа, воспроизводяще-

---

¹⁰⁹ Лотман Ю. М. Литература в контексте русской культуры XVIII века / Ю. М. Лотман. С. 127.

го атмосферу и быт русской провинциальной усадьбы середины XVIII века.

Давние горацянские мотивы — восхваление сельской жизни и противопоставление городской — обретают новое звучание в литературе сентиментализма с ее пробуждающимся интересом к природе, красота которой противостоит ложным ценностям цивилизации:

Приятно мне уйти из кровов позлащенных
В пространство тихое лесов невозмущенных,
Оставив пышный град, где честолюбье бдит,
Где скользский счастья путь, где ров цветами скрыт¹¹⁰.

Делая героями своих стихотворений частных людей, а не царей и политических деятелей, сентименталисты обращались к изображению героев, связанных с той средой, которая была им более близка и знакома, — чаще всего из среды мелкопоместного дворянства.

В поэтическом послании Афанасию Матвеевичу Брянчанинову «Сельская жизнь» (1770-е гг.) присутствуют черты идиллии, которая становится одним из важнейших компонентов всей идейно-эстетической системы сентиментализма. Причем сентименталисты, по мысли Н. Д. Кочетковой, «ориентировались не столько на античную идиллию, сколько на творчество С. Геснера¹¹¹, под непосредственным воздействием

---

¹¹⁰ Муравьев М. Н. Стихотворения. / М. Н. Муравьев. Вступ. ст. Л. И. Кулаковой. — Л., 1967. С. 159. («Библиотека поэта». Большая серия.)

¹¹¹ См. об этом: Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литера-

которого создавался русский идиллический пейзаж»¹¹². Уже в начале стихотворения наблюдается характерное для идиллии, особенно просветительской, противопоставление естественного человека человеку, испорченному городом, здесь: жизнь «сельская» противопоставляется «славе», равно как уединение, медитативность, самосозерцание противопоставляются суете, шуму, тщеславию. Идиллический пейзаж («В долинах, муравой цветущей усталых, Где Лухта льет тебе прозрачные струи, ... Тебе окружные желтеют жатвой горы...»), воссозданный в стихотворении, подчеркивает идилличность человеческих взаимоотношений, где крестьянский труд интерпретируется как благодать: «Трудятся, суетно свой ум не бременя». Не случайно они именуются «селяне», а рядом с ними обитают «нимфы». Характерным для идиллии является и сочетание человеческой жизни с жизнью природы, где реализуется трудовой характер идиллии:

С зарею встают восхода солнца ране,
Железом вооружась блистающих серпов.
Ах! Счастливы стократ свое копь счастье знают!¹¹³

Необходимо отметить особенность изображения времени в стихотворении «Сельская жизнь». Все идет изо дня в день, по кругу времен года:

турные связи 18–19 веков / Р. Ю. Данилевский. — Л., 1984. С. 57–78.

¹¹² Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма / Н. Д. Кочеткова. С. 210.

¹¹³ Муравьев М. Н. «Сельская жизнь» / М. Н. Муравьев // Русская литература. Век XVIII. Т. 1. Лирика. С. 393.

Гуляньем летни дни иль пляской заключают
И песенки поют у зимнего огня.
Что нужды, что зима? Еще им лето длится,
И счастье годовых не ведает времен.

Здесь обозначен весь или почти весь годовой круговорот: от «летних дней» до «зимнего огня». Циклический ход времени в природе, гармонически совпадающий со сменой поколений в человеческой жизни, — также неотъемлемый признак идиллии. Весь этот идиллический мир, ограниченный замкнутым пространством: «Никто не странствовал знакомой сени дале» — созвучен представлению автора о рае («Такие дни текли вселенныя в начале»).

Именно этот усадебный мир со всеми его характеристическими признаками предназначен быть, по мысли М. Н. Муравьева, поэтической колыбелью, местом вдохновения и творчества:

Так, Брянчанинов, ты проводишь дни спокойны,
Соединяя вкус с любовью простоты:
Из лиры своя изводишь гласы стройны
И наслаждаешься хвалами красоты.

Таким образом, в усадебной лирике М. Н. Муравьева обнаруживается важный жанровый признак традиционной идиллии, цель которой, по словам Ф. Шиллера, — «...всегда и везде одна — изобразить человека в состоянии невинности, то есть состоянии гармонии и мира с самим собой и внешнею средою»¹¹⁴.

---

¹¹⁴ Шиллер Ф. О наивной и сентиментальной поэзии / Ф. Шиллер // Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. — М., 1967. Т. 6. С. 440.

Литературное творчество князя Ивана Михайловича Долгорукого (1764–1823) также является воспеванием «сельской жизни мирной». В стихотворении «Весна» автор резко противопоставляет столичную, светскую жизнь с ее большей нормативностью поведения и усадебную, где свойства личности имеют возможность глубоко и свободно раскрыться, где человек преимущественно сосредоточен на своих переживаниях, где он ближе к природе. Антитеза «деревня» – «Москва», настоящего и эфемерного — здесь антитеза усадебной жизни («В полях все нежит наши чувства») и столичной («В Москве все маска и наряд»).

Истинность и богатство чувств для автора превыше богатства земного:

Мое село, мое именье
В саду песчаном и пустом,
Но где любви есть улажденье,
Не нужен там и царский дом.

Стихотворение И. Долгорукого «Прогулка в Куковом» (1817 г.) — восторженный гимн подмосковной усадьбе: «где жизни день бывал дороже... чем год в иной стране прекрасной!» Усадьба Куково оставила заметный след в поэзии XIX века. По словам Н. М. Карамзина: «Бывало, всякое воскресенье, от мая до августа, дорога Куковская представляла улицу многолюдного города, и карета обскакивала карету. В садах гремела музыка, а в аллеях теснились люди, и венецианская гондола с разными флагами разъезжала по тихим водам большого озера»¹¹⁵.

---

¹¹⁵ Цит. по: «...в окрестностях Москвы». Из истории русской

Внешняя форма, в которой изливал Долгорукий свои мысли и чувства, весьма разнообразна и не входит в рамки канонической поэзии. «Его стихотворения, — пишет А. М. Дмитриев, — чисто лирические, содержат в себе иногда чувство элегическое, иногда философское... Одним словом он дал себе простор, которым не смели пользоваться современные ему стихотворцы. Это выводило его из ряда других, которые смотрели на него более как на дилетанта, не принадлежащего к их корпорации... Язык его стихотворений — чрезвычайно простой, безыскусственный, лишенный обветшалых славянизмов, пересыпанный живыми, чисто русскими народными оборотами речи»¹¹⁶.

Рождение стихотворения «Прогулка в Савинском» было вдохновлено посещением роскошной подмосковной усадьбы второй половины XVIII века — Савинское, принадлежавшей сенатору, масону И. В. Лопухину. Этой усадьбы уже давно не существует. Но стихотворение Долгорукого, обладая историко-документальными особенностями и эстетическим своеобразием, сохранило яркий, индивидуальный образ русской усадьбы периода ее расцвета. Усадьба славилась своим превосходным парком, что отмечали многие современники: «На ровном месте, где было прежде топкое болото, явились тенистые рощи, пересекаемые прекрасными дорожками и

усадебной культуры XVII–XIX веков. С. 97.

¹¹⁶ Дмитриев А. М. И. М. Долгорукий / А. М. Дмитриев // Русский биографический словарь. — СПб., 1905. С. 540.

орошенные чистою, прозрачною как кристалл водою. Расположение сего сада прекрасно; лучшее в нем место есть Юнгов остров. ...Берег осенен рощею, в которой мелькает Руссова хижина! На самой середине озера Юнгов остров с пустынною хижиною и несколькими памятниками, между которыми заметите мраморную урну, посвященную Фенелону... Остров осенен разными деревьями: елями, липами, березами и другими; его положение чрезвычайно живописно; всего приятнее быть на нем во время ночи, когда сияет полная луна, воды спокойные, и рощи, окружающие берег, отражаются в них, как в чистом зеркале! Это место невольно склоняет вас к какому-то унылому приятному размышлению»¹¹⁷. Ему свойственно то, что точно определил академик Д. С. Лихачев в книге «Поэзия садов»: «Типично для романтизма украшение сада зданиями различных стран и эпох, разведением экзотических растений.

...Характерна любовь романтических поэтов к призрачной жизни природы — то в отражениях в воде, то в дымке туманов, в тенях, в росе, в закате, в лунном блеске. Из всех времен дня предпочитают те, когда чаще сменяется освещение, — особенно вечер»¹¹⁸.

Стихотворение погружает читателя в атмосферу романтического пейзажного парка лунной ночью.

---

¹¹⁷ Жуковский В. А. Ред. прим. / В. А. Жуковский // Вестник Европы. — 1809. — Февраль. С. 198–299.

¹¹⁸ Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей / Д. С. Лихачев. С. 254.

Закатилось солнце красно,
Месяц встал — и побледнел,
Небо вызвездило ясно...

Ощущение таинственности, предстоящего вос-
торга передано с помощью такого приема, как звуко-
пись. Образ природы рисуется на ассонансе, где по-
ются гласные А и Е.

В поэтической форме автор провозглашает
мотивы просветительской идеологии в иконологи-
ческой интерпретации XVIII века. Ведь в «саду об-
ширном» —

Каждый взгляд — есть поученье,
Каждый шаг — иероглиф.

Многие постройки в усадьбе, описываемой Дол-
горуким, олицетворяют дух истории, напоминают о
судьбе великих людей и великих странах. Древняя
история соединялась с современностью в форме до-
вольно прихотливой и необычной:

...Там во храмине широкой...
На столпах четырех свод;
Он героя вспоминает,
Богатырский век златой,
Репнина изображает...
.....
Здесь угрюмый озирался
С удивлением Сократ...

В усадьбе эмоциональное осмысление приро-
ды часто соседствовало с философским. Здесь и

«Конфуция гробница», и «Юнгов остров», и «лагун был незавидный, Тот, в котором Диоген Нагишом блажил бесстыдный...», тут и изображение Ломоносова («по витийству — слава Россов, А по лире — сын богов»). Все эти «миленькие затеи», связывающие воедино мудрецов древности и современности, прошлое и настоящее, рисуют образ великолепной подмосковной усадьбы, отражая черты просвещенного и культурного его создателя. Как справедливо отмечают авторы книги «Жизнь усадебного мифа»: «...памятники, сооруженные в имении, ...отсылали к определенному культурному пространству. Они же порождали и своего рода метатексты: литературные тексты, призванные быть памятником, памятник же описывающим. Яркий пример такого текста — “Прогулка в Савинском” И. Долгорукого»¹¹⁹.

Продуктивно сравнение поэтических описаний усадьбы Савинское И. Долгоруким и А. Воейковым — последний осуществил перевод «Садов» Делиля. Передаваясь описанию царскосельских садов, подмосковных усадеб, «Воейков завершил этот экскурс восторженным описанием подмосковного Савинского И. В. Лопухина, которому посвятил вдвое (!) больше стихов, чем всем царскосельским паркам вместе»¹²⁰.

---

¹¹⁹ Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай / Е. Е. Дмитриева, О. Н. Купцова. С. 26.

¹²⁰ Лотман Ю. М. «Сады» Делиля в переводе Воейкова и их место в русской литературе / Ю. М. Лотман // Делиль Жак. Сады: Поэма. — Л., 1987. С. 207.

О Муза! Зрелищем роскошным утомленны,
В деревню поспешим под кров уединенный,
Туда, где Лопухин с Природой жизнь ведет,
Древ тенью Савинских укрывшись от забот;
Не знаешь, в сад его вошед, чему дивиться,
Куда скорей спешить, над чем остановиться,
Сюда манит лесок, туда приятный луг;
Тут воды обошли роскошные вокруг;
Там Юнг и Фенелон, в дали кресты, кладбище
Напоминают нам и вечное жилище и узы жизни се...¹²¹

В отличие от Долгорукого, Воейков не конкретизирует назначение отдельных уголков сада, а рисует обобщенную картину усадьбы.

Определяя своеобразие творчества И. Долгорукого и близость его к державинскому, П. А. Вяземский писал: «Не знаю в точности почему... но читая Долгорукого, я невольно припоминал Державина: разумеется не того, который парит, а того, который легко и счастливо скользит по земле и метко дотрагивается до всего житейского»¹²².

А. М. Бакунин — литератор карамзинского направления, вернувшись в Россию после службы в Италии и выйдя в отставку, занялся благоустройством своей усадьбы Премухино. Это не мешало его творческому общению с видными литераторами: Державиным, Львовым, Карамзиным.

---

¹²¹ Цит. по: Делиль Жак. Сады / Жак Делиль. — Л., 1987. С. 104.

¹²² Вяземский П. А. Старая записная книжка / П. А. Вяземский. — Л., 1929. С. 278.

Весь свой опыт устроителя усадьбы, хозяина и отца большого семейства, круг забот, духовных и культурных ценностей, исторических и хозяйственных интересов Бакунин рисует в поэме «Осуга» (1810–1830). «...Усилившаяся изоляция поэта, отторженного от литературного процесса — констатирует К. Ю. Лаппо-Данилевский, — привела постепенно к тому, что его творчество становится фактом истории бакунинской семьи»¹²³.

«Тихая Осуга», «Душа премухинских полей» — образ реки Тверского края, на берегу которой и раскинулась усадьба Премухино.

Поэма озаглавлена названием реки, а не усадьбы. Это не случайно. Подобно реке, которая в древней мифологии является символом времени, размеренно протекает жизнь нескольких поколений в премухинской усадьбе.

«Эта поэма восстанавливает значимость усадебной архитектуры Львова, позволяет сделать молчащие сегодня усадьбы одушевленными... Александр Бакунин, как автор “Осуги”, выступает для нас полноправным соавтором Николая Львова в создании единого целого: русской дворянской усадьбы периода ее подъема и расцвета... Вот почему значимость поэмы выходит за рамки Премухина — замкнутого географического пространства»¹²⁴.

---

¹²³ Лаппо-Данилевский К. Ю. Стихи А. М. Бакунина, написанные в подражание Н. А. Львову / К. Ю. Лаппо-Данилевский // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. — СПб., 2002. С. 33.

¹²⁴ Олейников Д. Александр Бакунин и его поэма «Осуга» /

Д. Олейников, обнаруживший в архиве Пушкинского дома поэму А. М. Бакунина «Осуга» и подготовивший ее к публикации, справедливо заметил: «Появление «Осуги» целиком в печати знаменует процесс нового подхода к изучению русской культуры, русской истории и русской литературы — движения внутрь: от столиц — к усадьбам и селам, от гениев и героев — к их окружению, от ствола — к ветвям и корням»¹²⁵.

Поэма начинается описанием девственной природы, древней истории, преданий, хранящихся в пределах его владений. Восторженным взором автор замечает красоты «русской флоры»:

Черемха, розан лесовой...
По скату ландыш и любимицы
И соловьи весною тут...

Идиллический образ природы созвучен идиллическому образу поселения крестьян:

...Я вижу мирное селенье
Трудолюбивых поселян;
Не знаю, почему рабами
Их наши умники зовут?
Они посильными трудами
Оброк урочный отдают
И свой удел за то имеют,
Поля, покосы, скот и дом
Такие же, как и владея
Хозяева в быту своем.

Д. Олейников // Наше наследие. — 1994. — № 29–30. С. 54.

¹²⁵ Там же. С. 54.

Усадебные реалии («В саду... Господские палаты... Кряхтят под тяжестью годов... Святая церковь... Где Бог меня благословил Принять любви обет супружный...») сразу же обеспечивают и читательское вхождение в образность текста, и эмоциональный строй, хранящий «аромат» усадебной жизни. А затем передается мироощущение героя, где доминирует чувство любви к своей семье, дому, предкам, усадьбе, объединяющей и соединяющей все эти понятия в одно целое. Усадьба становится для автора неотъемлемой частью его индивидуальной жизни и в то же время символом родины, корней рода. Он видит свое предназначение в том, чтобы передать будущим поколениям духовные традиции усадебной культуры. Идеалы семьи свято охраняются. В круг семейных ценностей входит, в частности, портрет «царицы мудрой» Екатерины II, в царствование которой и стало возможно появление феномена усадьбы. Патриархальное уважение и почитание власти является синонимом отношения к Отечеству:

...портрет —
Кто не почитит усердным взглядом,
В том капли крови русской нет.
.....
Она величия примером
Возвысила народный дух.

Поэтика описания усадебного дома, убранства комнат, круга семейных интересов нарочито проста, но убедительно воссоздает усадебный мир: с неизменным рукоделием, любимыми авторами (Пушкин,

Жуковский, Крылов, Лажечников), детскими уроками, игрою в шахматы, музыкой. Все это достигается трудолюбием, усердием, «терпеньем лень одолевая». Здесь, в родной усадьбе, и закладываются семена любви к Родине, зреет та любовь к «родному пепелищу», «отеческим гробам», в которой Пушкин видел «самостоянье человека, залог величия его».

Разлука только что сугубит
Любовь к родимой стороне,
А кто отечества не любит —
Тот умер заживо во мне.

Немыслим мир русской усадьбы и всей классической русской литературы без «нянюшек». Они обеспечивали уют, добро, простоту, встречу с родным языком и родной народной культурой. Бакунин, как и другие поэты, обессмертил в своей поэме Ульянушку, которая в их семье воспитала

Два поколения детей.
Не по теориям ученым,
А просто нянюшкой была,
Порядкам следуя крещеным —
И с рук здоровыми сдала.

В просвещенном укладе жизни Бакуниных «Покоев нету в доме праздных». Труд — основа их бытия — знаком с детства:

Но с тактом надобно учиться,
Чтобы на дело годилась —
Кто знает, что вперед случится
И на дороге встретит нас?

Жизнь в усадьбе Премухино, наполненная осознанием вечных законов и самосовершенствования, трудолюбия, семейного счастья, открывает автору радость, восторг перед законами и явлениями природы:

Весна, весна! Ручьи журчаньем,
Пернатых криком небеса,
Стада приветствуют мычаньем
И сладким шепотом леса.
Какая радость!..

Уникальный внутренний мир и история жизни владельцев усадьбы неизменно находят выражение в парке. «Парк превращается в жизнеописание семьи, — пишет исследователь русских усадеб Е. И. Кириченко, — запечатленное средствами садово-паркового искусства и архитектуры, в рощах, деревьях, аллеях парка, в главном здании, памятниках и павильонах, в летопись событий, надежд и мечтаний»¹²⁶.

Поэму А. Бакунина «Осуга» можно отнести к разряду философских произведений. Наряду с описательным элементом в ней присутствует размышление о «Законе земного бытия...», которому подвластно все живое: «ручей», «малиновка», «Душа». Логическим завершением поэмы является описание вечера в усадьбе, которое совпадает с мыслями о «вечере» жизни. Воспоминания о давно ушедших род-

---

¹²⁶ Кириченко Е. И. Семантика, стиль и планировка усадеб II половины XVIII века в России / Е. И. Кириченко // Архитектура русской усадьбы. — М., 1998. С. 155.

ных и размышления о приближающемся собственном «закате» озаряются осознанием бессмертия души и слияния ее с Высшим.

Износится земное платье,
Но душу дал живую Бог.
И без него — иметь понятие
Я б о бессмертии не мог.

Так, на фоне «общих мест» усадебной поэзии в поэме А. Бакунина «Осуга» рельефно проявляются еще два важных мотива: мотив чтения в усадьбе и мотив большой семьи, живущей в родовой усадьбе.

«Творчество Бакунина, — пишет Ю. М. Лотман, — небезуспешно развивало линию описательной поэзии, заглохшей было в “высокой” литературе уже в конце XVIII века»¹²⁷.

Проделанный анализ позволяет сделать вывод о том, что усадебная поэзия XVIII века реализуется в жанре сентиментальной идиллии, при этом проявились магистральные мотивы, формирующие усадебный топос. В 40–60-е годы доминирующим оказывается мотив «горацианства», содержащий оппозицию «город–деревня», при сентиментальной идеализации умеренности, довольства малым, семейного уюта, душевной и телесной гармонии. В это время панегирик усадебной жизни представляет собой либо вольное переложение Горация, либо прямое подражание ему.

---

¹²⁷ Лотман Ю. М. «Сады» Делиля в переводе Воейкова и их место в русской литературе / Ю. М. Лотман // Делиль Жак. Сады. С. 41.

И это вполне закономерно, поскольку, как точно определяет Е. П. Зыкова, «...Гораций в своих посланиях возвращает идеал “золотого века” в масштабах одной усадьбы»¹²⁸. Опыт усадебной жизни в России к тому времени был весьма незначителен. Но идеал такой жизни, созданный в поэтическом преломлении Горация, философских писем Сенеки и Плиния Младшего, формировал «философию сельской жизни» в сознании российского дворянства и превращался в эстетическую парадигму. Поэтические переложения Горация Кантемиром и Тредиаковским в значительной мере обогатили усадебный топос новыми мотивами и образами.

В 70–90-е годы наблюдается установка на поэтизацию реального повседневного усадебного быта. Быт, или, точнее, усадебное бытие превращается в объект высокой поэзии (Николев, Капнист, Державин). Поэтическое сравнение усадебного пространства и сада с раем характерно для всей усадебной лирики. «Рай» — одна из наиболее устойчивых составляющих усадебного топоса, включающая в себя сложный семантический и поэтологический комплекс. Мотив «рая» перекликается с мотивом «уединения», бегством на лоно природы, которое рассматривается как уход от злободневных социальных проблем в свой внутренний мир. Рельефно выступает «мотив чтения» в усадьбе, формирующий круг духовных и нравственных ценностей ее обитателей,

---

¹²⁸ Зыкова Е. П. Пастораль в английской литературе XVIII века / Е. П. Зыкова. С. 21.

а также «мотив большой семьи», живущей в родовом поместье.

В усадебной лирике XVIII века обнаруживается комплекс локусов с характерными для идиллической семантики символами, которые станут доминирующими в период романтизма: «древние пенаты», «сень безмолвная», «древний дом», «холм», «рощи», «мельницы», «аллеи». Причем «древний дом» здесь является уже не абстрактным «малым своим домом» Кантемира: «древний» — означает *родовой*, построенный предками; дом — это место, где протекала жизнь нескольких поколений. Реалии усадебной жизни трансформируются в усадебную топику.

Таким образом, усадебная поэзия XVIII века создает своеобразную художественную модель в пространстве русской поэзии и русской культуры в целом. От стилизации и описательности XVIII века «усадебная поэзия» переходит к медитативности в начале XIX века, а в жанровом отношении — от панегирика к элегии.

ГЛАВА II.
«СВЯЩЕННЫЙ СЕРДЦУ КРОВ»

(ОБРАЗ УСАДЬБЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ
НАЧАЛА XIX ВЕКА)

Усадьба в первой половине XIX в. становится средоточием культурной и духовной жизни общества. Характеризуя литературные веяния переходной эпохи, Л. Я. Гинзбург отмечала: «В конце XVIII – начале XIX века просвещенное русское дворянство создавало литературу, свободную от всякой официальности и народности. Оно стремилось выразить в этой литературе свои идеи, переживания, вкусы, свой быт. Самое интимное, “домашнее” выражение жизни осуществлялось в так называемых дружеских посланиях, с их культом независимости, изящного “безделья”, с их враждой ко всему официальному и казенному»¹²⁹.

Ю. В. Манн в фундаментальном труде по поэтике русского романтизма развивает мысль об «особого рода оппозициях», которые складываются в русской поэзии первой четверти XIX века. «Развитие оппозиций, — замечает он, строится на противопоставлении обоих типов мироощущения, на том, что лирический персонаж открыто отдает предпочтение одному перед другим, что он осуществляет род психологического бегства, или если не

---

¹²⁹ Гинзбург Л. Я. П. А. Вяземский. Вступ. ст. / Л. Я. Гинзбург // П. А. Вяземский. Стихотворения. — Л., 1986. С. 8. («Библиотека поэта». Большая серия. 3-е изд.)

бегства — то морального отказа от общепринятого и общепризнанного»¹³⁰.

Именно эти оппозиции являются ключевым мотивом усадебной лирики означенного периода, когда образ усадьбы приобретает значение «литературного гнезда», «приюта спокойствия, трудов и вдохновения».

Проследим, как этот образ развивается и трансформируется в усадебной лирике современников А. С. Пушкина: Языкова, Вяземского, Баратынского, Батюшкова, Гнедича.

Усадебный мотив в творчестве Н. М. Языкова (1803–1846) можно рассматривать в двух аспектах: как поэтические воспоминания о родовой усадьбе Языково и как яркую усадебную феерию, рожденную пребыванием поэта в Тригорском. Идеи и образы его стихотворений перекликаются с событиями жизни. Мотив воспоминаний детства, проведенного в усадьбе Языково, нашел отражение в «Послании к А. Н. Очкину» (1822 г.).

...люблю бывшее вспоминать,
Люблю в страну отцов в мечтах переселяться¹³¹.

«Прелести природы» в усадьбе утончали и воспитывали душу будущего поэта. В родной усадьбе

---

¹³⁰ Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма / Ю. В. Манн. — М., 1976. С. 22.

¹³¹ Языков Н. М. Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма / Н. М. Языков. Вступ. ст. И. Д. Гликмана. — М.–Л., 1959. С. 11.

ему впервые «явилась муза» и произошло осознание себя поэтом. Для Языкова усадьба — это:

Страна, где в первый раз богиня песнопенья
Стыдливою рукой цевницу мне дала.

Эти воспоминания дороги для поэта. Тогда он пел по велению души, а не для славы, и его первые поэтические опыты не были оскорблены вниманием «ветреной толпы». Поэт размышляет и о том, что только гений родового гнезда может вернуть дар вдохновения: «И оживить мой ум и жар моих стихов»; там он «узнает мир души и цену бытия...»

«Роскошное село Языково», как писали о нем в прошлом веке. В очерке «Село Языково», опубликованном В. Н. Поливановым в журнале «Исторический вестник», обрисован этот уголок: «В два этажа, он построен отцом поэта, Михаилом Петровичем, в форме “покая” — с коридорами и двумя просторными... флигелями. Со стороны сада фасад украшен семью колоннами дорического стиля с каменной лестницей. Двор обнесен решеткою с каменными столбами и параллельно постройкам обсажен виами, образующими внутри тенистую площадку»¹³².

Поэтическое восприятие родовой усадьбы зрелым поэтом не несет на себе печати пессимизма и разочарования («Н. А. Языковой»). В отличие, например, от Баратынского или Вяземского, у которых возвращение в усадьбу происходит осенью и сопряжено

---

¹³² Исторический вестник. — 1896. — Ноябрь. С. 987.

с угасанием времени года, у Языкова совсем иная эмоциональная окраска. Она насыщена яркими, сочными тонами: «вешняя лазурь», «растаяны лучами», «ковры зелены», «красных дней», «в лиственной тени». Звучат первые аккорды пробуждающейся весны. Все полно ожидания и надежды. Не случайно поэт использует глагольные формы будущего времени: «роскошно уберет», «засвищут соловей».

Автор прибегает к динамике зрительно ощущаемого движения. Характерной чертой, определяющей поэтику Языкова, является эмоциональная стихия, преобладание чувства над мыслью. В стихотворении «Н. А. Языковой» можно отметить поэтическую и текстологическую перекличку с пушкинским стихотворением «Деревня» (1819).

У Пушкина:

...Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где *льется* дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья...

У Языкова:

Здесь, в стороне моей родимой,
Где *льется* мирно и незримо
Мое привольное житье.

Оба поэта подчеркивают то, что жизнь в усадьбе «льется». Это слово передает равномерную гармоничную динамику бытия. Значение выражений «на лоне счастья...» (Пушкин) и «привольное житье» (Языков) синонимично.

Уход из внешнего мира, враждебного и чуждого, в свой внутренний, столь необходимый для поэтов, возможен лишь в деревне. Обратимся к сравнению.

У Пушкина:

Я твой: я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубрав, на тишину полей...

У Языкова:

Я миру чужд, и радостям лукавым,
И суетам, господствующим в нем:
И счастлив: не хочу ни в мраморны палаты,
Ни в шум блистательных пиров!

Мотив противопоставления городской и сельской жизни, впервые прозвучавший в русской поэзии XVIII в., теперь приобретает психологическую глубину и значение выбора нравственных ценностей.

В поэтической и культурной традиции за Тригорским закрепилось пушкинское определение: «Приют, сияньем муз одетый, младым Языковым воспетый...». Ряд стихов Языкова («П. А. Осиповой», 1826 г.; «Тригорское», 1826 г.; «П. А. Осиповой», 1827 г.) наполнен атмосферой провинциальной усадебной жизни. Тригорское с его обитателями обладало для Языкова столь притягательной силой, что, по признанию автора, там он «забывал» не только «поля родимого предела», но и о первых движениях сердца — о «достопамятной весне...».

Описания усадьбы Тригорское предельно конкретны и географически точны. Они с незначительными изменениями переходят из стихотворения в стихотворение:

А дом, а сад густо-зеленый,
Пруды и Сороти студеной
Гостеприимные струи!
А вид на доли и на горы!
А мост, а пышные дары
Помоны, Бахуса и Флоры!¹³³
«Осиповой», 1826 г.

Поэт сознательно подчеркивает этимологическую особенность названия усадьбы:

Там, у раздолья, горделиво
Гора *трихолмная* стоит,
На той горе, среди лощины
Перед лазоревым прудом
Белеется веселый дом...
«Тригорское», 1826 г.

И *три горы*, и дом красивый
И светлой Сороти извивы...¹³⁴
«Осиповой», 1827 г.

Архитектурно-художественный образ усадьбы не развивается в стихах Языкова. Но целостный пространственный образ сада создается преимуще-

---

¹³³ Языков Н. М. Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма / Н. М. Языков. С. 112.

¹³⁴ Там же. С. 133.

ственно благодаря зримому ряду («...к речке, шепчущей...», «...тень густую // Склонил к водам нагорный сад...»), многообразным звукам («трели соловья...»), ароматам, разлитым в воздухе и буквально пропитывающим это пространство. Вместе с тем, эта конкретика, сообщая образам уникальную достоверность, не размывает их поэтичности.

Языков выделяет парковые «мемории», напоминающие о важных не только для него, но для всей русской культуры событиях:

...И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
.....
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер, и Гете и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый;
И ту площадку, где в тени
Нас нежила, нас веселила
Вина чарующая сила —
Осенок сердца и души.

Образ усадьбы в стихотворении «Тригорское» складывается из сложной мотивной системы, включенной автором в поэтическую ткань стихотворения. Мотив исторических воспоминаний о древности Псковской земли преломляется через любовь к Отечеству и гордость за свою внутреннюю сопричастность героическим событиям, протекавшим некогда на месте усадьбы:

Но ты, к отечеству любовь!
Ты, чем гордились наши деды,

Ты ополчилась...

.....

В стране, где славной старины

Не все следы истреблены...

По контрасту с описанием битвы, где в сочетании звуков слышится стук мечей: «издалеча», «веча»; шум толпы: «пересиливала», «пустошила», «могущественный», «ополчилась», — картины природы рисуются с помощью «струящихся» эпитетов: «Сороть голубая», «изгибы расстилая», «водами поят». Это сочетание древности и гармоничной природы придает усадьбе значение, которое Языков охарактеризовал как «Приют свободного поэта». Отличительная особенность тригорской усадебной лирики Языкова обусловлена присутствием в ней мотивов, связанных с пребыванием Пушкина в Тригорском. Имя поэта ни разу не упоминается в стихотворении, оно заменено поэтическим перифразом «певец Руслана и Людмилы».

Упоение вольностью «вдали удушливого света», дружба и поэтическое соперничество с «первейшим поэтом России», осознание исторической значимости места, где находилась усадьба Тригорское, — все это рождает своеобразный тон языковских стихотворений.

Поэтическая лень¹³⁵ под сенью тенистых деревьев со времен сентиментализма была неким духов-

---

¹³⁵ Набоков В. В. понятие «лень» в пушкинское время комментирует как «идиоматическое понятие того времени, означавшее наслаждение внешним бездействием при сосредоточенной деятельности чувств». См.: Набоков Владимир. Комментарий к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / В. В. Набоков. — М., 1999. С. 640.

ным поветрием в определенной части русского дворянства. Праздность свидетельствовала не только об экономической независимости в обществе, но и независимости духовной от государства. Просвещенный человек, поэт искал спасения за пределами жизни в обществе и находил ее именно в усадьбе.

...Мои желания летят
В тот край возвышенных отрад...
.....
Златые дни! златые дни!
Теперь не то: с утра до ночи
Мир политических сует
Мне утомляет ум и очи!
«Осиповой», 1827 г.

Усадьба казалась, как и далекие страны, прообразом свободы. Мотив сельской вольности становится важным в усадебной поэзии начала XIX века.

Те дни мне милы и священы,
Когда по Сороти брегам,
То своенравный, то смиренный,
Бродил я вольно там и там...
«Осиповой», 1826 г.

Антитеза: город – усадьба ярко выражена в стихотворении «Тригорское». Сравнивая себя в городе с «узником», где «тьма», «груз цепей», «мир холодной суеты», а возвышенные «надежды и мечты» — гибнут, не могут воплотиться, в «Лету бегут», он устремляется в усадьбу, чтобы «упиться воздухом полей». Только

в деревне, где «доступен жертвенник священный», поэт обретает внутреннюю гармонию и вдохновение, которое, по словам Пушкина, «...есть расположение души к живейшему приятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных» (XI, 41).

В городе все творческие импульсы подавляются:

...как пламени струя,
Густым задавленная дымом,
Страстей при шуме нестерпимом
Слабеют силы бытия...

В усадьбе — «сады природы» и «преlestный мир».

Благоговею пред тобой,
.....
Моя любовь, и честь, и слава...

С этой усадьбой автор отождествляет такие глубинные понятия, как «любовь», «честь», «слава». В пушкинское время они составляли основные добродетели или нравственные ценности.

За внешней легкостью, порой шутиливостью поэтических выражений скрывается глубокое творческое философское осмысление мира.

Под поэтическим пером Языкова предстает опозитизированный мир усадьбы, где царствует культ красоты, творчества, просвещения:

Жилища граций, где цветут
Каменами хранимый труд
И ум изящно просвещенный...

Отмечая в стихотворении незримое присутствие муз и граций, поэт уподобляет усадьбу Тригорское «храму муз». Поэты отождествляются со «жрецами высокого искусства». Античные идеалы становятся эстетическими и нравственными ориентирами в жизни усадьбы и самого автора.

Наименования, с помощью которых поэт придает особую окраску образу Тригорской усадьбы: «дар божественного света», «краса и радость», «надежда», передают атмосферу высокой нравственности и духовной наполненности.

Необходимо отметить, что тригорская усадебная лирика Языкова вводит в поэтическое пространство представление об усадьбе как «храме муз», «литературном гнезде».

Так в поэзии первой трети XIX в. начинается утверждаться образ усадьбы как уединенного кабинета поэта, представляющего убежищем от праздной суеты.

Усадебная тема не является доминирующей в поэзии П. А. Вяземского (1792–1878), но и он, на заре поэтического творчества, отдал дань воспеванию «кудрявых рощ, под сению свободы» («Послание к Жуковскому» в деревню», 1808). Это стихотворение написано в жанре послания. По мнению Б. С. Мейлаха, «его стихотворения 1808–1814 (“Послания к Жуковскому в деревню”, “Перовскому”, “Жуковскому” и

др.) не выходят за пределы ученического подражания этим поэтам»¹³⁶.

Предметом поэтического исследования Вяземского является не собственное пребывание в усадьбе, а усадебная жизнь Жуковского. Традиционный горацанский мотив противопоставления городской и сельской жизни, столь характерный для усадебной поэзии конца XVIII в., здесь ярко выражен:

Среди кудрявых рощ, под сению свободы!
И жизнь твоя течет, как светлый ручеек,
..... Стократ она милей
И пышности владык, и блеску богачей¹³⁷.

Как верно заметил А. М. Гуревич: «В стихах Вяземского возникает образ просвещенного русского барина-вольнодумца, который укрывшись в родовом поместье, посмеивается над подлостью и глупостью людей, стоявших у власти. Особый отпечаток его стихам придают яркие приметы русского быта и русской природы»¹³⁸.

Красота и богатство природы для героя несравнимо значимее земных атрибутов благосостояния. В соответствии с поэтическими нормами жанра, существенным в стихотворении является представление

---

¹³⁶ Мейлах Б. С. Вяземский П. А. / Б. С. Мейлах // История русской поэзии: В 2 т. Т. 1. — Л., 1968. С. 321.

¹³⁷ Вяземский П. А. Стихотворения / П. А. Вяземский. С. 53–54.

¹³⁸ Гуревич А. М. Романтизм в русской литературе / А. М. Гуревич. — М., 1980. С. 33.

автора о счастье. У Вяземского оно мало чем отличается от подобных представлений предшествующих поэтов, и в этом смысле он проявил мало оригинальности: оно скорее типично, чем индивидуально.

Например, счастье, по мнению автора, также сопряжено с горацянскими идеалами: «ни злато, ни чины...», а «ясны дни в невинности...» — душевная чистота, довольство и умеренность. Именно эти свойства характеризуют сентименталистское мироощущение. Здесь прослеживается и характерный мотив усадебной поэзии XVIII в.: испытывая влияние Жуковского, Вяземский использует религиозно-примирительную концепцию в отношении героя, убежденного в благодати провидения, в возможности примирения с небом и предопределенности обстоятельств:

И небо на него луч благодати льет!

Его, «сидящего при светлом ручейке», не волнуют «заботы суетного света», ему неведомы ни жажда власти, ни чинов. Внешним почестям он предпочел семейную гармонию «в объятиях своей супруги нежной». Времяпровождение героя в деревне соответствует всем представлениям об идиллии: он любит бродить по лесу, лугам, предаваясь поэзии, скакать верхом на коне, охотиться, заниматься рисованием, вечером «рассекать... волны в челноке».

Патриархальная набожность вселяет в душу героя спокойствие и уверенность в заступничестве Всевышнего:

Любезны мы богам, чего же нам страшиться?
Мы чистою душой привыкли им молиться!

.....
Нас боги наградят...

По мысли В. И. Коровина, «этот “тихий мир” гораздо нравственнее и духовно содержательнее пустого топтания в светских гостиных, а главное, дома человек был внутренне свободен:

В гостиной я невольник,
В углу своем себе я господин.

...Вяземский... не идеализирует уединение, не пытается воссоздать некий нарочито условный мир блаженства. Он прекрасно понимает, что уединение — лишь вынужденная, но отнюдь не самая удобная и достойная образованного и передового человека позиция»¹³⁹.

В отличие от других поэтов, отдающих предпочтение и симпатии деревенской, усадебной жизни, а городскую жизнь наделяющих лишь негативным значением, Вяземский в конце стихотворения утверждает: «И в городе возможно с счастьем жить!» Из чего следует, что счастье — это состояние души и что сам автор не разделяет сельских идеалов Жуковского.

В пору зрелости Вяземского усадебная тема прозвучит в его стихотворении «Приветствую тебя...», созданном в Остафьеве — родовой усадьбе поэта, которую он именует «давнишних дней приют».

---

¹³⁹ Коровин В. И. Поэты пушкинской поры / В. И. Коровин. — М., 1980. С. 101.

Поэтическое пространство усадьбы наполняют и сад, и усадебный дом, и окружающая природа. Психологический феномен усадебной поэзии, заключающийся в страстном желании человека вернуться в те места, где прошло его детство, где он получил первые нравственные и житейские представления, современные ученые объясняют тем, что только в родных с детства местах человек способен восстановить жизненную энергию.

Детская жизнь в усадьбе заложила фундамент всего дальнейшего бытия лирического героя:

...Все блага, все утраты,
Все, что я пережил, все чем еще живу,
Все чудится мне здесь во сне и наяву¹⁴⁰.

Если первое впечатление от усадьбы вызвало у него ассоциации с Помпеей («души моей Помпея!»), то, погрузившись в атмосферу детских воспоминаний, которые пробудили самые глубинные и сокровенные струны души, поэт приходит к мысли, что все эти переживания относятся не только к прошлому, но, может быть, еще в большей степени к настоящему:

Нет, не Помпея ты, моя святыня, нет,
Ты не развалина, не пепел древних лет, —
Ты все еще жива...

По своей поэтической структуре стихотворение Вяземского «Приветствую тебя...» сходно со

---

¹⁴⁰ Вяземский П. А. Стихотворения / П. А. Вяземский. С. 345.

стихотворением Баратынского «Запустение». Но в отличие от последнего, где герой оказывается в запущенной, угасающей усадьбе, лежащей среди руин, Вяземский делает другой акцент. Его усадьба полна жизни и великолепия, но сам герой ощущает себя в ней «обломком под ношею годов»:

Не изменилась ты, но изменился я...

Размышления о «вечности природы» и быстротечности земной человеческой жизни, контраст настоящего и прошлого строится на глагольной форме прошедшего и настоящего времени. О себе автор пишет в прошедшем времени: «сроднился», «пережил», «утолял», «изменился», «устарел», «расцветал». Об усадьбе — в настоящем: «белеет над прудом», «привлекают взор», «скользящий вдоль лугов», «тлеет прах», «ласкающей рукой дарит».

Окинув мысленным взором обстоятельства прошлой жизни и образы давно ушедших предков, автор приходит к философскому заключению о том, что «не меняются природа и душа».

Осеннее умиротворение усадебного парка погружает автора в размышление об осени собственной жизни:

Мне все сочувственно, все пища тайным думам,
Все в ум приводит мне, что осень и моя
Оборвала цветы былого бытия.

В конце стихотворения «Приветствую тебя...» наблюдаются реминисценции из пушкинского сти-

хотворения «Вновь я посетил...». Сливаясь «тенью» с «теньями предков» и уходя в небытие, автор мысленно обращается к «племени младому, незнакомому»:

Но жизнь свое берет: на молодом просторе,
В дни беззаветные, и осень ей не в горе.
Отважных мальчиков веселая орда
Пускает кубари по зеркалу пруда.

Так в стихотворении Вяземского рождается психологически-ключевой образ усадьбы, в котором проецируются начало и конец жизни лирического героя и самого автора.

Усадьба «Мара», как «приют младенческих годов» Е. А. Баратынского (1800–1844), — рождает качественно иную модификацию усадебного топоса. Наиболее полно она представлена в стихах: «Я возвращуся к вам, поля моих отцов... (Родина)» (1821), «Стансы» (1827), «Запустение» (1834), «Есть милая страна...» (1835).

Образ родины, как в разбитом зеркале, преломляется сквозь десятки блестящих «осколков», сохранившихся в человеческой памяти... Детство поэта, проведенное здесь, общение с людьми и окружающей его природой, которую Баратынский почитал за «истинного друга», легли невидимой печатью на его характер, художественное восприятие мира и литературное творчество.

Стихотворение «Я возвращуся к вам, поля моих отцов...» — первое поэтическое обращение Баратынского к «родной стране» — родовой усадьбе.

Жизненные обстоятельства, окружающие поэта: «ревнивый суд невежд», «суетные надежды», «беспокойные сны», «ветреные желания» — синонимичны для него с «призраком счастья». Все выделенные эпитеты: «ревнивый», «суетные», «ветреные», «беспокойные» характеризуют состояние нестабильности, неуверенности, которое испытывает герой, оторванный от родной почвы.

Не призрак счастья, но счастье нужно мне.

...Родные небеса!

Вы мне повеете спокойствием и счастьем¹⁴¹.

Понятие «счастья» сопряжено с «полями отцов», «дубравами мирными» и «домашними иконами». Углубление этой темы происходит в «Стансах» (1827).

Поток мыслей развивается по следующей схеме: возвращение — воспоминания о прошлом — мечты о будущем.

Возвращение в усадьбу для героя — желанное и долгожданное:

Судьбой наложенные цепи

Упали с рук моих, и вновь

Я вижу вас, родные степи...

В стихотворении Баратынского «Я возвращуся к вам...» обращает на себя внимание характерный для

---

¹⁴¹ Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы / Е. А. Баратынский. Ст. и примеч. Л. Г. Фризмана. — М.: Наука, 1982. С. 162.

русской элегии первой трети XIX века тематический ход: осеннее увядание в природе сменяется весенним возрождением, но для человека возрождение невозможно.

В весенний ясный день я сам, друзья мои,
У берега насажу лесок уединенный,
И липу свежую, и тополь осребренный;
... Там дружба некогда сокроет пепел мой
И вместо мрамора положит на гробницу
И мирный заступ мой, и мирную цевницу.

Здесь наблюдается противопоставление природного циклического времени индивидуальному. По мысли М. М. Бахтина: «В индивидуальном замкнутом сознании в применении к себе самому смерть — только конец и лишена всяких реальных и продуктивных связей. Рождение новой жизни и смерть разделены между разными замкнутыми индивидуальными рядами жизни, смерть кончает одну, и рождение начинает совсем другую жизнь. Индивидуализованная смерть не перекрывается рождением новых жизней, не поглощается торжествующим ростом, ибо она изъята из того целого, в котором этот рост осуществляется»¹⁴². Циклический ход времени в природе, гармонически совпадающий со сменой поколений в человеческой жизни («в тени их отдохнет мой правнук молодой»), — неотъемлемый признак идиллии. Обращает на себя внимание и то, что весенний

---

¹⁴² Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. — М., 1975. С. 365–366.

пейзаж в этом стихотворении: («...ручеек по бархатному лугу, Катит задумчиво пустынные струи», «Богиня пажитей») представляет собой идиллический *locus amoenus*. Герой стихотворения возвращается из «большого» мира в пределы своего «малого» идиллического домашнего пространства и живет по его законам. Таким образом, это противопоставление идиллического пространства (идиллического мира) индивидуальному бытию человека развернуто в почти сюжетное повествование.

Многозначительны определения усадьбы для поэта: «Моя начальная любовь», «приют младенческих годов». Детство, проведенное в усадьбе, — «златое время». В самом деле, обратившись к мемуарам и к русской классической литературе, нетрудно убедиться, что, за редкими исключениями, семейный дом для дворянского ребенка — это обитель счастья, с ним связаны самые лучшие воспоминания, самые теплые чувства.

«В жизни дворянского ребенка дом — это целый мир, полный интимной прелести, преданий, сохраненных воспоминаний, нити от которых тянутся на всю дальнейшую жизнь. Система домашнего воспитания и образования в дворянских семьях закладывала основы традиций семьи и рода, уважения и гордости памятью предков, фамильными реликвиями. Вырастая, человек покидал усадьбу и погружался в мир реальный, который чаще всего рождал чувство ностальгии по усадьбе»¹⁴³.

---

¹⁴³ Иванова Л. В. Мир русской усадьбы / Л. В. Иванова. — М.:

Я помню ясный, чистый пруд;
Под сению берез ветвистых,
Средь мирных вод его три острова цветут;
Светлея нивами меж рощ своих волнистых;
За ним встает гора, пред ним в кустах шумит
И брызжет мельница. Деревья, луг широкий,
А там счастливый дом... туда душа летит...

Образ усадьбы ясно сохранила лишь детская память, а в действительности — «стези заглохли».

«Я помню ясный, чистый пруд». Чистота и ясность — сущность природы, и человек обновляется, когда выходит из своего более узкого мира в большой мир ясности и чистоты. Как и в лирике Пушкина, природа у Баратынского конкретна: «Сошел я в дол заветный, Дол, первых дум моих лелеатель приветный!» «Лелеатель приветный»: ребенок растет в постоянном общении с природой, которое вкладывает в человека не меньше, чем сознательно воспитывающие его люди. И он встречает знакомые места как своих наставников, которым обязан всеми сокровищами души. Отсюда и еще характерные эпитеты: «Дорожка смелая ведет меня...», «И обаянием могучим...», «ель величавая...».

Кто, преклоня слух к таинственному шуму
Сих кленов, сих дубов, в душе своей питал
Ему **сочувственную** думу...

В формуле «сочувственная дума» до конца обнажается объективно целеустремленное, с природой

согласное, ищущее глубинных гармоний бытия мировоззрение поэта, скорбное потому только, что в нем живет и острое сознание неполноты, несовершенства, ущербности «болящего» человеческого духа... «“Могучие и сумрачные” дубы, ели, сосны, которые подымутся из своих зародышей, заложенных рукою поэта, — образ той действительности, которая утверждается в поэзии Баратынского как нечто высшее, в сравнении с самой поэзией, и признается в своей природной основе истинно прекрасной»¹⁴⁴.

Стихотворение «Стансы» строится по принципу возвращения «блудного сына» на свою родину: «по свету я бродил // И наблюдал людское племя». Происходит возвращение не только в свой Дом, но и к себе, к своей душе. От внешнего мира, где он «воскорбел», — к своему внутреннему: «Я твой, родимая дубрава!» Эпитеты «*хранительный кров*», «*сень святая*», «*пленительная сень*», «*очарованный кров*», «*священный сердцу кров*», которыми поэт наделяет понятие «родовая усадьба», «дом отеческий», придают им сакральное значение. Мотив «возвращения» в творчестве Баратынского рассматривает Ю. В. Манн: «Возвращение, — пишет он, — есть известный поворот в умонастроении героя, отказывающегося от черных дум и пытающегося найти свое место среди соотечественников. ...Возвращение дает выход бо-

---

¹⁴⁴ Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. / А. В. Чичерин. — М., 1985. С. 397.

лее сложным и еще не определившимися... открытым переживаниям»¹⁴⁵.

«Хранительный кров» — означает то место, которое охраняется Высшими силами. И хотя он представляет собой «скромный дом в садовой чаше», все равно охраняет от житейских бурь и превратностей судьбы, внутренних, душевных разладов с самим собой. Одним словом, Дом — это духовная крепость. Она еще и «святая». Ведь ее охраняет весь родовой эгрегор (дух), все те святые, к которым обращались в своих молитвах его предки, жившие здесь. Не случайно в систему ценностей Баратынский вводит «семейные иконы»: «Я возвращуся к вам, домашние иконы!» Под такую надежную «сень» и защиту лирический герой приводит «супругу молодую // С младенцем тихим на руках». Подобный образ жены с ребенком вызывает ассоциации с образами неземными. Можно предположить, что жизнь этой семьи «в глуши смиренной» будет строиться по линии духовного восхождения: «о свете не тоскуя», «предав забвению людей». Жизнь сердца доминирует над всеми земными заботами:

Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни в любви моей...

Таким образом, происходит укрепление и продолжение жизни Дома. Но в реальности оказывается,

---

¹⁴⁵ Манн Ю. В. Возвращение как структурный момент / Ю. В. Манн // Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. — М., 1976. С. 182.

что это лишь мечты автора, навеянные посещением родовой усадьбы. Как верно заметил А. В. Чичерин: «В метафоре у Баратынского обычно заключен внутренний переход от сугубо личного к философской, обобщающей мысли. Так, в “Стансах” 1827г. возвращение в родные степные края — это весьма личная тема, но из нее вырастает другая: возрождение в человеке самых сокровенных святынь, заложенных в детстве. Эта метафора, объемлющая все стихотворение, осуществляется в ряде конкретных метафор, то отрицательных, то положительных: “Судьбой наложенные цепи”, “степного воздуха струи”, “Приют младенческих годов”, “в глуши смиренной...”. Очень реальные метафоры характерны для этой лирики: образы природы и быта, светящиеся большим интеллектуальным наполнением, весьма отчетливо данным»¹⁴⁶.

Стихотворение, обращенное к той же усадьбе, но написанное спустя семь лет, озаглавлено «Запустение». Уже само название определяет содержание стихотворения.

Осеннее состояние природы усиливает образ заброшенной усадьбы:

В осенней нагоде стояли деревья
И неприветливо чернели...

Эпитеты: «замерзлая трава», «листья мертвые» — навевают образ безжизненности, смерти. «Средото-

---

¹⁴⁶ Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля / А. В. Чичерин. С. 391.

чение мысли в эпитете — отмечает А. В. Чичерин, — особенно характерно для Баратынского»¹⁴⁷. Автору изначально известно состояние усадьбы. Его появление здесь подчинено одной цели: обрести душевную силу и равновесие в воспоминаниях детства:

Но не весеннего убранства я искал,
А прошлых лет воспоминанья
...Там, думал я, к душе моей
Толпою полетят виденья прежних дней...

В «Запустении», на котором лежит печать образно-художественной условности, можно увидеть некоторые черты и характерные особенности усадебного парка «Мара». Склоны оврага искусно превращены в парковые террасы с отдельно стоящими и небольшими группами деревьев, уединенными лужайками, извилистыми тропами:

Душой задумчивый, медлительно я шел
С годов младенческих знакомыми тропами;
Художник опытный их некогда провел.

Отчаяние «запустения» будит воспоминания. Когда-то в овраге у источника был устроен искусственный пруд, который, совмещая прекрасное с полезным, имел не только эстетическое, но и чисто практическое назначение — служил для разведения редких пород рыб.

---

¹⁴⁷ Там же.

...Сошел я в дол заветный,
... Пруда знакомого искал красивых вод,
Искал прыгучих вод мне памятной каскады...

Марский парк с его элегическим настроением оказал огромное воздействие на поэтическое творчество Баратынского. Воспоминания о его тенистых дубравах, извилистых тропах, шуме деревьев, романтических постройках проносятся отзвуком прошлого, звучат ностальгической нотой в письмах и стихах поэта. «Напиши мне, пожалуйста, есть ли смородина в нашем саду, как растут деревья, как за ними ухаживают, приведены ли в порядок дорожки»¹⁴⁸, — обращается он в письме к матери.

«Пребывая почти наедине с природой, я вижу в ней истинного друга и говорю с вами о ней... как говорил бы о Дельвиге, будь я в Петербурге»¹⁴⁹.

В пору создания «Запустения» цветущее благосостояние усадьбы уже «минуло сном летучим». Она теперь ассоциируется у автора с Элизиумом: «заглохший Элизей». Известно, что с этим образом связана идея о загробном воздаянии за добродетель. В образную ткань стихотворения вплетается память об отце, создателе родного гнезда. В живой природе, любовно взлелеянной и возвращенной его руками, поэт стремился почувствовать любимого человека и обрести с ним желанное духовное общение. В усадебном пар-

---

¹⁴⁸ Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского / Сост. А. М. Песков. — М., 1998. С. 59.

¹⁴⁹ Там же. С. 125.

ке «Мара» Баратынский видел прообраз рая, символ грядущего воскресения и залог встречи с отцом:

Здесь, друг мечтанья и природы,
Я познаю его вполне:
Он вдохновением волнуется во мне,
Он славить мне велит леса, долины, воды...
Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую несрочную весну,
Где разрушения следов я не примечу,
Где в сладостной тени невянувших дубров,
И нескудеющих ручьев,
Я тень, священную мне, встречу.

Таким образом, этот заглохший уголок парка приобрел оттенок исторической «глубины», обращения не к какому-то обобщенному прошлому, но к вполне конкретному — родовому.

Нужно отметить, что в усадебной лирике Баратынского тема Родины часто трансформируется в образ отеческого дома — «хранительного крова» — надежного пристанища всех нравственных ценностей, символа незабываемых жизненных устоев. Не случайно о Баратынском писали, что «центральный образ его стихов — помещик, содержание — эстетизация усадебной жизни»¹⁵⁰.

Характерный для усадебной лирики мотив Дома развивает в стихотворном послании «Мои пенаты» К. Н. Батюшков (1787–1855). «Образ Пенатов —

---

¹⁵⁰ Муравьев В. Е. Баратынский и пушкинская плеяда / В. Муравьев // Наступление. — 1935. — № 2. С. 58.

традиционный в мировой литературе, известный еще в античной поэзии. Лары в римской мифологии — покровители общин и их земель. Лары связаны с домашним очагом, семейной трапезой. В усадьбе им посвящались деревья и рощи»¹⁵¹.

В переносном значении пенаты — родной дом. Батюшков именует «пенатами» родовое имение Хантоново, близ Череповца, где он впервые оказался в 1807 году. «Главной достопримечательностью усадьбы, — пишет В. Д. Чусова, — был парк, настоящее произведение искусства. ...Одной из особенностей парка были террасы — декоративные уступы, вырытые вручную крепостными крестьянами еще в XVIII в. и создавшие особую романтическую атмосферу, отвечавшую мироощущению поэта»¹⁵². Традиционно господский дом располагался на возвышенности. Парк украшали липовые аллеи, клены, голубые ели, «розовый сад», а на самом краю стояла деревянная беседка, описанная в усадебном стихотворении «Беседка муз».

Отчески Пенаты,
О, пестуны мои!

«“Мои пенаты”, — замечает В. Б. Сандомирская, — ведут свою родословную не от русского классицизма — ничего подобного им в русской поэзии до

---

¹⁵¹ Зуев Н. Н. Константин Батюшков / Н. Н. Зуев. — М., 1997. С. 37.

¹⁵² Чусова В. Д. О судьбе усадьбы Батюшковых Хантоново / В. Д. Чусова // Русская усадьба. — М., 2001. — Вып. 7(23). С. 531.

Батюшкова не было. Образцом для него явилось одно из посланий Грессе “Chartreuse” (“Обитель”). “Моими пенатами” Батюшков ввел в русскую поэзию новую поэтическую форму»¹⁵³.

Батюшков изображает уединенную жизнь анахорета в усадьбе, при этом доминирующими мотивами являются наслаждение свободой, чтением любимых авторов, мечтанием и поэтическим творчеством.

«Богатство с суетой» являются символами пустоты и праздности. Презрением к богатству, знатности, чинам проникнуты эпикурейские мотивы лирики Батюшкова. Дороже поэту свобода, воспеваемый им идеал личной независимости, «вольности и спокойствия», «беспечности и любви». Отметим важную деталь в стихотворении:

В углу, свидетель славы
И суеты мирской,
Висит полузаржавый
Меч прадедов тупой...

«Слава» и «суета» — синонимичны для героя, живущего в усадебном уединении. Знаменательно выражение «меч тупой». Лирический герой стихотворения — человек мирный, далекий от браней военных, оттого и меч прадедов у него «полузаржавый».

«В элегиях Батюшкова, — констатирует Л. Г. Фризман, — руссоистская тема сельского уединения возникает в связи со стремлением к освобождению

---

¹⁵³ Сандомирская В. Б. Батюшков К. Н. / В. Б. Сандомирская // История русской поэзии. Т. 1. С. 267–268.

личности от деспотизма окружающего мира. Уже здесь налицо противопоставление внутренней свободы человека рабству тех, кто посвятил себя погоне за богатством и чинами»¹⁵⁴.

Пусть дорого глупец сует блистанье ценит,
Лобзая прах златый у мраморных палат, —
Но я и счастлив и богат,
Когда снискал себе свободу и спокойство,
А от сует ушел забвения тропой!¹⁵⁵.

Батюшков воспринимает свою усадьбу сквозь призму древности и античного пантеона. Л. Гинзбург отмечает в «Моих пенатах» смешение «сигналов, восходящих к разным поэтическим традициям»¹⁵⁶, и Пушкин порицает это в известной записи на полях батюшковских «Опытов»: «Главный порок в сем прелестном послании есть явное смешение древних обычаев миф.<ологических> с обычаями жителя подмосковной деревни. Музы существа идеальные. Христианское воображение наше к ним привыкло, но *норы* и *кельи*, где лары расставлены, слишком переносят нас в греч.<ескую> хижину, где с неудовольствием находим стол с изорванным сукном и перед камином Суворовского солдата с двуструнной бала-

---

¹⁵⁴ Фризман Л. Г. Эволюция русской романтической элегии / Л. Г. Фризман // К истории русского романтизма. Сб. научн. трудов. — М.: Наука, 1973. С. 86.

¹⁵⁵ Батюшков К. Н. Сочинения. — М.–Л.: «Academia», 1934. С. 105.

¹⁵⁶ Гинзбург Л. О лирике / Л. Гинзбург. — Л., 1974. С. 40.

лайкой. — Это все друг другу слишком уж противоречит» (XII, 272–273).

Отмечая внешнюю простоту и даже аскетизм домашней обстановки: «хижина убогая», «стол ветхий и треногий с изорванным сукном», «жесткая постель», «все рухляя скудель», — Батюшков наполняет поэтическое пространство своих «пенат» высоким нравственным и духовным содержанием. Можно отметить созвучие в трактовке жизненных идеалов Батюшкова с В. Капнистом, который в стихотворении «Обуховка» провозглашает:

Приютный дом мой под соломой,
Для дружбы есть в нем уголок,
А к двери, знатным не знакомой,
Забыла лень прибить замок.

У Батюшкова:

Да к хижине моей
Не сыщет ввек дороги
Богатство с суетой
С наемною душой,
Развратные счастливы,
Придворные друзья
И бледны горделивцы
Надутые князья!

В его «смиранный уголок» может «смело постучаться» «калека и слепой», и «наконец, ...моя Лилета». Наблюдается особого рода *идеализация* сельского бытия поэта:

Без злата и честей
Доступен добрый гений
Поэзии святой
И часто в мирной сени
Беседует со мной.

Вместе с тем в «Моих пенатах» присутствует весь набор литературных «общих мест» и узнаваемых идиллических топосов: то же «уединение», те же мотивы «простоты» («Все утвари простые, / Все рухляя скудель!»), та же пасторальная героиня, но не жена, а возлюбленная — («Волшебница явилась / Пастушкой предо мной»), тот же *Locus amoenus* со всеми признаками «идеального ландшафта» («И пташки теплы гнезды, / Что свиты над окном, / Щебеча покидают... / Зефир листы колышет, / И все любовью дышит / Среди полей моих»), то же упоминание о дружеской пирушке («Дар Вакха перед нами: / Вот кубок — наливай!»).

Нельзя в данном случае не согласиться с размышлениями Е. И. Ляпушкиной о том, что «...идиллический мир дружеского послания всегда оценивается на фоне другой жизни. Постигнуть всю истинность спокойного безмятежного и беззаботного существования может лишь искушенное во лжи “большого” мира сознание.

Истина здесь проявляется как таковая с тем большей очевидностью, чем ярче контрастирует с ней ее противоположность; с этим связан мотив бегства героя, его спасения от мира суеты, пороков и тщеты в мир истинного счастья»¹⁵⁷.

---

¹⁵⁷ Ляпушкина Е. И. Идиллические мотивы в русской лирике

Стихотворное послание «Мои пенаты» воплотило сложившийся у Батюшкова в те годы идеал независимой усадебной жизни, чуждой суеты и роскоши, и неотделимый от этого идеала культ любви, дружбы и поэзии. В. И. Коровин справедливо отметил то, что «в “Моих пенатах” мифологическая образность и одическая речь совмещаются с употребляемыми на равных правах русскими реалиями. Так утверждается высокая ценность патриархальной простоты и домашнего быта»¹⁵⁸.

Известный конфликт цивилизации и природы, занявший приоритетные позиции в общественном и поэтическом сознании на рубеже XVIII–XIX веков, сохранил одну из ведущих ролей на протяжении всего столетия и художественно проявился в рамках разных эстетических систем. Обратимся к оппозиции «усадьба–город» в художественной системе романтизма на примере стихотворения Н. И. Гнедича (1784–1833) «Приютино» (1820), где усадьба предстает как «литературное гнездо», рабочий кабинет поэта:

Здесь часто, удален от городского шума,
Я сердцу тишины искал от жизни бурь;
И здесь унылая моя светлела дума,
Как неба летнего спокойная лазурь.

XIX века и романе И. А. Гончарова «Обломов» / Е. И. Ляпушкина // От Пушкина до Белого: Проблемы поэтики русского романтизма XIX – начала XX веков. Межвузовский сборник. — СПб., 1992. С. 109.

¹⁵⁸ Коровин В. И. Русская поэзия XIX века / В. И. Коровин. — М., 1983. С. 19.

Здесь часто по холмам бродил с моей мечтою,
И спящее в глуши безжизненных лесов
Я эхо севера вечернею порою
Будил гармонией Гомеровых стихов¹⁵⁹.

Лирический герой Гнедича бежит от «городского шума» в усадьбу в тот момент, когда «творческие думы» в «душевной зреют глубине»:

Вам, дети тайные души моей свободной,
Вам, думы гордые, здесь глас мой жизнь давал.

В данном случае неизбежно наблюдается текстологическая перекличка с поэтическим признанием А. С. Пушкина в необходимости усадебного уединения для творчества:

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепется,
Как пробудившийся орел.
.....
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

Усадебный топос насыщается обилием эпитетов, которые убедительно говорят о значимости

---

¹⁵⁹ Гнедич Н. И. Стихотворения. / Н. И. Гнедич. Вступ. ст., подг. текста и примеч. И. Н. Медведевой. — Л., 1956. С. 117. («Библиотека поэта». Большая серия.)

усадыбы «Приютино» в поэтической судьбе поэта: «кров твой безмятежный», «приятная тень», «край милый и прелестный», «сладостные воспоминания». Не случайно дважды в стихотворении возникает образ: «гостеприимная Приютинская сень». Приютино было излюбленным местопребыванием Гнедича. Он, не имевший прочного гнезда, чувствовал себя в Приютино, усадьбе А. Н. Оленина, как дома. Поэт Вяземский, побывавший в этой усадьбе, так писал о ней жене: «Деревня довольно мила, особливо для Петербурга... есть довольно движения в видах, возвышенность, вода, лес»¹⁶⁰. Правнучка Олениных А. Н. Оом в предисловии к дневнику своей бабушки пишет: «Барский дом стоял над самым прудом; дачу окаймлял дремучий лес. В саду, близ дома, разбросаны были разные отдельные флигеля, которые Алексей Николаевич построил для размещения гостивших у него друзей»¹⁶¹.

Усадебная топика, представленная «семьей берез», «прудом недвижимым сим», «сосной говорливой», «задумчивым ручьем», создает образ романтического пейзажного парка, где все элементы «подчинялись... эмоциональным переживаниям личности, соединялись с элементами поэзии, литературными мотивами, мотивами путешествий, воспоминаний»¹⁶².

---

¹⁶⁰ Медведева И. Н. Вступительная статья / И. Н. Медведева // Гнедич Н. И. Стихотворения. С. 804.

¹⁶¹ Дневник А. Н. Олениной. — Париж, 1936. С. XV.

¹⁶² Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей / Д. С. Лихачев. С. 191.

В усадьбе «Приютино» поэту открывается мир невидимых, доступных только внутреннему видению явлений, когда «душой сливаюсь с лазурью бесконечной, / С золотыми звездами, поэзией Небес!» и наступает тот таинственный процесс творчества, в который проникал и который обрисовал другой поэт, А. Блок: «На бездонных глубинах духа, где человек перестает быть человеком, на глубинах, недоступных для государства и общества, созданных цивилизацией, — катятся звуковые волны, подобные волнам эфира, объемлющим вселенную; там идут ритмические колебания, подобные процессам, образующим горы, ветры, морские течения, растительный и животный миры»¹⁶³. Такой полет духа доступен (возможен) поэту лишь в усадьбе, что с благодарностью констатирует Н. И. Гнедич:

Вот чем влеком опять под кров твой безмятежный,
Гостеприимная Приютинская сень!

Необходимо отметить еще один характерный усадебный локус в стихотворении Гнедича: «мавзоль под ельными ветвями». Отличительной чертой новых усадебных комплексов XIX века явилось строительство мавзолеев — усыпальниц. Этот новый «жанр» усадебной архитектуры появился в связи с запрещением со стороны церковных властей хоронить внутри храма. И началось возведение фамильных усыпальниц и мавзолеев.

---

¹⁶³ Блок А. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. — Л., 1982. С. 415.

Д. С. Лихачев указывает на то, что «садовое искусство второй половины XVIII и первой четверти XIX веков было рассчитано на то, чтобы населить парк различными мемориями личного и исторического характера»¹⁶⁴. Особенностью романтических садов являлись также воспоминания об умерших друзьях и родных. Тема смерти вводится через ее атрибуты: урны, мавзолеи, воспоминания. Культ надгробных памятников в усадебном парке известен с середины XVIII века. Он отражен в поэзии А. П. Сумарокова:

Внемли, несклонная, мой томный глас внемли
И по конце моем на месте той земли,
Где будет тлеть мой прах, взгляни на гробный камень,
Вздохни, вообрази, как зрак твой был мне мил,
И молвь: «Я помню то, как он меня любил»¹⁶⁵.

Один из создателей романтических парков, немецкий поэт К. К. Гиршфельд, пишет о «печальных монументах», «для которых наиприличнейшими местами можно почестъ темные и уединенные лесные ревиры»¹⁶⁶, «...глубокое уединение и торжественная тишина, величественные предметы естества не преминут

---

¹⁶⁴ Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей / Д. С. Лихачев. С. 215.

¹⁶⁵ Сумароков А. П. Избранные произведения / А. П. Сумароков. Вступ. ст., подг. текста и примеч. П. Н. Беркова. — М., 1957. С. 171. («Библиотека поэта». Большая серия.)

¹⁶⁶ Гиршфельд К. К. Общее замечание о некоторых лесных сценах / К. К. Гиршфельд // Экономический магазин. — 1786. — Ч. XXVII. С. 248.

привести душу в некоторое чувство и побудить ее к важным помышлениям»¹⁶⁷.

По мере совершения прогулки по парку «Приютино» меняется строй мыслей и чувств лирического героя. Здесь рождаются и поэтические образы, и размышления о быстротечности земного:

Но я уже не тот беспечный сын свободы,
Лелеявший мечты дубрав твоих в тиши.
Увы! Не многие, но гибельные годы
Умчали молодость и жизнь моей души.

Мотив воспоминания о днях юности, проведенной в усадьбе, — магистральный во всей усадебной лирике. Он обнаруживает себя в отдельных стихотворениях Пушкина и Вяземского.

У Пушкина в черновой редакции «...Вновь я посетил...»:

В разны годы
Под вашу сень, Михайловские рощи,
Являлся я — когда вы в первый раз
Увидели меня, тогда я был —
Веселым юношей, беспечно, жадно
Я приступал лишь только к жизни; — годы
Промчались — и вы во мне прияли
Усталого пришельца — я еще
Был молод — но уже судьба и страсти
Меня борьбой неравной истомили.

(III, 996)

---

¹⁶⁷ Гиршфельд К. К. Общее замечание о некоторых лесных сценах. С. 253.

У Вяземского в стихотворении «Приветствую тебя...»:

Неузнанный вхожу под твой знакомый кров
Я, запоздалый гость другого поколения.
Но по тебе года прошли без разрушенья;
Тобой люблюсь я, какой и прежде знал,
Когда с весной моей весь мир мой расцветал¹⁶⁸.

Грусть о рано ушедшем друге ввиду «мавзолея» рождает у лирического героя Гнедича мысль о способности души посещать некогда любимые уголки родной усадьбы:

Так, если, сбросив прах, дух чистый избирает
Места любезные обителью своей,
Здесь, в сих местах давно дух сына обитает
Незримым гением отеческих полей.

Отметим, что тот же мотив появляется у Пушкина в стихотворении, посвященном Тригорскому:

Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.
(II, 395)

Стремление романтических поэтов воспевать призрачную жизнь природы — в отражениях в воде, в дымке туманов, в лунном блеске — проявилось

---

¹⁶⁸ Вяземский П. А. Стихотворения / П. А. Вяземский. С. 346.

в стихотворении Гнедича. В нем присутствует и «полная луна», и «ночная тишина», и «луч таинственный». Из всех частей суток романтическим настроениям соответствовали именно вечерние, а порой ночные часы.

Переживания героя, оказавшегося в усадьбе лунной ночью, окрашены романтико-лирическими эмоциями:

О луч серебряный полночного светила!
Что одинокий ты к груди моей летишь?
Что за волшебная в твоём блистанье сила?
О луч таинственный, ты что мне говоришь?

Среди усадебных топонимов было много «домашних» наименований, понятных и близких только хозяевам усадьбы. «Отдельные деревья в парке также вносили свое настроение в восприятие окружающей природы. Печальными казались плакучие ивы, опустившие ветви в озеро; светлое оптимистическое настроение вызывали белые стволы берез; величественные дубы вселяли уверенность в вечном постоянстве природы; узкие еловые аллеи напоминали нефы средневековых соборов, где клубится таинственный мрак»¹⁶⁹.

Почти в каждом помещичьем владении были высажены деревья в честь памятных встреч и разлук. Гнедич отмечает в Приютино «берез... густой навес», «семью берез, нависших над водами». Известно,

---

¹⁶⁹ Цит. по: «...в окрестностях Москвы». Из истории русской усадебной культуры XVII–XIX веков. С. 179.

что береза была излюбленным украшением романтического парка, зачастую связанная с семейными легендами и преданиями. Подобные березы росли в пушкинском Тригорском. Со слов обитательниц «тригорского замка» М. И. Семевский записал: «Вот и береза, раздвинувшая свои два ствола так, что среди них образовалось кресло: здесь сживал ...Пушкин, в дупло этого дерева поэт опустил пяточок на память; на берегу (пруда — Л. Г.) стояла береза — Прасковья Александровна вздумала ее срубить, но Пушкин выпросил березе жизнь. “Любопытно, — заметила Марья Ивановна, — что в год смерти Пушкина в березу ту ударила молния...” А вот и спуск к реке Сороть; ...ниже к реке были липы — их теперь нет, подле были березы, исписанные стихами и прозой — березы тоже состарились и их срубили...»¹⁷⁰

Надо полагать, что приютинские березы, так же как и тригорские, могли иметь характер семейных и литературных меморий.

Исследование стихотворения Н. И. Гнедича «Приютино» показывает, как комплекс мотивов, вводимых в круг усадебных топосов, формирует образ усадьбы первой трети XIX века в ее литературном осмыслении.

В результате исследования усадебного комплекса в поэзии первой трети XIX века мы приходим к следующим выводам: наиболее полно усадебная

---

¹⁷⁰ Семевский М. И. Прогулка в Тригорское / М. И. Семевский // Любовный быт пушкинской эпохи: В 2 т. Т. 1. — М., 1994. С. 205–206.

поэзия реализуется в жанрах дружеского послания, идиллии, элегии (с характерным для нее романтическим восприятием природы). Самая общая проблема — это *соотношение реального и идеального* в усадебном топосе, при этом особое внимание уделяется бытовой конкретике. Идиллия по своей сути идеальна и реальна, поэтому, как литературная форма, она становится основой изучения усадебного текста. Магистральная нить усадебной поэзии — опозитизированный быт «на лоне сельской тишины». Идиллия представляет такой облик быта, и потому антиидиллией назовем быт, который лишен поэзии, представлен как антипоэтический, нарушающий поэтическое состояние души.

Образную основу усадебной топики формирует мотивный компонент. Характерными и доминирующими являются мотивы: приглашение в усадьбу (Пушкин, «Здравствуй, Вульф»), прощание с усадьбой, мотив воспоминания о детстве, проведенном в усадьбе (Языков, Баратынский), мотив воспоминаний о покинутом доме. Особый мотив — прогулка по усадебному парку, сопряженная с философско-эстетической традицией (Гнедич, «Приютино»). Новым и наиболее значимым для усадебной поэзии первой трети XIX века является мотив усадьбы как уединенного рабочего кабинета поэта, а также мотив усадьбы как литературного и культурного очага (Языков, Бакунин), малой Родины, генетически и исторически связанной с историей России.

ГЛАВА III.
«НАСЛЕДСТВЕННАЯ СЕНЬ»

(ОБРАЗ УСАДЬБЫ В ПОЭЗИИ
А. С. ПУШКИНА)

3.1. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ УСАДЕБНОГО ТОПОСА В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА

Идиллический мир, как доминирующий мотив всей усадебной лирики Пушкина (1799–1837), особенно явно обнаруживает свое присутствие в поэзии, связанной с воспоминаниями о посещении родового гнезда. Исследование, посвященное идиллическому компоненту в пушкинском творчестве, было предпринято Е. С. Хаевым в работе «Идиллические мотивы в произведениях Пушкина рубежа 1820–1830 годов»¹⁷¹, где справедливо отмечено: «Попытка применить к творчеству Пушкина введенное М. М. Бахтиным понятие идиллического хронотопа обескураживает своей результативностью»¹⁷². Е. С. Хаев наметил лишь контуры обобщающего труда на эту тему, который должен был включать в себя целый ряд мотивов. Для исследования нашей проблемы представляются наиболее важными некоторые из них: «Горацианские мотивы: любовь, природа, дружба, бегство от городской суеты»; «идея Дома... и связанное с ней “самостоянье человека”, владеющие

---

¹⁷¹ Хаев Е. С. Идиллические мотивы в произведениях А. С. Пушкина рубежа 1820–1830 годов / Е. С. Хаев // Болдинские чтения. — Горький, 1984. С. 98–109.

¹⁷² Там же. С. 98–99.

Пушкиным в 30-е годы», «собственно идиллия (то, что называлось так в пушкинское время: буколика, эклога, пастораль)»¹⁷³.

Пушкин был глубоко и органично связан с культурой русской дворянской усадьбы. Поэтическая интерпретация усадебной темы («деревня–усадьба») лежит в амплитуде между двумя стихотворениями: «Послание к Юдину» (1815) и «Вновь я посетил...» (1835). Эти стихотворения — ключевые в понимании усадебного мировоззрения Пушкина, ибо позволяют проследить эволюцию и трансформацию этого мировосприятия на протяжении всей творческой биографии.

Впервые поэтический образ усадьбы в лирике поэта появился в лицейском стихотворении «Послание к Юдину» (1815):

Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят,
Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона,
И глухо тополы шумят.
(I, 167)

---

¹⁷³ Хаев Е. С. Идиллические мотивы в произведениях А. С. Пушкина рубежа 1820–1830 годов. С. 98–109.

По форме — это дружеское послание, где развивается мотив занятий обитателя сельской усадьбы. Однако, наряду с описанием реально существующего пейзажа усадьбы Захарово, Пушкин использует в стихотворении традиции гораціанства и усадебной поэзии XVIII века. Описание усадьбы представлено скорее в условно-идиллическом преломлении, лишенном хозяйственно-бытовой конкретики, и приобретает черты поэтической мечтательности¹⁷⁴:

Меж тем, как в келье молчаливой
Во плен отдался я мечтам...
...И где вы, мирные картины,
Прелестной сельской простоты?

Живые усадебные впечатления отразились в альбомном стихотворении «Простите, верные дубравы» (1817), созданном в первый приезд Пушкина в Псковскую губернию. В отличие от «Послания к Юдину» с элементами мифологизации образа усадьбы, здесь уже наблюдаются *конкретика и достоверность* в воспроизведении характерных топов усадьбы Тригорское: «верные дубравы», «беспечный мир полей», «липовые своды», «скат Тригорского холма», которые наделяются особенностью психологического восприятия их поэтом (дубравы — верные, мир полей — беспечный). Стихотворение развивает мотив прощания с усадьбой и воспоминания о ней.

---

¹⁷⁴ См.: Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных лет / Б. В. Томашевский. — М., 1990. С. 189.

Более глубокое философское и поэтическое осмысление усадьбы происходит в стихотворении «Деревня»¹⁷⁵, написанном в Михайловском в июле 1819 года.

Первую его часть Пушкин напечатал в сборнике стихотворений 1826 года под названием «Уединение». Тема уединения для русской поэзии начала XIX века была не нова. Она заняла заметное место в поэзии предшествующего века. Но осмысление ее в разные периоды было различным. В раннем творчестве Пушкина тема «уединения» проявляется лишь как литературный мотив, далекий от жизненной реальности¹⁷⁶. В письме к П. А. Вяземскому от 27 марта 1816 года поэт признается: «Что сказать вам о нашем уединении?.. Уверяю вас, что уединенье в самом деле вещь очень глупая, на зло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто бы жили в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину:

Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединеньи,

---

¹⁷⁵ Отметим, что Михайловское Пушкин в стихах никогда не называет усадьбой, но только деревней. В данном случае эти понятия синонимичны. Впервые слово «деревня» в усадебном контексте появляется у Пушкина в стихотворении «Послание к Юдину» (1815):

Не лучше ли в *деревне* дальней
Или в смиренном городке
Вдали столиц, забот и грома,
Укрыться в мирном уголке...

¹⁷⁶ См. об этом: Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина 1813–1826 гг. / Д. Д. Благой. — М.–Л., 1950. С. 170–172.

Кто видит только в отдаленьи
Пустыню, садик, сельский дом,
Холмы с безмолвными лесами,
Долину с резвым ручейком
И даже... стадо с пастухом!
(XIII, 2–3)

О своем первом пребывании в Михайловском летом 1817 г. Пушкин записал в 1824 году: «Вышед из Лицея я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч., но все это *нравилось мне не долго*. Я любил и доныне люблю шум и толпу и согласен с Вольтером в том, что деревня *est le premier...*» (XII, 304). Уже 1 сентября, сообщая кн. Вяземскому о своем недавнем возвращении из деревни, присовокуплял, <что> «скупал в псковском моем уединеньи» (XIII, 8). Поэтому едва ли не автобиографическими являются те строфы «Онегина», в которых Пушкин говорит о деревенских впечатлениях своего героя.

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же...
(VI, 27–28)

С другой стороны, осознание состояния «уединения» как необходимого условия для творчества проявится у Пушкина в стихотворении «Деревня». Уединение для поэта будет ассоциироваться с деревней. Б. В. Томашевский отмечает, что «...по идиллическому тону эта первая часть напоминала сентиментальную элегию с обычными темами скромного уединения, вдали от городских “забав” и “порочных заблуждений”. В тоне идиллическом дан и сельский пейзаж. Правда, в этом описании деревни уже присутствует в какой-то мере объективная точность описания, которая позже становится характеристической чертой пушкинского пейзажа... в этих стихах топографически точно описаны окрестности Михайловского»¹⁷⁷.

Действительно, в первой части «Деревни» Пушкин воссоздает идиллическую картину деревенского уединения, где его жизнь «льется» «на лоне счастья и забвенья». Здесь он предается философским размышлениям об «Истине», «Законе» (выделены Пушкиным с прописной буквы), не о том законе, который придуман людьми и изменяется в зависимости от внешних факторов, а о Законе вечном, космическом¹⁷⁸. Прав В. Грехнев, который утверждает, что первая часть стихотворения «Деревня» — «...это напоминание о том, как могло бы жить человечество, если бы

---

¹⁷⁷ Томашевский Б. В. Пушкин. / Б. В. Томашевский. Кн. 1. — М.—Л., 1956. С. 187.

¹⁷⁸ Своеобразной трактовке понятия «закон» посвящена работа В. И. Кулешова «Значение понятия “закон” в художественном мире А. С. Пушкина» (Пушкин и современная культура. — М., 1996. С. 77–115).

оно следовало законам естества, это образ идеального равновесия всех душевных сил, которому учит природа»¹⁷⁹. Поэтическая метафора «пустынный уголок» обозначает место уединенное, тихое, небогатое. При внешней скромности оно наделено мощным внутренним воздействием. В Михайловском Пушкин уподобляет себя древнегреческим жрецам и обращается к «оракулам веков». Оракулами назывались как сами прорицания, так и место, где они давались. Таким образом, Михайловское в восприятии поэта приобретает значение оракула — места наивысшего духовного и поэтического озарения.

Как справедливо отмечает Н. Л. Вершинина: «В Михайловском он всем своим бытием восстанавливал и вновь создавал прерванные связи вещей. Михайловское всегда оказывалось на переломе времен, пересечении культурных пространств и отношений, скрещении эпох в судьбе поэта. Именно как символический контрапункт оно имеет уникальное, ни с чем не соизмеримое значение в творчестве Пушкина, в становлении его эстетико-художественных представлений»¹⁸⁰.

Смысловая и текстологическая переключка раннего юношеского стихотворения «Деревня» («Приют спокойствия, трудов и вдохновенья») и письма Пушкина из Михайловского Плетневу (1835): «Для вдохновения

---

¹⁷⁹ Грехнев В. Мир пушкинской лирики / В. Грехнев. — Нижний Новгород, 1994. С. 348.

¹⁸⁰ Вершинина Н. Л. Михайловское в творческом сознании А. С. Пушкина / Н. Л. Вершинина // Aleksander Puszkin w dwusetna rocznice urodzin. — Lodz, 1999. С. 8.

нужно сердечное *спокойствие*, а я совсем не спокоен» (XVI, 56) — обнажает необходимые условия поэтического творчества: «вдохновение» и «спокойствие». Вдохновение вытекает из спокойствия. И то и другое Пушкин обретает лишь в деревне.

В полном тексте стихотворения «Деревня» представлено изображение деревни с точки зрения ее владельца, поэта-помещика, в нем наблюдается соединение в основную архетипическую модель двух ее полюсов: идиллического и противоположного (деревня как жестокая реальность, обитель рабства и печали)¹⁸¹. Сочетание идиллического канона и описание реального пейзажа Михайловского придают пушкинскому стихотворению особую значимость. В нем проявляются те жизненные ценности и идеалы, которые рельефно проявятся в позднем творчестве и выкристаллизуются в лаконичной парадигме: «деревня — наш кабинет».

В стихотворении «Домовому» Пушкин обогащает усадебный топос введением славянского мифологического образа. Исследователи творчества Пушкина отмечают, что в этом стихотворении он «едва ли не впервые ввел слово “домовой” в русскую поэзию»¹⁸². Как свидетельствует А. С. Кайсаров, «Домовой мог быть либо добрым, либо злым, и древние славяне почитали себя счастливыми, имея одного из первых у

---

¹⁸¹ См. об этом: Большакова А. Деревня как архетип. От Пушкина до Солженицына / А. Большакова // Пушкин и теоретико-литературная мысль. — М., 1999. С. 370–372.

¹⁸² Строганов М. В. Домовой // Онегинская энциклопедия. Т. 1. — М., 1999. С. 366.

себя в гостях, — тогда думали сии простые люди, все должно быть благополучно»¹⁸³. В русской мифологии домовый — дух-покровитель дома и домашнего очага: «Сии мечтательные полубоги у древних назывались Гениями, у славян защитителями мест у домов; а у нынешних суеверных простаков почитаются домашними чертями»¹⁸⁴. Присутствие домового предполагает и место его обитания — старинный родовой дом, по выражению поэта: «наследственную сень». В поэтике усадебной лирики Пушкина возникает мотив Дома, с которым связано «самостоянье человека», уважение к самому себе:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
(III, 242)

В черновой редакции:

[На них основано от века
По воле бога самого
Самостоянье человека
Залог величия его.]
(III, 849)

---

¹⁸³ Кайсаров А. С. Славянская и российская мифология. 2-е изд. / А. С. Кайсаров. — М., 1810. С. 81–82.

¹⁸⁴ Попов М. И. Описание древняго славянскаго языческаго баснословия собранного из разных писателей и снабденного примечаниями / М. И. Попов. — СПб., 1768. С. 10.

Все разнородные впечатления сливаются в один образ Дома как средоточия разных сфер бытия. Пушкин подчеркивает именно оберегающую, хранительную замкнутость данного духовного *locus'a*.

Семантика Дома, обозначенная в стихотворении «Домовому» комплексом метафор («скромная обитель», «наследственная сень», «счастливый домик»), соответствует реалиям родовой усадьбы Михайловское. Старый обветшавший дедовский дом сопряжен у Пушкина с ощущением защищенности и счастья.

«Дом воспринимался как спасительное убежище от равнодушия и жестокости властей, — отмечает Р. М. Лазарчук, — от шума и суеты света. Дом был призван восстановить связи человека с природой и поэтому чаще всего представал в образе милого сельского уголка дворянской усадьбы»¹⁸⁵. В данном случае можно говорить о том явлении, когда усадебный быт вторгается в поэзию и продуцирует элементы усадебного топоса, при этом жизнь становится воплощением поэзии. Так появляется образ «малого сада». Он угадывается здесь через свои отдельные признаки: «укромный огород», «калитка ветхая», «обрушенный забор». Но именно эта запущенность порождает вдохновение поэта.

Обрушенный забор или разрушение любого ограждения усадьбы, по мысли В. С. Турчина, «...это

---

¹⁸⁵ Лазарчук Р. М. Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов. Из архивных разысканий / Р. М. Лазарчук. — Вологда, 1999. С. 47.

нарушение заповедно-семантизированной границы определенного художественного бытия»¹⁸⁶.

Л. Я. Гинзбург справедливо заметила, что «реалии поздней лирики Пушкина — в подавляющем большинстве случаев принадлежат сельской жизни»¹⁸⁷. Семантически к усадебной лирике близки стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?..» (1829), «Осень» (1833) и «Пора, мой друг, пора!..» (1834).

Стихотворение «Зима. Что делать нам в деревне?..» представляет небольшой усадебный этюд с набором идиллических компонентов. События, описываемые в нем, не выходят за пределы усадьбы. Цикличность времени обозначается неспешностью усадебного бытия с присущим ему четко очерченным распорядком дня: утром чай («...Я встречаю Слугу, несущего мне утром чашку чаю...»), просмотр журналов («...иль лучше до обеда Возиться с старыми журналами соседа»), вечером — приезд гостей («...в кибитке иль возке Нежданая семья...»).

Традиционны усадебные развлечения: охота, шашки, гадание на картах, музыка, легкий флирт... Однообразное течение жизни в усадьбе, лишь иногда сменяющееся динамикой впечатлений («рысью по полю», «кружимся, рыскаем»), порождает «скуки яд». В отличие от идилличности ранней лирики («Деревня»), идилличность замкнутого усадебного

---

¹⁸⁶ Турчин В. С. Царство Флоры в поэзии Пушкина / В. С. Турчин // Русская усадьба. — М., 2002. — Вып. 6(22). С. 10.

¹⁸⁷ Гинзбург Л. Я. О лирике. 2-е изд. / Л. Я. Гинзбург. — Л., 1974. С. 206.

мирка вызывает у лирического героя «тоску», угасание творческого импульса («...насильно вырываю У музы дремлющей несвязные слова. Ко звуку звук нейдет... Теряю все права над рифмой, над моей прислужницею странной...»), что отчасти приводит к несостоявшейся идиллии. Общими и характерными местами является мотив труда («...Хозяйка хмурится в подобие погоде, Стальными спицами проворно шевеля...»), мотив поколений («старушка, две девицы»), близость героини к природе («И дева в сумерки выходит на крыльцо: Открыты шея, грудь, и выюга ей в лицо! Но бури севера не вредны русской розе... Как дева русская свежа в пыли снегов!»). Заключительные строфы стихотворения восходят к тем же семейным идеалам, которые Пушкин разовьет в стихотворении «Пора, мой друг, пора!...».

Таким образом, нам представляется, что стихотворение «Зима. Что делать нам в деревне?..» в полной мере отражает мир русской усадьбы в ее идиллическом, а также антиидиллическом аспектах.

Стихотворение «Пора, мой друг, пора!...» начинается элегической темой необратимого хода времени:

Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия...

а заканчивается мотивом желанного возвращения «В обитель дальнюю трудов и чистых нег», то есть в мир идиллический, с которым сопряжено поэтическое и философское осмысление Пушкиным понятия «покой и воля».

В стихотворении наблюдаются две пространственные формы бытия — большая и малая, причем первая идентифицируется с миром «суеты столицы праздной», где герой оценивает себя и предстает как «усталый раб», а другая связана с миром деревни/усады и мыслится как «завидная доля» («О, скоро ли перенесу мои пенаты в деревню!»).

Идиллические мотивы получают дальнейшее развитие в плане завершения стихотворения, который может рассматриваться скорее как план завершения всей жизни поэта. В нем присутствуют наиболее характерные элементы усадебной топики: деревня, поле, сад, труды поэтические. Характерно, что свой усадебный дом Пушкин называет «пенаты». «Наименование родного дома пенатами было широко принято в поэзии карамзинистов (в том числе и молодого Пушкина)»¹⁸⁸. Это понятие связано с целым комплексом мифологических и литературных ассоциаций: охранительная сила домашних духов, семейная трапеза, идиллическое пространство домашнего локуса.

Уединение уже не мыслится желанным, оно ужасает без присутствия «подруги» (жены) и семьи. Мысль Пушкина: «Блажен, кто находит подругу — тогда удались он домой» — ассоциативна с державинским резюме:

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,

---

¹⁸⁸ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Ю. М. Лотман. — Л., 1980. С. 206.

Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных¹⁸⁹.

Нельзя не согласиться с замечанием Ю. В. Стенника о том, что «...для лирики Пушкина 1830-х годов становится все более характерным явление поэтической ретроспекции. Поэт словно возвращается в своем творческом движении к этапам, пройденным отечественной поэзией и им самим ранее. Творения Батюшкова, Жуковского, Державина причудливо оживают в творческом сознании Пушкина то в форме структурных реминисценций, ведущих к определенной жанровой традиции, то в разработке излюбленных другими поэтами мотивов и тем, то в прямой цитации текстов»¹⁹⁰.

Однако это замечание не мешает обнаружить в стихотворении «Пора, мой друг, пора!» тот «тип автобиографизма, при котором реальные личные обстоятельства, в которых создавалось лирическое произведение, предстают в нем значительно трансформированными в соответствии с авторским замыслом и литературными моделями, так сказать “олитературенными”»¹⁹¹.

---

¹⁸⁹ Державин Г. Р. Стихотворения. / Г. Р. Державин. Вступ. ст. Д. Д. Благого. — Л., 1957. С. 326. («Библиотека поэта». Большая серия.)

¹⁹⁰ Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века / Ю. В. Стенник. — СПб, 1995. С. 306.

¹⁹¹ Кибальник С. А. Об автобиографизме пушкинской лирики михайловского периода / С. А. Кибальник // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 25. — СПб., 1993. С. 107.

Стихотворение «...Вновь я посетил...» строится по тому же принципу: возвращение автора из мира «суеты столицы праздной» в идиллический мир деревни-усадьбы, где он «провел / Изгнанныком два года незаметных». Образ родовой усадьбы складывается у Пушкина через соположение топов, настраивающих на впечатление патриархальной скромности и простоты: «опальный домик, / Где жил я с бедной нянею моей», «холм лесистый», «нивы золотые», «пажити зеленые», «рассеяны деревни», «скривилась мельница». При этом не возникает впечатления условности художественного пространства. «...Вновь я посетил...» явилось поэтическим выражением философской мысли о постоянстве закона вечного движения и обновления жизни. Наряду с типичными усадебными топами («младая роща», «озеро», «дерево», «мельница») в нем обнаруживаются реалии, характерные только для пушкинской усадебной лирики: «опальный домик», «граница владений дедовских», «Дорога, изрытая дождями», и, наконец, — «три сосны». Последний образ, на наш взгляд, являлся знаковым во всем стихотворении.

Для Пушкина «три сосны» были своеобразной точкой отсчета: прошлое/ будущее.

Начав издавать «Современник», Пушкин готовил для публикации в нем несколько циклов своей лирики. В один из этих циклов должно было войти и «...Вновь я посетил...», но под названием «Сосны»¹⁹².

---

¹⁹² Левкович. Я. Л. «Вновь я посетил...» / Я. Л. Левкович // Стихотворения Пушкина 1820–1830 годов. История создания и

В письме к жене от 25 сентября 1835 года из Михайловского встречаются строки, содержащие лирическую тему стихотворения и центральный образ «зеленой семьи» сосен: «В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей, и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая, сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу. Но делать нечего; все кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Наприм.<ер> вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменилась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарелся да и подурнел. Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был» (XVI, 50–51).

Размышления о быстротекущем времени, ощущение смерти как конечной точки жизни, к которой неминуемо придет каждый, обострялись при виде перемен, происходящих в Михайловском за протекавшие десять лет со времени ссылки.

Отметим, что четырьмя днями раньше, 21 сентября 1835 года, Пушкин в письме к жене из Михайловского просит прислать «Опыты» Монтеня. «4 синих книги» сохранились в библиотеке поэта¹⁹³.

идейно-художественная проблематика. — Л.: Наука, 1974. С. 306.

¹⁹³ Essais de Michel De Montaigne Nouvelle Edition. Paris, 1828. См: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. — СПб., 1910. С. 292.

Исследовательница Я. Л. Левкович связывает желание Пушкина перечитать французского философа с зарождением замысла стихотворения «Вновь я посетил...». «Смерть есть одно из звеньев управляющего вселенной порядка; она есть звено мировой жизни», — писал Монтень¹⁹⁴.

Известны ранние поэтические размышления Пушкина о смерти. В письме к П. А. Плетневу от 22 июля 1831г. они приобретают житейский реальный подтекст: «Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер, погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь все еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши — старые хрычевки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; [а] мальчики станут повесничать, а девчонки сентиментальничать; а нам то и любо» (XIV, 197).

Пушкин приемлет смерть, потому что она неизбежна как «общий закон» природы. Осознание перемен вокруг себя, ощущение себя переменившимся в глазах других трансформируется в мотив воспоминания.

Идя по знакомой и много хоженной дороге из Михайловского в Тригорское, поэт вспоминает о прошлом («...минувшее меня объемлет живо...»). Пейзаж раскрывается и меняется постепенно, при этом все приобретает оттенок заброшенности,

---

¹⁹⁴ Монтень М. Опыты / М. Монтень. — М.-Л., 1954. С. 110.

ветхости и недолговечности: «опальный домик», «убогий невод», «скривилась мельница — насилу крылья Ворочая при ветре...» И здесь же, на фоне угасания («Где жил с бедной нянею моей. Уже старушки нет — уж за стеною Не слышу я шагов ее тяжелых, ни кропотливого ее дозора...»), происходит зарождение новой жизни:

...Но около корней их устарелых,
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь молодая роща разрослась...

Н. Л. Вершинина точно подметила, что «с начала 1830 годов в пейзажной “формуле” Пушкина начинается трансформация: сохраняя прежний “идеальный” облик, “формула” пейзажа словно “прячет его в подтекст”, выводя наружу прямо противоположные ему и “вопиющие” в своей противоположности образы»¹⁹⁵.

Единство человека и природы, их общность в процессе бытия закреплена единственной на все стихотворение метафорой:

...Зеленая семья: кусты теснятся
Под сенью их, как дети...

«Образ молодой сосновой рощицы, которая уподобляется “семье”, очеловечивает природу и под-

---

¹⁹⁵ См.: Вершинина Н. Л. «Формула» пейзажа в творческом сознании А. С. Пушкина (1810–1830 годы) / Н. Л. Вершинина // Болдинские чтения. — Саранск, 2002. С. 67–75.

готовавливает заключительную строфу-обращение поэта к “племени молодому”, которое в данном контексте воспринимается и как выросшее молодое дерево, и как величественный символ бесконечного будущего»¹⁹⁶.

В целом стихотворение «...Вновь я посетил...» воспринимается как прощальный взгляд Пушкина на родовую усадьбу Михайловское, которую поэт почитал своей духовной и поэтической родиной.

В стихотворении присутствует традиционный комплекс мотивов идиллического пространства:

- мотив возвращения («...Вновь я посетил...»);
- мотив идиллии труда («Плывет рыбак и тянет за собой / Убогий невод»);
- мотив смены поколений («Но пусть мой внук / Услышит ваш приветный шум»);
- мотив обращения к прошлому («Но здесь опять / Минувшее меня объемлет живо»);
- мотив непрерывности жизни природы («...около корней их устарелых, где некогда все было пусто, голо...»);
- мотив продолжения жизни в потомстве («Но пусть мой внук...»).

Главная объединяющая нить — мотив Дома. По наблюдению Е. С. Хаева, «обращенность к прошлому, к патриархальным временам... принимает у Пушкина форму перфектности... С перфектностью

---

¹⁹⁶ Левкович Я. Л. «Вновь я посетил...» / Я. Л. Левкович // Стихотворения Пушкина 1820–1830 годов. С. 309.

идиллического времени тесно связан мотив возвращения на место, где был домик»¹⁹⁷. Усадьба в поэзии первой трети XIX века воспринимается еще и через призму старинного заброшенного, ветхого дома («ветхая лачужка», «скромная семьи моей обитель»), который становится одновременно и основным топосом усадебной поэзии, ее родовым знаком.

3.2. УСАДЕБНО-ИДИЛЛИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Для исследования нашей проблемы представляется целесообразным проанализировать роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» с точки зрения идиллического хронотопа¹⁹⁸. Исследования такого рода предпринимались¹⁹⁹, но в нашей работе видится

---

¹⁹⁷ Хаев Е. С. Идиллические мотивы в произведениях Пушкина рубежа 1820–1830-х годов / Е. С. Хаев // Болдинские чтения. — Горький, 1984. С. 104.

¹⁹⁸ Под хронотопом понимается «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» (Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. С. 235).

¹⁹⁹ Вершинина Н. Л. О функции идиллической образности в романе «Евгений Онегин» / Н. Л. Вершинина // Проблемы современного пушкиноведения: Сборник статей. — Псков, 1996. С. 108–121; Хаев Е. С. Идиллические мотивы в «Евгении Онегине» / Е. С. Хаев // Болдинские чтения. — Горький, 1981. С. 81–104; Забабурова Н. В. Соотношение понятий «Буколика», «Пастораль», «Идиллия» в эстетике и художественной практике А. С. Пушкина / Н. В. Забабурова // Пастораль в системе культуры: метаморфозы жанра в диалоге со временем. — М., 1999. С. 79–90.

важным проследить функциональность усадебного топоса в процессе создания поэтического образа усадьбы. Е. С. Хаев отмечает, что «в «Евгении Онегине» представлены почти все признаки идиллического хронотопа: ограниченность «усадебного» пространства, цикличность времени, любовь, брак, смерть, еда и питье, соседство поколений, связь человеческой и природной жизни»²⁰⁰.

Магистральный мотив всего романа «Евгений Онегин» — оппозиция деревня / город. Он реализуется не только в нарративе (действие происходит то в усадьбе Лариных, то в Петербурге, то в Москве), но и в характере восприятия этой оппозиции героями романа.

Исследователь Н. В. Забабурова пишет: «Уже в первой главе романа появляется имя Феокрита, которого «бранил» Онегин. В данном случае это имя знаковое, указывающее на определенную культурную традицию, составляющую антитезу столичной искусственности. Имя Феокрита стоит рядом с именем Гомера, дополнительно архаизирующим и отдаляющим недоступную Онегину поэзию первозданной простоты»²⁰¹.

Пушкин описал в романе «Евгений Онегин» две помещичьи усадьбы: Онегинскую и Ларинскую.

---

²⁰⁰ Хаев Е. С. Идиллические мотивы в произведениях Пушкина рубежа 1820–1830-х годов / Е. С. Хаев. С. 84.

²⁰¹ Забабурова Н. В. Соотношение понятий «Буколика», «Пастораль», «Идиллия» в эстетике и художественной практике А. С. Пушкина / Н. В. Забабурова // Пастораль в системе культуры: метаморфозы жанра в диалоге со временем. — М., 1999. С. 84.

...Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали селы; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых Дриад.

.....
Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины.

(VI, 31)

Употребление Пушкиным понятия «*почтенный замок*» синонимично усадебному господскому дому. В литературе, мемуарах, письмах, в том числе пушкинских, часто встречается слово «замок» именно в этом значении. В письме к П. А. Осиповой-Вульф от 29 июля 1825г. Пушкин называет тригорский дом — «Тригорским замком»: «Вчера я посетил Тригорский замок, сад, библиотеку. Уединение его поистине поэтично, так как оно полно вами и воспоминаниями о вас. ...если вам весело в Риге, развлекайтесь и вспоминайте иногда Тригорского (то есть Михайловского) изгнанника...» (XIII, 13, 196, 540. Перев. с фр.). А в письме к Н. Н. Гончаровой из Болдина 30 сентября 1830 года Пушкин именует старинный деревянный дедовский дом «печальным замком». «...Ваша

любовь — единственная вещь на свете, которая мешает мне повеситься на воротах моего печального замка...» (XIV, 114,417. Перев. с фр.).

Описание онегинского «замка» содержит в себе указание на его возраст. Ю. М. Лотман относит время действия второй главы романа к лету 1820 года²⁰². Следовательно, если его дядя сорок лет прожил в своей усадьбе («...Где деревенский старожил / Лет сорок с ключницей бранился...», а также «...все это ныне обветшало!...»), то постройку усадебного дома можно отнести к 80-м годам XVIII века — времени расцвета усадебного строительства в России, а также возникновения усадебного комплекса в Михайловском.

С меньшей степенью подробностей описана усадьба Лариных, где, в основном, и развиваются события. Подразумевается в романе присутствие «господ соседственных селений». В целом это создает картину мелкопоместной дворянской усадебной жизни.

Идиллическое мироощущение присуще всем главным героям романа, в том числе и самому автору. Особенно это выразилось в описании размеренной сельской жизни семейства Лариных:

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины...
(VI, 47)

---

²⁰² Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Ю. М. Лотман. С. 21.

Патриархальный характер мира Лариных анализирует О. Н. Гречина в статье «О фольклоризме “Евгения Онегина”»: «Патриархальный быт Лариных отражен Пушкиным в соответствии с представлениями его эпохи об идеально-патриархальной жизни русских»²⁰³. Вся жизнь Лариных ограничена пространством усадьбы.

Все в Ларинской усадьбе происходит изо дня в день, из года в год: «Она езжала по работам, / Солила на зиму грибы... / Ходила в баню по субботам...», «Под вечер иногда сходилась... соседей дружная семья».

...Проходит время; между тем
Прикажут Ольге чай готовить,
Там ужин, там и спать пора,
И гости едут со двора.
...И так они старели оба.

(VI, 47)

Мироощущение Татьяны Лариной в высшей степени идиллично. Во многом это происходит благодаря тому, что она отождествляет себя с идиллическими героинями сентиментальных романов.

Воображаясь героиней
Своих возлюбленных творцов,
Кларисой, Юлией, Дельфиной...

(VI, 55)

---

²⁰³ Гречина О. Н. О фольклоризме «Евгения Онегина» / О. Н. Гречина // Славянские литературы и фольклор. Русский фольклор. Т. 18. — Л., 1978. С. 25.

Между тем, Татьяна, которая «в семье своей родной Казалась девочкой чужой», является неотъемлемой частью этой «жизни мирной», всего этого мира «степных селений», хранящего «привычки милой старины».

Идиллической героиней Татьяну делает также и то, что городской суете она предпочитает сельскую жизнь, связь с родным домом, с природой, с ограниченным пространством своего уголка:

Татьяна смотрит и не видит,
Волнение света ненавидит;
Ей душно здесь... она мечтой
Стремится к жизни полевой,
В деревню, к бедным поселянам,
В уединенный уголок,
Где льется светлый ручеек,
К своим цветам, к своим романам
И в сумрак липовых аллей,
Туда, где **он** являлся ей.

(VI, 162)

Уместно отметить связь фамилии Лариных с ларями, античными богами, хранителями домашнего очага²⁰⁴. «Лары — в древнеримских религиозных верованиях первоначально боги, покровители полевых участков и сельской деятельности, а также перекрестков дорог, покровители оставшихся на земле потомков»²⁰⁵.

---

²⁰⁴ См. об этом: Глушкова Т. Испытание счастьем. Национально-духовный идеал в «Евгении Онегине» / Т. Глушкова // Московский пушкинист. VII. — М., 2003. С. 203.

²⁰⁵ БСЭ. Изд. 2-е. Т. 14. — М., 1973. С. 171.

Такая ассоциативная связь фамилии с внутренними идеалами героини усиливает идилличность ее образа. Татьяна не формулирует сущность своих «родных идеалов», она лишь указывает на те места, где впитала их, называя внешние приметы «милого предела» — «дикий сад», «бедное жилище», «аллею», «смирненное кладбище, где ныне крест и тень ветвей над бедной нянею моей». Слова Татьяны о «смирненном кладбище» звучат как выражение особой ценности бытия, памяти юности. Они стоят в одном ряду с «полкой книг» и «диким садом», «бедным жилищем», которые Татьяна противопоставляет «ветоши маскарада», «блеску», «шуму», «чаду» светской жизни. «Образ-понятие “смирненное кладбище” обретает глубокий контекстуальный смысл»²⁰⁶, а мы выделим его как знаковый усадебный тоpos. К числу характерных усадебных тоposов в романе «Евгений Онегин» относятся также «дикий сад», «почтенный замок».

Другой исследователь пишет: «Деревня дана в “Евгении Онегине” как единый компактный тоpos в главах с первой по седьмую. <...>. Она противопостоит городу как область идиллического мира. Роль важного дифференциального признака играет кладбище, могила»²⁰⁷. В плане вступительной части стихотворения, имевшего условное название «Prologue» и относящегося к 1835–1836 годам, Пушкин описыва-

---

²⁰⁶ Янушкевич А. С. Кладбище / А. С. Янушкевич // Онегинская энциклопедия. Т. 1. — М., 1999. С. 151.

²⁰⁷ Баевский В. С. Сквозь магический кристалл: Поэтика «Евгения Онегина», романа в стихах Пушкина / В. С. Баевский. — М., 1990. С. 99.

ет свой реальный маршрут по кладбищам Царского Села, Баболова, вспоминая о лицейских днях и друзьях юности. Он также упоминает английского предромантика Т. Грея — автора знаменитой кладбищенской элегии «Сельское кладбище», которая благодаря переводу В. А. Жуковского стала органичной частью русской поэзии и, по мысли В. Э. Вацура, явилась, «чтобы создать национальную модель общеевропейского жанра»²⁰⁸. Несмотря на то, что в пору работы Пушкина над романом «Евгений Онегин» кладбищенская элегия занимала маргинальное положение, рефлексия ее поэтики оживает в тексте романа. Хотя само слово «кладбище» названо в романе всего один раз, образ «смирненного кладбища» трижды возникает в повествовании. Первый раз он связан с Владимиром Ленским, который

... посетил
Соседа памятник смиренный,
...И там же надписью печальной
Отца и матери, в слезах,
Почтил он прах патриархальный
(VI, 48);

второй — с сестрами Лариными, приходившими на могилу Ленского и плакавшими над «урною смиренной»:

Там виден камень гробовой
В тени двух сосен устарелых
(VI, 141);

---

²⁰⁸ Вацура В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа» / В. Э. Вацура. — СПб., 1994. С. 52.

и, наконец, третий с воспоминаниями Татьяны о «смирнном кладбище». По верному замечанию А. С. Янушкевича, «образ “смирнного кладбища” с памятью о “бедной няне” вбирает всю цепь мотивов естественного патриархализма: от “праха” патриархального Дмитрия Ларина, седого и “хилого пастуха”, который “по-прежнему поет” над “памятником унылым” Владимира Ленского, до инвектив Татьяны в адрес “пышности”, “постылой жизни мишуры”, “ветоши маскараров” и реабилитации простых радостей жизни»²⁰⁹.

Идиллические мотивы доминируют в мироощущении Ленского. В. Э. Вацуру отмечает: то, «что Ленский читает Шиллера — заметим, в свои предсмертные часы — показывает, насколько ясно представлял себе Пушкин источник мироощущения своего героя. Оно определило и систему этических и эстетических ценностей, в пределах которой Ленский реализует себя и как личность, и как поэт»²¹⁰:

Он в песнях гордо сохранил
Всегда возвышенные чувства,
Порывы девственной мечты
И прелесть важной простоты.
(VI, 35)

В традициях любовной идиллии строятся отношения Ленского с Ольгой.

---

²⁰⁹ Янушкевич А. С. Кладбище / А. С. Янушкевич // Онегинская энциклопедия. Т. 1. С. 151.

²¹⁰ Вацуру В. Э. Лирика пушкинской поры / В. Э. Вацуру. С. 52.

Он вечно с ней. В ее покое
Они сидят в потемках двое;
Они в саду, рука с рукой,
Гуляют утренней порой...
(VI, 83)

В круг его жизненных идеалов входит семейная жизнь в своей усадьбе.

...Я модный свет ваш ненавижу;
Милее мне домашний круг...
(VI, 51)

Однако, как отмечалось ранее, Пушкин использует амбивалентность идиллии и допускает возможное разрушение семейной идиллии Ленского —

...В деревне счастлив и рогат...
(VI, 133)

Семейно-трудовая идиллия с горацианскими идеалами свойственна и второстепенному герою романа «буйану» Зарецкому:

...Зарецкий мой,
Под сень черемух и акаций
От бурь укрывшись наконец,
Живет, как истинный мудрец,
Капусту сажит, как Гораций,
Разводит уток и гусей
И учит азбуке детей.
(VI, 120)

В романе явственно присутствует идиллическое мироощущение самого поэта:

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.
(VI, 28)

Образ усадьбы в пушкинском романе «Евгений Онегин» складывается также из соотношения природных, пространственно-художественных и лирических мотивов. «В лирике с ее образными и философско-психологическими константами круг мотивов наиболее отчетливо выражен и определен, поэтому изучение мотивов в поэзии, выявляющих своеобразие художественного сознания автора и его поэтической системы, может быть особенно плодотворно»²¹¹.

Выделим наиболее значимые для нашей темы мотивы: мотив сада, мотив чтения, мотив развлечения в усадьбе.

В жизни усадебных пушкинских героев чтение играет значительную, а иногда и определяющую роль. Упоминание о выбранной для чтения книге становится существенным моментом в характеристике героя. Одновременно книга становится соучастни-

---

²¹¹ Незванкина Л. К., Щемелева Л. М. Мотив / Л. К. Незванкина, Л. М. Щемелева // Литературный энциклопедический словарь. Под общей ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. — М., 1987. С. 230.

ком его собственных переживаний, она формирует нравственные идеалы Татьяны Лариной. При этом происходит постоянный и сложный процесс взаимопроникновения литературы и реальной действительности.

Следует отметить, что «Новая Элоиза» была одной из самых читаемых книг в России и, особенно, в усадьбе конца XVIII – первой трети XIX веков²¹². Сам автор этого произведения, Ж.-Ж. Руссо, даже становится героем усадебного стихотворения В. В. Измайлова «Послание к моему брату на наше уединение»:

Мы будем иногда приятным вечерком
Пастушкам рассказывать о том писателе любезном,
Красноречивом, милом, нежном,
Который, удалясь под мирный сельский кров,
Как птичка в рощах пел — пел сладостно любовь.
Себе подобных был и друг и благодетель,
Был добрый человек;
Но с разумом своим, светильником вселенной,
Спокойства не сыскал, и сердцем одаренный,
С сим сердцем пострадал — скончал прекрасный век
В судьбине мрачной, слезной,
Один, без друга, без любезной...²¹³

«Это увлечение “чувствительными” романами, — писала Н. Д. Кочеткова, — продолжало восприниматься

---

²¹² Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма / Н. Д. Кочеткова. С. 175–177.

²¹³ Измайлов В. В. Послание к моему брату на наше уединение / В. В. Измайлов // Аониды. Кн. 2. — М., 1797. С. 311.

как знак определенной характеристики и в первые десятилетия XIX века. Достаточно вспомнить в этой связи круг чтения Татьяны Лариной:

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо»²¹⁴.
(VI, 44)

Закономерно, что в устах Татьяны, в восьмой главе романа уже не «смирненной девочки», а «неприступной богини», «полка книг» в родовом усадебном доме воспринимается как один из главных ценностных ориентиров, сформировавших ее душу, ее личность, ее мировосприятие, иными словами, то, что Пушкин называл «Татьяны милый идеал».

В пространстве пушкинского романа мотив сада занимает знаковое положение: наиболее важные события внутренней жизни героев связаны именно с садом. Там происходит сцена свидания и объяснения Татьяны и Онегина:

...и легче тени
Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад...
(VI, 70–71)

В саду она слышит отповедь Онегина:

---

²¹⁴ Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма / Н. Д. Кочеткова. С. 184–185.

...Пошла, но только повернула
В аллею, прямо перед ней,
Блистая взорами, Евгений
Стоит...

(VI, 72)

Теперь мы в сад перелетим
Где встретилась Татьяна с ним.
(VI, 77)

В саду она мечтает о своем герое:

Тоска любви Татьяну гонит
И в сад идет она грустить...
(VI, 58)

Таким образом, в сад переносится эмоциональный, лирический, любовный акцент романа. Образ усадебного «дикого сада» рефлексировал и в отповеди Татьяны в восьмой главе.

Романтический сад или парк, а именно таким описывает Пушкин сад в усадьбе Лариных, —

(Татьяна) ...мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью...
(VI, 71)

— располагал к медитативности, мечтательности, самопознанию. Д. С. Лихачев отмечал, что «из всех

искусств садово-парковое искусство, пожалуй, теснее и постоянное всего связано именно с поэзией... высшее значение сада — рай. Сад можно и должно «читать», и поэтому главное занятие в саду — чтение книг»²¹⁵. Татьяна идентифицирует себя с героиней «возлюбленных творцов», «в тишине лесов / Одна с опасной книгой бродит»...

Сад в онегинской усадьбе имеет отличную от ларинского сада семантическую наполненность. Последний весь пронизан чувствами, воображением, любовными мечтами и вызывает непреодолимую ассоциацию с Тригорским парком, суть которого очень точно выразил Паустовский: «Тригорский парк пропитан солнцем. Такое впечатление остается от него почему-то даже в пасмурные дни. Свет лежит золотыми полянами на веселой траве, зелени лип, обрывах над Соротью и на скамье Евгения Онегина... Этот парк как будто создан для семейных праздников, дружеских бесед, для танцев при свечах под черными шатрами листьев, девичьего смеха и шутливых признаний. Он полон Пушкиным и Языковым.

Михайловский парк — приют отшельника. Это парк, где трудно веселиться. Он создан для одиночества и размышлений. Он немного угрюм со своими вековыми елями, высок, молчалив и незаметно переходит в такие же величественные, как и он сам, столетние и пустынные леса»²¹⁶.

---

²¹⁵ Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей / Д. С. Лихачев. -1 Л., 1982. С. 17.

²¹⁶ Паустовский К. Михайловские рощи / К. Паустовский //

«Огромный запущенный сад / Приют задумчивых Дриад» Онегина — это место поэтических размышлений, исторических воспоминаний. Ю. М. Лотман в комментариях к «Евгению Онегину» указывает на то, что в описании онегинской усадьбы «отразились черты знакомого Пушкину пейзажа Михайловского, однако деревня Онегина является не копией какой-либо реальной, известной Пушкину местности, а художественным образом»²¹⁷. Вместе с тем связь онегинской усадьбы с пушкинским Михайловским очевидна. Уместно будет обратиться к недавно опубликованным письмам матери Пушкина из Михайловского, в которых запечатлен образ михайловского сада 1828–1835 годов²¹⁸.

Из Тригорского. Июль 1829.

«Я много гуляю, два раза ходила пешком в Михайловское, где мы весь день провели в саду, который все разрастается и украшается, ты прямо не имеешь представления, как он хорош»;

«...два дня кряду я ходила пешком в Михайловское, и чай мы пили в саду; у нас множество плодов, не знаю больше, что с ними делать»;

«...мы продолжаем есть вишни, сливы и яблоки, коих у нас в Михайловском изобилие»;

«...сад очень хорошо содержится»;

Ильинский омут. — М., 1984. С. 112.

²¹⁷ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Ю. М. Лотман. С. 176.

²¹⁸ Мир Пушкина. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлищевой. — СПб., 1993. С. 34, 45, 63, 170, 234.

«Сад наш прелестен, много цветов и три цветника, изобилие цветов на балконе и в комнатах».

Сопоставив описания онегинского сада и пушкинского Михайловского, можно сделать вывод о том, что доминирующим качеством усадебного сада являются его эстетические и духовные константы.

Сад, как место уединения, всегда во все времена был желанным. Уместно вспомнить замечание Т. В. Цивьян о том, что «Сад содержит в себе некую особую ценность (первоначально сакральную — священное дерево) и поэтому нуждается не только в уходе, но и в охране... Необходимым признаком (или условием) сада является эстетический: сад прекрасен, его красота определяется тем, что он — сад, но она не природна, а культурна, т. е. воспроизводит природу... Эстетическая сторона сада требует, чтобы он был материально бескорыстен. Мифологический центр сада легко перекодируется в духовную ценность»²¹⁹.

«Старинный, запущенный сад» и являл для героев пушкинского романа и самого поэта именно «духовную ценность».

Но в то же время сад, как символ рая, эдема, явился и местом разрушения идиллических любовных мечтаний Татьяны Лариной. Действительно, разрушение идиллии в усадебном пространстве романа происходит как на эмоционально-чувственном уровне: трагедия сердца и души Татьяны, так и на

---

²¹⁹ Цивьян Т. В. К мифологии сада / Т. В. Цивьян // Текст. Семантика и структура. — М., 1983. С. 147.

событийном — убийство Ленского на дуэли, отъезд Татьяны Лариной из деревни в Москву:

... И вот
Уселись, и возок почтенный,
Скользя, ползет за ворота.
«...Прости приют уединенный!
Увижу ль вас?..»
(VI, 153)

Поскольку идилличность в пушкинском романе сопряжена лишь с усадьбой, то в городских условиях она трансформируется в антиидиллию. Как отмечает Н. В. Забабурова, «...в целом сельская идиллия Пушкина не была реализована как утопический идеальный хронотоп, скорее это подлинная альтернатива городской цивилизации, обладающая узнаваемой реальностью, как это было и в идиллиях Феокрита, и в поэмах о сельской усадьбе XVIII века»²²⁰.

Проделанный анализ поэтических усадебных текстов А. С. Пушкина позволяет сделать вывод о том, что пушкинский архетип Деревни проявляется разными гранями: природно-трудовая идиллия («Деревня»), философская идиллия («Пора, мой друг, пора!..»), сентиментальная идиллия («...Вновь я посетил...»), наконец, соединение в одном стихотворении двух противоположных начал: идиллии и антиидиллии («Деревня», роман «Евгений Онегин»).

---

²²⁰ Забабурова Н. В. Соотношение понятий «Буколика», «Пастораль», «Идиллия» в эстетике и художественной практике А. С. Пушкина / Н. В. Забабурова. С. 87.

Обозначив лишь некоторыми метафорическими знаками архитектурно-художественный образ усадьбы: «господский дом уединенный», «пустынный уголок», «ветхая лачужка», — поэтическая мысль уносится под «сень лесов сосновых», в живописные усадебные окрестности: луга, холмы, берег Сороти... В усадебной лирике для Пушкина более значим мотив природы — «подвижные картины», нежели архитектурные особенности. Как точно подметила М. Нащокина: «...архитектурные формы... усадеб могли быть связаны с поэзией Пушкина лишь опосредованно. Поразительно, но факт — в стихах поэта мы не найдем ни одного сколько-нибудь подробного описания внешнего вида усадебных построек. Архитектурные изыски мало интересовали поэта, гораздо важнее была для него духовная суть усадебной жизни, ее связь с природой, “преданьями милой старины”, ее несуетность и уединенность, оставлявшая место раздумьям о самом главном — любви, жизни, смерти»²²¹.

Усадебный локус пушкинских стихотворений, связанных с посещением усадьбы, формирует целостный, гармоничный, внутренне наполненный образ русской провинциальной усадьбы первой трети XIX века.

Пушкин оказался свидетелем заката «золотого века» русской усадьбы. В статье «Путешествие из Мо-

---

²²¹ Нащокина М. В. Усадьба пушкинского времени в русской культуре эпохи символизма / М. В. Нащокина // Русская усадьба. — М., 2000. Вып. 6(22). С. 79.

сквы в Петербург», созданной в 30-е годы, он констатировал: «Подмосковные деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремит в рощах Свиблова и Останкина, плошки и цветные фонари не освещают английских дорожек, ныне заросших травой, а бывало, уставленных миртовыми и померанцевыми деревьями. Барский дом дряхлеет. Во флигеле живет немец-управитель и хлопочет о проволочном заводе» (XI, 246).

Вместе с тем в 1830-е годы происходит и угасание «усадебной поэзии» как особого малого жанра: «...поэма о сельской усадьбе... с этого момента прекращает свое существование»²²².

Однако образ усадьбы, сложившийся в усадебной лирике Пушкина, явился эстетической *парадигмой* в художественном пространстве всей усадебной культуры.

---

²²² Зыкова Е. П. Сельская усадьба в русской поэзии XVIII – начала XIX века / Е. П. Зыкова. С. 34.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог нашим исследованиям, следует отметить, что вся классическая русская литература XVIII – начала XIX веков и поэзия в частности тесно связана с жизнью дворянской усадьбы. Писатели и поэты созревали как личности в условиях усадебного быта; в деревне-усадьбе жили прототипы их героев, а сама усадьба зачастую становилась центром литературной и культурной жизни. Усадьбу можно рассматривать не только как объект творчества поэта или писателя, но и как один из главных факторов формирования его поэтики и эстетики.

Усадебный поэт А. А. Фет задавался вопросом: «что такое русская дворянская усадьба с точки зрения нравственно-эстетической?» И сам отвечал: «Это “дом” и “сад”, устроенные на лоне природы, когда человеческое едино с “природным” в глубочайшем органическом расцвете и обновлении, а природное не дичится облагораживающего культурного возделывания человеком, когда поэзия родной природы развивает душу рука об руку с красотой изящных искусств, а под крышей усадебного дома не иссякает особая музыка домашнего быта, живущего в смене деятельности труда и праздного веселья, радостной любви и чистого созерцания»²²³.

---

²²³ Фет А. А. Сочинения / А. А. Фет. — М; 1982. С. 477.

Воспоминания об отечественной истории, о людях, чьи имена священны для России, приводят именно в старинную русскую усадьбу. Историческая и поэтическая память делает ее источником вечных непреходящих ценностей.

Само явление русской усадьбы породило целое направление в поэзии, которое условно можно назвать *«усадебная поэзия»*. Оно обозначает совокупность лирических стихотворений с устойчивой поэтической образностью (усадебный дом, сад, аллеи, беседка и т. д.), произведенной общностью тем и единством мировоззренческих установок («философия сельской жизни»). «Усадебная поэзия» обладает системой устойчивых мотивов, характеризующих ее эстетическое своеобразие (мотив уединения, мотив воспоминаний детства, проведенного в усадьбе, мотив возвращения в усадьбу, мотив чтения, мотив развлечений и т. д.). Все обозначенные мотивы усадебной поэзии фокусируются в «идиллическом хронотопе», содержательность которого очерчена М. М. Бахтиным: «...привязанность жизни и ее событий к родной стране со всеми ее уголками, к родным горам, к родному дому, родным полям, реке и лесу, к родному дому. Идиллическая жизнь и ее события неотделимы от этого конкретного пространственного уголка, где жили отцы и деды, будут жить дети и внуки.

Пространственный мирок этот ограничен и довлеет себе, не связан существенно с другими местами, с остальным миром.

Единство жизни поколений в идиллии в большинстве случаев существенно определяется единством

места, вековой прикреплённостью жизни поколений к одному месту, от которого эта жизнь во всех ее событиях не отделена...

...Единство места сближает и сливает колыбель и могилу, детство и старость (та же роща, те же липы, тот же дом), жизнь различных поколений, живших там же, в тех условиях, видевших то же самое»²²⁴.

Совместное функционирование вышеназванных мотивов приводит к многогранности семантического звучания образа усадьбы в поэзии первой трети XIX века. Закономерен вывод о полисемантичности усадебного топоса в этот период, о взаимообогащающем взаимодействии разнообразных его сторон.

В процессе исследования выявлено, что *усадебный топос*, связанный доминирующими константами с *locus amoenus*, дополняется особыми усадебными реалиями и наоборот, реалии усадебной жизни трансформируются в идиллические мотивы, составляющие поэтическую содержательность усадебной лирики. Исходя из этого следует, что терминологическое наполнение понятия «*усадебный топос*» включает в себя, с одной стороны, идиллический компонент, *locus amoenus*, и соответствующий ему комплекс мотивов, а с другой — вещественную конкретность усадебного быта.

«Усадебная поэзия» имеет и свой «язык». Она «говорит» своеобразными метафорическими образами, особого рода переживаниями, где происходит

---

²²⁴ Бахтин М. М. Идиллический хронотоп в романе / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. С. 374.

смешение «жизни и пасторальной утопии», где лирика превращается в автобиографию, «в историю сердца, чувствования, заблуждений»²²⁵, и непосредственно переплетается с эмпирическим фактором, а усадебный быт вторгается в поэзию и продуцирует элементы усадебного топоса, при этом жизнь становится воплощением поэзии.

Чаще всего авторы усадебной лирики создавали произведения, посвященные описанию конкретных усадеб, например: «Обуховка» В. В. Капниста, «Суйда» В. Л. Пушкина, «Евгению. Жизнь Званская» Г. Р. Державина, «Осуга» А. М. Бакунина, «Приютино» Н. И. Гнедича и т. д. Стихи с описанием усадьбы или философскими размышлениями, навеянными ею, преимущественно создавались для домашних альбомов друзей и родственников. В них — тонкий аромат усадебной жизни, «темных аллей», «дворянских гнезд». В результате оформляется особый жанр — портрет усадебного дома:

И дом большой, но беспаркетный —
Ни цельных стекл, ни ковров,
Ни прочей рухляди заветной,
Ни даже картонных столов...²²⁶

В поэтику усадебной лирики входят круг семейных интересов и традиций, а также те жизненные

---

²²⁵ Кулакова Л. И. Поэзия М. Н. Муравьева. Вступ. ст. / Л. И. Кулакова // М. Н. Муравьев. Стихотворения. С. 29.

²²⁶ Бакунин А. М. «Осуга» / А. М. Бакунин // «Наше наследие». — 1994. — № 29–30. С. 56.

ценности, которые определяют смысл бытия ее владельцев.

В процессе исследования мы пришли к заключению о том, что миф усадьбы представляет ее как явление неземного, идеального порядка и что истоки страстного желания ее владельцев «на десятине снять экстракт вселенной всей»²²⁷ следует искать в архетипе усадьбы. Предметный мир усадьбы составляют дом и парк или сад. Исследователи последовательно возводят топос сада к библейскому архетипу²²⁸. Однако, наряду с этим, в основу архетипа усадебного дома, как нам представляется, может быть положена история рода. Усадебный дом хранил фамильный герб, жалованные грамоты, картинную галерею рода, семейные реликвии, передаваемые из поколения в поколение, являющиеся носителями духа Рода. Дом зачастую являлся «колыбелью», местом рождения будущего его владельца. И здесь, в доме, он «покидал мир сей», умирал. Вследствие этого, понятие Дома выходит за рамки частного и приобретает значение символа — символа Рода. Так, усадьба, помимо архитектурно-парковой ценности, приобретает еще и мемориальное значение.

---

²²⁷ Долгорукий И. Прогулка в Савинском / И. Долгорукий // Турчин В. С., Шереда В. К. «...в окрестностях Москвы». Из истории русской усадебной культуры XVII–XIX веков. С. 95.

²²⁸ Сазонова Л. И. Поэт и сад: из истории одного топоса / Л. И. Сазонова // *Folia Literaria. Studia z literatury posyjskiej i radzieckiej*. — Łódź. — 1988. С. 37–44; Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (2 пол. 17 – нач. 18 века) / Л. И. Сазонова. — М.: Наука, — 1991; Синило Г. В. Библейские корни европейской пасторали / Г. В. Синило // *Пастораль. Идиллия. Утопия*. — М., — 2002. С. 3–16.

О значении усадьбы в контексте отечественной культуры еще в 1914 году писал журнал «Столица и усадьба»: «Много было наговорено зла про помещичьи усадьбы. Но ведь вся глубина русской культуры вышла отсюда. Назовите в литературе типы выше и светлее тех, что сложились и вылились в образах Пушкина, Тургенева, Толстого. Сами эти люди не были ли во многом и в лучшем своем детьми русской деревни? В старых усадьбах есть какая-то правда, какой-то след благоухающих мыслей, тот неизъяснимый налет, что дает одно чувство “былое”, “прошлое”, в них притаилась и тихо входит в душу какая-то грустная и чистая поэзия»²²⁹.

«Усадебная поэзия» не стояла особняком от общего литературного процесса. Отражая особый феномен русской культуры, она реализует себя в разные исторические эпохи в разных жанровых формах: сатире, панегирике, идиллии, дружеском послании, элегии. «Усадебная поэзия» способна воплощать свою систему ценностей, связанную с особым образом жизни, культом предков, родового гнезда, гением места, апологией частной жизни, идеалом культурной жизни.

Порой «усадебная поэзия» выступает как часть литературного быта, примером являются усадебные стихотворения Державина, Львова, Капниста. При этом срастание жизни и творчества в усадебном пространстве происходит особым образом. Бытовая

---

²²⁹ Цит. по: Густова Л. И. «В сени пленительных дубрав» / Л. И. Густова // Дворянских гнезд заветные аллеи. С. 15–16.

конкретика и достоверность в изображении усадьбы и ее обитателей сочетается в «усадебной поэзии» с идеализацией этого образа жизни, а поэтическая мечта — с реальным бытом русского дворянства.

Исследование показывает, что в период 1740–1830 годов трансформация происходит путем мифологизации образа усадьбы, а также на уровне мотивной, жанровой и содержательной структуры.

Усадебный топос зародился в русской поэзии в 40-е годы XVIII века в период классицизма и реализовался в переводах и подражаниях 2 эподу Горация. Впервые реалии русской усадебной жизни обнаруживаются в поэзии Н. П. Николева и В. В. Капниста, где описываются реально существующие усадьбы и усадебная жизнь частного человека.

Сентиментализм с его культом природы внес особую струю в «усадебную поэзию»: предпочтение отдается не столько описанию усадьбы в целом, сколько ее неотъемлемой составляющей — парку или саду. При этом отдельные парковые реалии наполняются историческими или, напротив, глубоко личными, семейными ассоциациями (Долгорукий, «Прогулка в Савинском»; Бакунин, «Осуга»). Правомерен вывод, что «усадебная поэзия» XVIII века, в основном, реализуется в жанре сентиментальной идиллии.

От описательности XVIII века «усадебная поэзия» переходит к медитативности в начале XIX века, а в жанровом отношении — от панегирика к элегии. На фоне «общих мест» усадебный топос обогащается новыми реалиями и мотивами. В период 186

мантизма усадьба, как родовое гнездо, становится притягательной для поэтов и приобретает значение «рабочего кабинета», «приюта спокойствия трудов и вдохновенья».

Вершиной «усадебной поэзии» исследуемого периода является усадебная лирика А. С. Пушкина и, может быть, в первую очередь деревенские главы романа «Евгений Онегин».

Можно констатировать, что, несмотря на разнообразие формальных и содержательных вариантов текста усадебной лирики, он «существует как некое внутреннее гомогенное образное и стилистическое единство»²³⁰, истоки которого находятся в жанрах пасторали и идиллии.

Этим, однако, значение «усадебной поэзии» не исчерпывается, ее история не заканчивается. «Усадебная поэзия» развивается, трансформируется, обогащаясь за счет меняющихся исторических, а порой, общественно-политических факторов вплоть до 80-х годов XX века. Это создает предпосылки для дальнейшего исследования и осознания места и значения усадебной лирики в творческом сознании и поэтики литераторов позднейших художественных эпох.

---

²³⁰ Щукин В. Усадебный текст русской литературы / В. Щукин. С. 88.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

1. Бакунин А. М. Осуга / А. М. Бакунин // Наше наследие. — 1994. — № 29–30. С. 55–62.
2. Бакунин А. М. Собрание стихотворений / А. М. Бакунин. Изд. подг. М. В. Строгановым. — Тверь, 2001.
3. Бакунин А. М. Поэмы и проза / А. М. Бакунин. Биограф. предисловие, сост. и общая ред. М. В. Строганова. — Тверь, 2006.
4. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Е. А. Баратынский. Вступ. ст. и примеч. Е. Н. Купреяновой. — Л., 1957. («Библиотека поэта». Большая серия.)
5. Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы / Е. А. Баратынский. Ст. и примеч. Л. Г. Фризмана. — М.: Наука, 1982.
6. Батюшков К. Н. Сочинения / К. Н. Батюшков. — М.–Л.: «Academia», 1934.
7. Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений / К. Н. Батюшков. — М.–Л., 1964. («Библиотека поэта». Большая серия.)
8. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: В 3-х т. / А. Т. Болотов. Вступ. ст. С. Ронского. Примеч. П. Жаткина, И. Кравцова. — М., 1999.
9. Болотов А. Т. Избранное / А. Т. Болотов. Изд. подг. А. К. Демиховским. — Псков, 1993.
10. Вергилий Публий Марон. Буколики. — Георгики. — Энеида / Вергилий. Пер. с латин. Вступ. ст. С. Шервинского. Примеч. Н. Старостиной. — М., 1974.

11. Вяземский П. А. Полное собрание сочинений: В 12 т. — СПб., 1878–1896.
12. Вяземский П. А. Сочинения: В 2 т. / П. А. Вяземский. Сост. и вступ. ст. М. И. Гиллельсона. — М., 1982.
13. Вяземский П. А. Стихотворения / П. А. Вяземский. Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург. Подг. текста. и примеч. К. А. Кумпан. — Л., 1986. («Библиотека поэта». Большая серия. 3-е изд.)
14. Вяземский П. А. Старая записная книжка / П. А. Вяземский. Ред. и примеч. Л. Я. Гинзбург. — Л., 1929.
15. Гнедич Н. И. Стихотворения / Н. И. Гнедич. Вступ. ст., подг. текста и примеч. И. Н. Медведевой. — Л., 1956. («Библиотека поэта». Большая серия.)
16. Гораций Квинт Флакк. Собрание сочинений / Гораций. Пер. с латин. Вступ. ст. В. С. Дурова. — СПб., 1993.
17. «Дворянских гнезд заветные аллеи»: Усадьба в русской поэзии / Сост. и вступ. ст. Л. И. Густовой. — М., 1994.
18. Делиль Жак. Сады: Поэма / Жак Делиль. Изд. подг. Н. А. Жирмунская. Примеч. Н. А. Жирмунской, Ю. М. Лотмана. — Л., 1987.
19. Дельвиг А. А. Сочинения / А. А. Дельвиг. Сост., вступ. ст. и коммент. В. Э. Вацуро. — Л., 1986.
20. Державин Г. Р. Избранная проза / Г. Р. Державин. Сост., вступ. ст. и примеч. П. Г. Паламарчука. — М., 1984.
21. Державин Г. Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. / Г. Р. Державин. — СПб., 1864–1883.
22. Державин Г. Р. Стихотворения / Г. Р. Державин. Вступ. ст. Д. Д. Благого. — Л., 1957. («Библиотека поэта». Большая серия.)
23. Державин Г. Р. Сочинения / Г. Р. Державин. Сост., биограф. очерк и коммент. И. И. Подольской. — М., 1985.

24. Державин Г. Р. Анакреонтические песни / Г. Р. Державин. Изд. подг. Г. П. Макогоненко и др. — М.: Наука, 1987.
25. Дмитриев И. И. Сочинения / И. И. Дмитриев. Вступ. ст. А. М. Пескова. Сост. и коммент. А. М. Пескова и И. З. Сурат. — М., 1986.
26. Долгоруков И. М. Сочинения: В 2 т. / И. М. Долгоруков. — СПб., 1848–1849.
27. Кантемир Антиох. Собрание стихотворений / Антиох Кантемир / Вступ. ст. Ф. Я. Приймы. Подг. текста и примеч. З. И. Гершковича. — Л., 1956. («Библиотека поэта». Большая серия.)
28. Капнист В. В. Собрание сочинений: В 2 т. / В. В. Капнист. Вступ. ст. и примеч. Д. С. Бабкина. — М.–Л., 1960.
29. Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений / Н. М. Карамзин. Вступ. ст., подг. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. — М.–Л., 1966. («Библиотека поэта». Большая серия.)
30. Козлов И. И. Полное собрание сочинений / И. И. Козлов. Вступ. ст. И. Д. Гликмана. — Л., 1960. («Библиотека поэта». Большая серия. 2-е изд.)
31. Львов Н. А. Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева; вступ. ст., сост., подг. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского / Н. А. Львов. — СПб., 1994.
32. Монтень М. Опыты / М. Монтень. — М.–Л., 1954.
33. Муравьев М. Н. Стихотворения. / М. Н. Муравьев. Вступ. ст. Л. И. Кулаковой. — Л., 1967. («Библиотека поэта». Большая серия.)
34. Платон. Избранные диалоги / Платон. Пер. с древнегреч. Сост., вступ. ст. и коммент. В. Асмуса. — М., 1965.
35. Платон. Сочинения: В 3 т. / Платон. Пер. с древнегреч. Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Вступ. ст. А. Ф. Лосева. — М., 1968–1972.

36. Поэты 1790–1810 годов. Сб. стихов. / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана. Подг. текста М. Г. Альтшуллера. — Л., 1971.
37. Поэты XVIII века: В 2 т. Л., 1972 / Сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Сермана. Вступ. ст. Г. П. Макогоненко. («Библиотека поэта». Большая серия. 2-е изд.)
38. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. / А. С. Пушкин. — М.–Л., 1937–1949.
39. Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма / В. Л. Пушкин / Сост., вступ. ст. и примеч. Н. И. Михайловой. — М., 1989.
40. Русская литература. — Век XVIII. Т. 1. Лирика / Сост., вступ. ст., подг. текстов и коммент. Н. Д. Кочетковой. — М., 1990.
41. Русская поэзия 1801–1812 / Вступ. ст. А. Немзера. — М., 1989.
42. Русская поэзия XVIII века. Сборник / Вступ. ст. Г. П. Макогоненко. — М., 1972.
43. Сельская усадьба в русской поэзии XVIII – начала XIX века / Сост., вступит. ст., коммент. Е. П. Зыковой. — М., 2005.
44. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию / Луций Анней Сенека. Пер. с латин. Послесл. С. А. Ошерова. — Кемерово, 1989.
45. Сумароков А. П. Избранные произведения / Вступ. ст., подг. текста и примеч. П. Н. Беркова. — Л., 1957. («Библиотека поэта». Большая серия.)
46. Тредиаковский В. К. Избранные произведения / В. К. Тредиаковский. Вступ. ст. Л. И. Тимофеева. — Л., 1963. («Библиотека поэта». Большая серия.)
47. Феокрит. Мосх. Бион. Идиллии и эпиграммы / Пер. и коммент. М. Е. Грабарь-Пассек. — М., 1958.
48. Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений / И. И. Хемницер. Вступ. ст. Н. Л. Степанова. — М.–Л., 1963.

49. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления / К. Г. Юнг. — Киев, 1994.
50. Языков Н. М. Стихотворения. Сказки. Поэмы. Драматические сцены. Письма / Н. М. Языков. Вступ. ст. И. Д. Гликмана. — М.-Л., 1959.
51. Языков Н. М. Стихотворения и поэмы / Н. М. Языков. Сост., подг. текста и примеч. К. К. Бухмейер, Б. М. Толочинской. Вступ. ст. К. К. Бухмейер. — Л., 1988. («Библиотека поэта». Большая серия.)

КРИТИЧЕСКИЕ И НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РАБОТЫ

1. Агамалян Л. Г. Изображение дворянской усадьбы в русской поэзии конца XVIII – первой половины XIX в. / Л. Г. Агамалян // Державинские чтения. Сб. научн. докладов. — СПб., 1997. С. 116–125.
2. Агамалян Л. Г. Просветительские идеи в творчестве А. М. Бакунина в контексте русской культуры второй половины XVII – первой половины XIX вв.: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / Л. Г. Агамалян. — СПб., 1998.
3. Азадовский М. Языков / М. Азадовский // Н. М. Языков. Полное собрание стихотворений. — М.-Л., 1934. С. 12–80.
4. Алдошина Н. Б. А. В. Дружинин: Проблемы атрибуции / Н. Б. Алдошина. — Самара, 2000.
5. Анализ одного стихотворения: Межвузовский сборник / Под. ред. В. Е. Холшевникова. — Л., 1985.
6. Антикварный каталог № 38. Города. Усадьбы. Монастыри. — М., 1934.
7. Аринштейн Г. М. Сельцо Захарово в биографии и творчестве Пушкина / Г. М. Аринштейн // Пушкин.

- Исследования и материалы. Т. XIV. — Л., 1991. С. 177–191.
8. Баевский В. С. Сквозь магический кристалл: Поэтика «Евгения Онегина», романа в стихах Пушкина / В. С. Баевский. — М., 1990.
  9. Байбурова Р. М. Дом 1772 года на «китайский манер» в Черной Грязи / Р. М. Байбурова // Русская усадьба. — М., 1999. — Вып. 5(21). С. 282–288.
  10. Байбурова Р. М. Русская усадьба XVIII в. как отражение внутреннего мира современников / Р. М. Байбурова // Русская усадьба. — М., 1994. — Вып. 1(17). С. 96–97.
  11. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. М. Бахтин — М., 1975.
  12. Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3 т. / В. Г. Белинский. — М., 1948.
  13. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. / В. Г. Белинский. — М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
  14. Белоусов А. Ф. Акклиматизация сирени в русской поэзии / А. Ф. Белоусов // Сб. статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. — Тарту, 1992. С. 311–322.
  15. Берков П. Н. Проблемы исторического развития литературы / П. Н. Берков. — Л., 1981.
  16. Благово Д. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / Д. Благово. — СПб., 1885.
  17. Благой Д. Д. Василий Капнист / Д. Д. Благой // Капнист В. В. Сочинения. — М., 1959.
  18. Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней: В 2 т. / Д. Д. Благой. — М., 1972.
  19. Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813–1826) / Д. Д. Благой. — М.–Л., 1950.
  20. Большакова А. Деревня как архетип. От Пушкина до Солженицына / А. Большакова // Пушкин и теоретико-литературная мысль. — М., 1999. С. 369–396.

21. Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки / С. Г. Бочаров. — М., 1974.
22. Бройтман С. Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики: Субъектно-образная структура / С. Н. Бройтман. — М., 1997.
23. Брюсов В. Мировоззрение Баратынского / В. Брюсов // Брюсов В. Ремесло поэта. Статьи о русской поэзии. — М., 1981.
24. Бурьянов В. Прогулка с детьми по России / В. Бурьянов. — СПб., 1839.
25. Бухмейер К. К. Н. М. Языков / К. К. Бухмейер // Языков Н. М. Стихотворения. — М.–Л., 1969. С. 5–52.
26. «...в окрестностях Москвы». Из истории русской усадебной культуры XVII–XIX веков / Сост. М. А. Аникст, В. С. Турчин. — М., 1979.
27. Васильева О. В. Функция мотива в лирике М. Ю. Лермонтова: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / О. В. Васильева. — Псков, 2004.
28. Вацуро В. Э. Баратынский / В. Э. Вацуро // История русской литературы: В 4 т. Т. 2. — Л., 1981. С. 380–393.
29. Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа» / В. Э. Вацуро. — СПб., 1994.
30. Вацуро В. Э. Русская идиллия в эпоху романтизма / В. Э. Вацуро // Русский романтизм. — Л., 1978. С. 118–138.
31. Вергунов А. П., Горохов В. А. Русские сады и парки / А. П. Вергунов, В. А. Горохов. — М., 1988.
32. Вергунов А. П., Горохов В. А. Вертоград. Садово-парковое искусство (от истоков до начала XX века) / А. П. Вергунов, В. А. Горохов. — М., 1996.
33. Вершинина Н. Л. «Формула» пейзажа в творческом сознании А. С. Пушкина (1810–1830 годы) / Н. Л. Вершинина // Болдинские чтения. — Саранск, 2002. С. 67–75.

34. Вершинина Н. Л. Идиллия / Н. Л. Вершинина // Литературоведческие термины: материалы к словарю. — Коломна, 1997. С. 10–13.
35. Вершинина Н. Л. К вопросу об «идиллической основе» повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» / Н. Л. Вершинина // Карамзинский сборник. — Ульяновск, 1999. С. 3–11.
36. Вершинина Н. Л. Литература XVIII века / Н. Л. Вершинина // Псковский край в литературе. — Псков, 2003. С. 79–82.
37. Вершинина Н. Л. Михайловское в творческом сознании А. С. Пушкина / Н. Л. Вершинина // Aleksander Puszkín w dwusetna rocznice urodzin. — Łódź, 1999. С. 7–20.
38. Вершинина Н. Л. О функции идиллической образности в романе «Евгений Онегин» / Н. Л. Вершинина // Проблемы современного пушкиноведения: Сборник статей. — Псков, 1996. С. 108–121.
39. Вершинина Н. Л. Уединение / Н. Л. Вершинина // Онегинская энциклопедия: В 2 т. Т. 2. — М., 2004. С. 614–616.
40. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — Л., 1940.
41. Веселовский А. Н. Эпоха чувствительности / А. Н. Веселовский. — Л., 1939.
42. Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения» / А. Н. Веселовский. — Пг., 1918.
43. Вестстейн В. Помещичья усадьба в русской литературе XIX – нач. XX вв. / В. Вестстейн // Русская провинция: миф-текст-реальность. — М.–СПб., 2000. С. 186–195.
44. Виппер Ю. Б. Поэзия Плеяды. Становление литературной школы / Ю. Б. Виппер. — М., 1976.

45. Врангель Н. Помещичья Россия / Н. Врангель // Памятники Отечества. — № 25: Мир русской усадьбы. — М., 1992. С. 51–53.
46. Врангель Н., барон. Старые усадьбы. Очерки истории русской дворянской культуры / Н. Врангель. — СПб., 1999.
47. Гавриленко Т. А. «Анакреонтические песни» Г. Р. Державина: К вопросу о творческом итоге и его перспективах / Т. А. Гавриленко // Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции. — Тамбов, 1993. С. 60–69.
48. Гаспаров М. Л. Избранные труды: В 2 т. / М. Л. Гаспаров. — М., 1997.
49. Гейченко С. С. Пушкиногорье / С. С. Гейченко. — М., 1981.
50. Георги И. И. Описание столичного города Санкт-Петербурга / И. И. Георги. — СПб., 1794.
51. Гербель Н. В. Русские поэты в биографиях и образцах / Н. В. Гербель. — СПб., 1888.
52. Гиллельсон М. И. Вяземский П. А. Жизнь и творчество / М. И. Гиллельсон. — Л., 1969.
53. Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности / Л. Я. Гинзбург. — Л., 1987.
54. Гинзбург Л. Я. О лирике. 2-е изд. / Л. Я. Гинзбург. — Л., 1974.
55. Городецкий Б. П. Русские лирики. Историко-литературные очерки / Б. П. Городецкий. — Л., 1974.
56. Грехнев В. Мир пушкинской лирики / В. Грехнев. — Нижний Новгород, 1994.
57. Григорьян К. Н. Пушкинская элегия (Национальные истоки, предшественники, эволюция) / К. Н. Григорьян. — Л., 1990.
58. Грот Я. К. Жизнь Державина / Я. К. Грот. — СПб., 1880.
59. Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII в. / Г. А. Гуковский. — Л., 1927.

60. Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII в.: Дворянская фронда в литературе 1750–1760 годов / Г. А. Гуковский. — М.–Л., 1936.
61. Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в. — Л., 1938.
62. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. — М., 1998 (1-е изд. — 1939).
63. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. — М., 1985.
64. Гуревич А. М. Романтизм в русской литературе / А. М. Гуревич. — М., 1980.
65. Густова Л. И. «В сени пленительных дубрав»: Вступит. ст. /Л. И. Густова // «Дворянских гнезд заветные аллеи»: Усадьба в русской поэзии. — М., 1994. С. 5–16.
66. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. — М., 1980.
67. Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи 18–19 веков / Р. Ю. Данилевский. — Л., 1984.
68. Дворянская и купеческая усадьба в России XVI–XX вв. / Под ред. Л. В. Ивановой, Ю. А. Тиханова, Я. Е. Володарского. — М., 2001.
69. Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай / Е. Е. Дмитриева, О. Н. Купцова. — М., 2003.
70. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхольца: В 4 ч. — М., 1901–1902.
71. Докучаева О. В. Жан- Жак Руссо и пейзажный парк в России второй половины XVIII века / О. В. Докучаева // XVIII век: Сборник статей. — М., 1997. С. 176–190.
72. Докучаева О. В. Индивид и общество в русском пейзажном парке второй половины XVIII – начала XIX вв. / О. В. Докучаева // Русская усадьба. — М., 1996. — № 2(18). С. 172–183.

73. Долгополова С., Лаевская Э. Душа и Дом. Русская усадьба как выражение софийной культуры / С. Долгополова, Э. Лаевская // Наше наследие. — 1994. — № 29–30. С. 146–158.
74. Дубяго Т. В. Русские регулярные сады и парки / Т. В. Дубяго. — Л., 1963.
75. Евгений (Болховитинов Е. А.). Словарь русских светских писателей: В 3 т. / Е. А. Болховитинов. — М., 1845.
76. Евсина Н. А. Русская усадьба конца XVIII в. в восприятии современника / Н. А. Евсина // Русская коллекция. — 1997. — № 1–2. С. 4–5.
77. Ершова Л. В. Судьбы русской усадьбы в поэзии Серебряного века / Л. В. Ершова // Русская словесность. — 1998. — № 4. С. 42–45.
78. Есин Б. Путешествие в прошлое / Б. Есин. — М., 1983.
79. Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики / Жан-Поль. Пер. с нем. Вступ. ст., сост. и коммент. Ал. В. Михайлова. — М., 1981.
80. Жаплова Т. М. Усадебная поэзия в русской литературе XIX века / Т. М. Жаплова. — Оренбург, 2004.
81. Жирмунский В. М. Теория стиха / В. М. Жирмунский. — Л., 1975.
82. Забабурова Н. В. Соотношение понятий «буколика», «пастораль», «идиллия» в эстетике и художественной практике А. С. Пушкина / Н. В. Забабурова // Пастораль в системе культуры: метаморфозы жанра в диалоге со временем. — М., 1999. С. 79–90.
83. Западов А. В. Державин Г. Р. / А. В. Западов. — М.–Л., 1965.
84. Западов А. В. Поэты XVIII века (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин) / А. В. Западов. — Л., 1979.
85. Зуев Н. Н. Константин Батюшков / Н. Н. Зуев. — М., 1997.

86. Зыкова Е. П. О джентльменах и пастухах. Пасторальный идеал в культуре Нового времени / Е. П. Зыкова // Литература в системе культуры. — М., 1997.
87. Зыкова Е. П. Пастораль в английской литературе XVIII века / Е. П. Зыкова. — М., 1999.
88. Зыкова Е. П. Поэма / стихотворение о сельской усадьбе в русской поэзии XVIII – начала XIX в. / Е. П. Зыкова // Сельская усадьба в русской поэзии XVIII – начала XIX в. — М., 2005. С. 3–36.
89. Зыкова Е. П. Поэма о сельской усадьбе в русской идиллической традиции / Е. П. Зыкова // Миф. Пастораль. Утопия. — М., 1998. С. 58–72.
90. Иванова Л. В. Мир русской усадьбы / Л. В. Иванова. — М.: Наука, 1995.
91. Историческая хрестоматия нового периода русской словесности: От Петра I до нашего времени. Т. I–II / Сост. А. Д. Галахов. — СПб., 1861–1864.
92. История русской поэзии: В 2 т. — Л., 1968.
93. История романтизма в русской литературе: В 2-х т. — М.: Наука, 1979.
94. История садов. — Вып. 1. — М., 1994.
95. Каждан Т. П. Художественный мир русской усадьбы / Т. П. Каждан. — М., 1997.
96. Кайсаров А. С. Славянская и российская мифология. 2-е изд. / А. С. Кайсаров. — М., 1810.
97. Капитанова Л. А. Храм Киприды / Л. А. Капитанова // Онегинская энциклопедия: В 2 т. Т. 2. — М., 2004. С. 668–670.
98. Кириченко Е. И. Русская усадьба в контексте культуры и зодчества второй половины XVIII века / Е. И. Кириченко // Русская усадьба. — Вып. 1(7). — М., 1994. С. 61–68.
99. Кириченко Е. И. Семантика, стиль и планировка усадеб II половины XVIII в. в России / Е. И. Кириченко // Архитектура русской усадьбы. — М., 1998. С. 226–247.

100. К истории русского романтизма. Сб. научн. трудов. — М.: Наука, 1973.
101. Климова М. «Усталый труженик, спешу к родной стране». (Е. Баратынский) / М. Климова // Мир музея. — 1999. — № 12. С. 4–16.
102. Коваленко Т. А. Менталитет дворянской культуры XVIII в. / Т. А. Коваленко // Общественные науки и современность. — 1997. — № 5. С. 108–117.
103. Кожин В. Книга о русской лирической поэзии / В. Кожин. — М., 1978.
104. Козмин В. Ю. «...Тот уголок земли» (Локус Михайловского в поэтическом творчестве А. С. Пушкина) / В. Ю. Козмин. — М., 2001. (Михайловская пушкиниана. — Вып. 16.)
105. Козмин В. Ю. Локус Михайловского в поэтическом творчестве А. С. Пушкина: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / В. Ю. Козмин. — СПб., 1999.
106. Козубовская Г. П. Русская поэзия первой трети XIX в. и мифология (жанровый архетип и поэтика) / Г. П. Козубовская. — Самара–Барнаул, 1998.
107. Коровин В. И. Поэты пушкинской поры / В. И. Коровин. — М., 1980.
108. Коровин В. И. Русская поэзия XIX века / В. И. Коровин. — М., 1983.
109. Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма: Эстетические и художественные искания / Н. Д. Кочеткова. — СПб., 1994.
110. Кочеткова Н. Д. Русская лирика XVIII века: Вступит. ст. / Н. Д. Кочеткова // Русская литература. Век XVIII. Лирика. — М., 1990. С. 5–22.
111. Кошелев В. А. Четыре портрета из пушкинской плеяды / В. А. Кошелев. — Псков, 1996.
112. Кошелев В. А. К. Н. Батюшков в русской словесности начала XIX века / В. А. Кошелев. — Псков, 1995.

113. Кошелев В. А. Константин Батюшков. Странствия и страсти / В. А. Кошелев. — М., 1987.
114. Кошелев В. А. Усадебная поэзия. К. Н. Батюшков, П. А. Межаков, А. А. Фет / В. А. Кошелев // Русская усадьба. — Вып. 9(25). — М., 2003. С. 391–402.
115. Кулешов В. И. Значение понятия «закон» в художественном мире А. С. Пушкина / В. И. Кулешов // Пушкин и современная культура. — М., 1996. С. 77–115.
116. Курбатов В. Я. Сады и парки. История и теория садового искусства / В. Я. Курбатов. — Пг., 1916.
117. Курочкина И. Н. Формирование и развитие дворянского этикета в России XVIII в. / И. Н. Курочкина // Общественные науки и современность. — 1997. — № 5. С. 118–125.
118. Лазарчук Р. М. Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов. Из архивных разысканий / Р. М. Лазарчук. — Вологда, 1999.
119. Лаппо-Данилевский К. Ю. Последнее стихотворение Г. Р. Державина / К. Ю. Лаппо-Данилевский // Русская литература. — 2000. — № 2. С. 147–158.
120. Лаппо-Данилевский К. Ю. Стихи А. М. Бакунина, написанные в подражание Н. А. Львову / К. Ю. Лаппо-Данилевский // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1997 год. — СПб., 2002. С. 33–36.
121. Лебедев Е. Тризна. Книга о Е. А. Баратынском / Е. Лебедев. — М., 1985.
122. Левин Ю. Д. Английская литература и литература сентиментализма / Ю. Д. Левин // Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России. — Л., 1990. С. 147–160.
123. Левицкий А. А. Образ воды у Державина и образ поэта / А. А. Левицкий // XVIII век. — Сб. 20. — СПб., 1996. С. 47–71.

124. Левкович Я. Л. «...Вновь я посетил»... / Я. Л. Левкович // Стихотворения А. С. Пушкина 1820–1830 годов: История создания и идейно-художественная проблематика. Сб. статей. — Л.: Наука, 1974. С. 306–323.
125. Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского / Сост. А. М. Песков.- М., 1998.
126. Летагин Л. Н. Русская усадьба: мир, миф, судьба / Л. Н. Летагин // Русская усадьба. — Вып. 4(20). — М., 1998. С. 253–260.
127. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — М., 1987.
128. Лихачев Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей / Д. С. Лихачев. — М., 1982.
129. Лотман Ю. М. Анализ одного стихотворения / Ю. М. Лотман. — Л., 1985.
130. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю. М. Лотман. — Л., 1972.
131. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX века / Ю. М. Лотман. — СПб., 1994.
132. Лотман Ю. М. О русской литературе / Ю. М. Лотман. — СПб., 1997.
133. Лотман Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. — СПб., 1998.
134. Лотман Ю. М. Поэзия 1790–1810 годов / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. — СПб., 1996. С. 324–372.
135. Лотман Ю. М. Роман А. С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Ю. М. Лотман. — Л., 1980.
136. Лукина Н. В. Пушкинское наследие и усадьба XIX века / Н. В. Лукина// Михайловская пушкиниана. — М., 1999. — Вып.5. С. 117–132.
137. Ляпина Л. Е. В мире русской поэзии «прозаического века». Поэтика мотивов / Л. Е. Ляпина // Литература в школе. — 1998. — № 6. С. 17–27.

138. Магомедова Д. М. Идиллический мир в жанрах послания и элегии / Д. М. Магомедова // Болдинские чтения. — Нижний Новгород, 1999. С. 5–12.
139. Майкова А. Н. Архетипы и архетипические образы / А. Н. Майкова // Филологические науки. — 1999. — № 4. С. 20–30.
140. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских словарях. Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. — М., 1996.
141. Макогоненко Г. П. От Фонвизина до Пушкина / Г. П. Макогоненко. — М., 1969.
142. Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма / Ю. В. Манн. — М., 1976.
143. Манн Ю. В. Динамика русского романтизма / Ю. В. Манн. — М., 1995.
144. Марасинова Е. Н., Каждан Т. П. Культура русской усадьбы / Е. Н. Марасинова, Т. П. Каждан // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1: Общественно-культурная среда. — М., 1998. С. 265–374.
145. Марсина И. М. Путешествие в усадьбу во II пол. XVIII в. / И. М. Марсина // Русская усадьба. — Вып. 2(18). — М., 1996. С. 236–246.
146. Марцинкевич Н. Понятие топоса как литературоведческая проблема / Н. Марцинкевич // Славянскія літаратуры у сусветным кантэксту. Матэрыялы III Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Славянскія літаратуры у кантэксте сусветнай». Мінск, 18–20 лістапада 1997: В 2 ч. Ч. 2. — Мінск: БГУ, 1999. С. 104–107.
147. Мейлах Б. Пушкин и русский романтизм / Б. Мейлах. — М.–Л., 1937.
148. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. — М., 1994.

149. Мир Пушкина. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлицевой. — СПб., 1993.
150. Мир русской усадьбы / Отв. ред. Л. В. Иванова. — М.: Наука, 1993.
151. Мифы народов мира: В 2 т. — М., 1980.
152. Михайлова Л. Б. Судьба державинской Званки / Л. Б. Михайлова // Державинские чтения. — Вып. 1. — СПб., 1997. С. 109–116.
153. Михайлова Н. И. Пушкин и природа / Н. И. Михайлова // Русская усадьба. — № 2(18). — М., 1996. С. 190–197.
154. Михайловская пушкиниана. По материалам конференции «Столица и усадьба: два дома русской культуры». Пушкинские Горы — М., 2003. — Вып. 23.
155. Мовнина Н. С. Идеальный топоним русской поэзии конца XVIII – нач. XIX в. / Н. С. Мовнина // Русская литература. — 2000. — № 3. С. 134–147.
156. Мовнина Н. С. Поэтика тургеневской повести 1850-х годов: К проблеме взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / Н. С. Мовнина. — СПб., 2000.
157. Мовнина Н. С. Усадебное пространство в романе Пушкина «Евгений Онегин» / Н. С. Мовнина // Пушкин: историко-литературный, лингвистический и культурный аспекты. Сб. материалов научной конференции. — СПб., 2000. С. 83–98.
158. Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. — СПб., 1910.
159. Мотольская Д. К. Муравьев М. Н. / Д. К. Мотольская // История русской литературы. Т. IV. — М.–Л., 1947. С. 454–462.
160. Набоков Владимир. Комментарий к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / В. В. Набоков. — М., 1999.

161. Нащокина М. В. Усадьба пушкинского времени в русской культуре эпохи символизма / М. В. Нащокина // Русская усадьба. — М., 2000. — Вып. 6(22). С. 67–89.
162. Непомнящий В. С. Поэзия и судьба / В. С. Непомнящий. — М., 1983.
163. Никитина А. Б. Об усадьбе Г. Р. Державина «Званка» / А. Б. Никитина // Памятники культуры. Новые открытия. 1984. — Л., 1986. С. 508–522.
164. Новиков В. И. Специфика русской литературной усадьбы / В. И. Новиков // Русская усадьба. — Вып. 9(25) — М., 2003. С. 403–407.
165. Новикова А. М. Русская поэзия XVIII – первой половины XIX века и народная песня / А. М. Новикова. — М., 1982.
166. Олейников Д. Александр Бакунин и его поэма «Осуга» / Д. Алейников // Наше наследие. — 1994. — № 29–30. С. 50–54.
167. Онегинская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. — М., 1999; Т. 2. — М., 2004.
168. Орлов В. Л. Пути и судьбы. Литературные очерки / В. Л. Орлов. — М.–Л., 1963.
169. Орлов П. А. Русский сентиментализм / П. А. Орлов. — М., 1977.
170. Орлов П. А. О месте легкой поэзии среди литературных направлений начала XIX в. / П. А. Орлов // Филологические науки. — № 2. — 1980. С. 25–32.
171. Памятники Отечества. — № 25: Мир русской усадьбы. — М., 1992.
172. Панченко А. М. Топика и культурная дистанция / А. М. Панченко // Историческая поэтика: итоги и перспективы. — М., 1988. — С. 236–240.
173. Пастораль в системе культуры: метаморфозы жанра в диалоге со временем / Отв. ред. Т. В. Саськова. — М., 1999.

174. Паустовский К. Ильинский омут / К. Паустовский. — М., 1984.
175. Перфильева Л. А. «Французский вкус» в русской усадьбе последней трети XVIII века / Л. А. Перфильева // Русская усадьба. — Вып. 9(25). — М., 2003. С. 200–218.
176. Перфильева Л. А. В «Пространстве Цереры»: «виртуальные сады» в реальной жизни и литературе первой трети XIX века / Л. А. Перфильева // Русская усадьба. — Вып. 8(24). — М., 2002. С. 84–101.
177. Перфильева Л. А. Между столицей и усадьбой: к истолкованию трагедии героев «Евгения Онегина» / Л. А. Перфильева // Русская усадьба. — Вып. 5(21). — М., 1999. С. 113–129.
178. Перфильева Л. А. Сад Вяземских в Остафьеве / Л. А. Перфильева // Русская усадьба. — Вып. 6(22). — М., 2000. С. 176–200.
179. Пирумова Н. М. Семья Бакуниных в Премухинской усадьбе / Н. М. Пирумова // Мир русской усадьбы. — М., 1995. С. 7–19.
180. Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV–XIX вв.: Изд. 1-е. — М., 1955; Изд. 2-е. — М., 1962.
181. Полякова М. А. Русская усадебная культура как историко-культурный феномен / М. А. Полякова // Музеи Москвы и музеология XX в.: Тез. докл. науч. конф. 25–26 ноября 1997. — М.: РГОУ, 1997. С. 61–64.
182. Помещичья Россия по запискам современников / Сост. Н. Н. Руссов. — М., 1911.
183. Попов М. И. Описание древняго славянскаго языческаго баснословия собраннаго из разных писателей и снабденнаго примечаниями / М. И. Попов. — СПб., 1768.

184. Прокудин-Горский М. И. Уединенные размышления деревенского жития / М. И. Прокудин-Горский. — Б. м., 1770.
185. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. 1. — СПб., 1903.
186. Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. VI. — СПб., 1908.
187. Рассадин Ст. Спутники / Ст. Рассадин. — М., 1983.
188. Рассказова Л. В. Античный образец, «соображенный с российскими нравами» / Л. В. Рассказова // Русская усадьба. — Вып. 9(25). — М., 2003. С. 219–225.
189. Розанов И. Н. Русская лирика. От поэзии безличной — к исповеди сердца. Историко-литературоведческие очерки / И. Н. Розанов. — М., 1914.
190. Рузвельт П. Русская усадьба: Взгляд из-за океана / П. Рузвельт // Мир и дом. 1977. — № 1(25). С. 28–29.
191. Русская литература XVIII – нач. XX вв. в общественно-культурном контексте. — Л., 1983.
192. Русская провинциальная культура XVIII–XX вв. — М., 1993.
193. Русская усадьба. — Вып. 1–6. — М., 1994–1999.
194. Русская философия. Вторая половина XVIII века. — Свердловск, 1990.
195. Русский биографический словарь. — СПб., 1905.
196. Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII в. / Сост. П. Е. Мельгунова, К. В. Сивков, Н. П. Сидоров. Ч. 1. — М., 1914.; Ч. II. Вып. 1–3. — М., 1918–1923.
197. Саводник В. Ф. Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева / В. Ф. Саводник. — М., 1911.
198. Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (II пол. XVII – нач. XVIII века) / Л. И. Сазонова. — М.: Наука, 1991.
199. Сазонова Л. И. Поэт и сад: из истории одного топоса / Л. И. Сазонова // Folia Literaria. Studia z literatury polskiej i radzieckiej. — Lodz, 1988. С. 37–44.

200. Сандлер Стефани. Далекие радости. Александр Пушкин и творчество изгнания / Стефани Сандлер. — СПб., 1999.
201. Сандомирская В. Б. Батюшков К. Н. / В. Б. Сандомирская // История русской поэзии: В 2 т. Т. 1. — Л., 1968. С. 266–282.
202. Сандомирская В. Б. Дельвиг А. А. / В. Б. Сандомирская // История русской поэзии: В 2 т. Т. 1. — Л., 1968. С. 368–375.
203. Саськова Т. В. Высокое звучание «цинической свирели» (пастораль А. П. Сумарокова) / Т. В. Саськова // Миф. Пастораль. Утопия. — М., 1998. С. 44–58.
204. Саськова Т. В. Жанровая природа пасторали в историко-культурном осмыслении / Т. В. Саськова // Литература в системе культур. Материалы научного семинара. — Вып. 1. — М., 1997. С. 36–45.
205. Саськова Т. В. Пастораль в русской литературе XVIII – первой трети XIX века. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. доктора филол. наук / Т. В. Саськова. — М., 2000.
206. Саськова Т. В. Пастораль в русской поэзии XVIII в. / Т. В. Саськова. — М., 1999.
207. Саськова Т. В. Пастораль в художественной системе сентиментализма и рококо / Т. В. Саськова // Пастораль в системе культуры: метаморфозы жанра в диалоге со временем. — М., 1999. С. 57–69.
208. Саськова Т. В. Природа и социум: к вопросу о судьбах пасторальной традиции / Т. В. Саськова // Культура и творчество. — М., 1996. С. 17–18.
209. Свирида И. И. Поэтика пейзажного парка и культура Просвещения / И. И. Свирида // История культуры и поэтика. — М., 1994. С. 89–99.
210. Свирида И. И. Сады века философов в Польше / И. И. Свирида. — М., 1994.

211. Семенко И. Языков / И. Семенко // Поэты пушкинской поры. — М., 1970. С. 181–222.
212. Семенова Е. В. Антиох Кантемир и русская литература / Е. В. Семенова. — М., 1999.
213. Синило Г. В. Библейские корни европейской пасторали / Г. В. Синило // Пастораль. Идиллия. Утопия. — М., 2002. С. 3–16.
214. Словарь русских писателей XVIII века. Т. 1. — Л., 1988.
215. Смилянская Е. Б. Дворянское гнездо середины XVIII в.: Тимофей Текутьев и его «Инструкция о домашних порядках» / Е. Б. Смилянская. — М., 1998.
216. Смирнов А. А. Г. Р. Державин и А. С. Пушкин: Два этапа русской анакреонтики / А. А. Смирнов // Творчество Г. Р. Державина. Специфика. Традиции. — Тамбов, 1993. С. 45–57.
217. Смирнов В. Я. Жизнь и поэзия Н. М. Языкова. Критико-биографическое исследование / В. Я. Смирнов. — Пермь, 1900.
218. Смирнов Л. Усадебный ландшафт Руси / Л. Смирнов // Наше наследие. — 1994. — № 29–30. С. 34–50.
219. Смирнова Т. П. Парк и пейзаж пушкинского Михайловского / Т. П. Смирнова // Русская усадьба. — Вып. 6(22). — М., 2000. С. 242–256.
220. Соловьев К. А. «...во вкусе умной старины». Усадебный быт российского дворянства II пол. XVIII – I пол. XIX в. / К. А. Соловьев. — СПб., 1998.
221. Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века / Ю. В. Стенник. — СПб., 1995.
222. Стернин Г. Ю. Русская загородная усадьба в современных историко-культурных интересах / Г. Ю. Стернин // Русская усадьба. — Вып. 4(20). — М., 1998. С. 245–252.

223. Стернин Г. Ю. Усадьба в поэтике русской культуры / Г. Ю. Стернин // Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы. — Вып. 1(17). — М., 1994. С. 46–52.
224. Стихотворения Пушкина 1820–1830 годов: История создания и идейно-художественная проблематика. — Л.: Наука, 1974.
225. Стоюнин В. Я. Званка. Из путевых впечатлений / В. Я. Стоюнин // Библиотека для чтения. 1850. — Т. 104. — № 11. С. 29–55.
226. Строганов М. В. Поэт в русской усадебной жизни / М. В. Строганов // Бакунин А. М. Собрание стихотворений. — Тверь, 2001. С. 3–14.
227. Строганов М. В. Усадьба Бакуниных Премухино: стихотворные экскурсии / М. В. Строганов // Русская усадьба на пороге XXI века. Хмелитский сборник. — Вып. 3. — Смоленск: СГПУ, 2001. С. 40–51.
228. Татаринов А. В. Анакреонтика в творчестве Г. Р. Державина и А. С. Пушкина / А. В. Татаринов // Державинские чтения. Сб. научн. докладов. — СПб., 1997. С. 76–84.
229. Тойбин И. М. Тревожное слово. О поэзии Е. А. Баратынского / И. М. Тойбин. — Воронеж, 1988.
230. Томашевский Б. В. Пушкин: Материалы к монографии: В 2 кн. / Б. В. Томашевский. Кн. 1. — М.–Л., 1956; кн. 2. — М.–Л., 1961.
231. Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных лет / Б. В. Томашевский. — М., 1990.
232. Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение / Б. В. Томашевский. — Л., 1953.
233. Томашевский Б. В. Стих и язык / Б. В. Томашевский. — М.–Л., 1959.
234. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. — М., 1995.

235. Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы. (Введение в тему) / В. Н. Топоров // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 64. Семиотика города и городской культуры. — Петербург–Тарту, 1984. С. 4–29.
236. Турчин В. С. Любителям прогулок по садам или традиция философского воззрения на природу / В. С. Турчин // Русская усадьба. — Вып. 9(25). — М., 2003. С. 44–81.
237. Федоров В. И. Литературные направления в русской литературе XVIII века / В. И. Федоров. — М., 1979.
238. Фоменко И. Ю. М. Н. Муравьев и проблемы индивидуального стиля / И. Ю. Фоменко // На путях к романтизму: Сборник научных трудов. — Л., 1984. С. 52–71.
239. Фомичев С. А. «Евгений Онегин». Движение замысла / С. А. Фомичев. — М., 2005.
240. Фомичев С. А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция / С. А. Фомичев. — Л.: Наука, 1986.
241. Фризман Л. Г. Творческий путь Баратынского (1800–1844) / Л. Г. Фризман. — М., 1966.
242. Фризман Л. Г. Жизнь лирического жанра: Русская элегия от Сумарокова до Некрасова / Л. Г. Фризман. — М.: Наука, 1973.
243. Хаев Е. С. Идиллические мотивы в «Евгении Онегине» / Е. С. Хаев // Болдинские чтения. — Горький, 1981. С. 82–104.
244. Хаев Е. С. Идиллические мотивы в произведениях А. С. Пушкина рубежа 1820–1830 годов / Е. С. Хаев // Болдинские чтения. — Горький, 1984. С. 98–109.
245. Хетсо Г. Евгений Баратынский. Жизнь и творчество / Г. Хетсо. — Осло, 1973.
246. Ходасевич Вл. Державин / Вл. Ходасевич. — М., 1988.
247. Цертелев Н. А. О жизни и сочинениях В. В. Капниста и кн. И. М. Долгорукова / Н. А. Цертелев // Отечественные записки. 1884. — Ч. XIX. — Кн. 52. С. 264–271.

248. Цивьян Т. В. К мифологии сада / Т. В. Цивьян // Текст: Семантика и структура. — М., 1983. С. 140–152.
249. Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика / А. В. Чичерин. — М., 1985.
250. Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина: В мире стихотворного романа / Ю. Н. Чумаков. — М., 1999.
251. Чусова В. Д. О судьбе усадьбы Батюшковых Хантоново / В. Д. Чусова // Русская усадьба. — Вып. 7(23). — М., 2001. С. 529–537.
252. Шайтанов И. О. Мыслящая муза. «Открытие природы» в поэзии XVIII века / И. О. Шайтанов. — М., 1989.
253. Шарафадина К. И. Остафьевские аллюзии и «идеальный» усадебный тоpos в стихотворении П. А. Вяземского «К подруге» (1815) / К. И. Шарафадина // Русская усадьба. — Вып. 10(26). — М., 2004. — С. 634–639.
254. Шарафадина К. И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи: Источники. Семантика. Формы / К. И. Шарафадина. — СПб., 2003.
255. Шарафадина К. И. «Язык цветов» в русской поэзии и литературном обиходе первой половины XIX века (источники, семантика, формы). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. доктора филол. наук / К. И. Шарафадина. — СПб., 2004.
256. Швидковский Д. Усадьбы старые таинственной Руси / Д. Швидковский // Наше наследие. — 1994. — № 29–30. С. 3–19.
257. Шеина Ю. В. Русская буколическая поэзия XVIII – начала XIX веков. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / Ю. В. Шеина. — М., 2001.
258. Шеина Ю. В. Из истории буколических мотивов в русской литературе (Гораций, Тредиаковский. Державин,

- Пушкин.) / Ю. В. Шеина // Филологические науки. — 2001. — № 1. С. 29–35.
259. Шкуринов П. С. Философия России XVIII века / П. С. Шкуринов. — М., 1992.
  260. Щепкина Е. Н. Старинные помещики на службе и дома / Е. Н. Щепкина. — СПб., 1890.
  261. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. — М., 1957.
  262. Щукин В. Миф дворянского гнезда (Геокультурологическое исследование по русской классической литературе) / В. Щукин. — Краков: Ягеллонский университет, 1997.
  263. Щукин В. Усадебный текст русской литературы: основные параметры / В. Щукин. — *Studia Rossica*. VI. — Warszawa, 1998. С. 87–100.
  264. Щукина Е. «Натуральный сад» русской усадьбы в конце 18 в. / Е. Щукина // Русское искусство XVIII в. Материалы и исследования. — М., 1973. С. 109–118.
  265. Эпштейн М. Н. Природа, миф, тайник вселенной: система пейзажных образов в русской поэзии / М. Н. Эпштейн. — М., 1990.
  266. Языкова Е. В. Творчество Н. М. Языкова / Е. В. Языкова. — М., 1990.
  267. Якобсон Р. О. Работы по поэтике / Р. О. Якобсон. — Л., 1987.
  268. Gustova L. All'ombra dei querceti incantati / L. Gustova // *La nuova Europa*. — № 1(271). — Milano. 1997. С. 75–82.
  269. Roosevelt P. R. Life on the Russian Country Estate / P. R. Roosevelt // *A Social and Cultural History*. 1995.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	9
ГЛАВА I. «СЛАВЛЮ СЕЛЬСКУ ЖИЗНЬ НА ЛИРЕ» (Образ русской усадьбы в поэзии XVIII века).....	29
ГЛАВА II. «СВЯЩЕННЫЙ СЕРДЦУ КРОВ» (Образ усадьбы в русской поэзии начала XIX века)...	95
ГЛАВА III. «НАСЛЕДСТВЕННАЯ СЕНЬ» (Образ усадьбы в поэзии А. С. Пушкина).....	139
3.1. Особенности развития усадебного топоса в лирике А. С. Пушкина.....	141
3.2. Усадебно-идиллические мотивы в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин».....	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	180
БИБЛИОГРАФИЯ.....	188

Густова Людмила Ивановна

**«СЛАВЛЮ СЕЛЬСКУ ЖИЗНЬ
НА ЛИРЕ...»**

**УСАДЬБА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ
XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКОВ**

Компьютерное макетирование: М. А. Барболина
Дизайн обложки: Е. Г. Данилова
Фото на обложке: Е. А. Густов
Корректор: А. В. Муратова

Издательский Дом «Петрополис»
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16,
офис-центр 1, 2 эт., пом. 22
Тел.: (812) 336 50 34
www.petropolis-ph.ru
E-mail: info@petropolis-ph.ru
www.petrobook.ru

Подписано в печать 23.11.2012.
Формат 70 х 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Печ. л. 13,4.
Тираж 1000 экз. Заказ № 104.

Отпечатано в типографии «Град Петров»
ООО ИД «Петрополис»
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16